

ЛЕХАИМ N 11 (199)

**НОЯБРЬ
2008г.**

**ХЕШВАН
5769**

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ И ДУХА

לִיבּוֹ אֲנֵהוּ אֵינִי עֹרֵינִי - אִיךָ אֲנֵהוּ אִיךָ

О глазах и зрении

О глаукоме

<...> Судя по Вашим словам, Вы страдаете от глаукомы. В таких случаях обычно прибегают ко второй операции, хотя предварительно следует проконсультироваться с опытным окулистом, каких много в Эрец-Исраэль, и выяснить, нужна ли такая операция. Знайте: «Тора дозволила целителю исцелять».

Известно также, что одно из традиционных «средств» для излечения болезни глаз – это скрупулезное отношение к кидушу и авдале над вином (см.: Шабат, 113б и комментарий Раши; Пиркей де-рабби Элиэзер, гл. 20 и комментарий Радала, а также: Ийун тфила в Сидур а-Шалейм).

О потере зрения вследствие психологической травмы

<...> Вы рассказываете о проблемах с глазами у Вашей дочери, о мнении по этому поводу врачей и о том, что едете с ней к окулисту в Бостон.

Прежде чем решиться на эту поездку, посетите местного врача; он даст Вам направление к врачу из Бостона, опишет ее болезнь, сообщит о предложенном курсе лечения.

Насколько я знаю, многие жители Святой земли консультируются с медиками из Швейцарии. Я посоветовал бы Вам поступить так же. Уверен, среди Ваших друзей в Эрец-Исраэль есть люди, имеющие связи со швейцарскими врачами.

Что за болезнь у Вашей дочери, из письма не очень понятно. Уровень глазного давления легко определить, поэтому мне не вполне ясно, чем вызваны сомнения.

Более того, если болезнь проявилась внезапно, не исключено, что потеря зрения вызвана психологической травмой, но Вы ни о чем подобном в письме не упомянули.

Если же это так, то для этого существуют специальные методы лечения.

Хотя потеря зрения вследствие психологической травмы случается, и соответствующее исследование уже было проведено, я все же призываю Вас обратить на эту возможность самое серьезное внимание.

<...> Было бы целесообразно проконсультироваться по крайней мере с двумя-тремя специалистами в Мемориальном госпитале или клинике Майо в Рочестере (Миннесота) и следовать их указаниям.

Однако не соглашайтесь – если они так советуют – подвергнуть дочь хирургической операции, в ходе которой у нее удалят зрительный нерв, что приведет к немедленной слепоте.

Желаю Вашей дочери быстрого и полного выздоровления, и будет Вам даровано увидеть ее возросшей к Торе, хупе и добрым делам...

Об удалении катаракты

<...> Что касается операции по удалению катаракты. Вы пишете, что Вас убеждают «врачи», во множественном числе, – то есть среди них по крайней мере два специалиста-окулиста.

В таком случае Вам не о чем беспокоиться: подобные операции делают повсюду. Больше того, предосторожности, соблюдаемые в ходе этой операции, также известны. Хирурги знают и придерживаются их.

Кроме того, Вам незачем отправляться в другую страну, чтобы сделать эту операцию – тоже по ряду причин.

Относительно того, какого врача Вам выбрать.

Слышал я от моего тестя очень хорошую историю. Предстояло совершить обрезание одному из внуков Цемах Цедека. На роль моего претендовали двое: один, постарше, был лучше осведомлен в мистических понятиях (каванот), имеющих отношение к обрезанию; другой, попроще и помоложе, имел твердую руку.

Когда Цемах Цедека спросили, кого из двух выбрать, он ответил: того, кто моложе, ибо очень важно сделать настоящий надрез, то есть чтобы брит был исполнен наилучшим образом.

Поэтому критерием выбора хирурга должна быть не его религиозность, а уровень мастерства.

Да пошлет Всемогущий Вам исцеляющие слова и полностью исцелит Вас посредством выбранного Вами хирурга.

О возможном удалении глаза

<...> Отвечаю на Ваше письмо, где Вы рассказываете о болезни глаза.

Мне не нравится, что уже два года назад Вы, почувствовав что-то в глазу, не пошли к врачу. Однако «не нужно жаловаться на прошлое».

Что же касается настоящего: по-моему, Вам следует посоветоваться с двумя глазными врачами, специалистами в этой области, и пройти курс лечения всеми доступными средствами, прежде чем решиться на удаление глаза.

<...> Вы сообщаете, что два окулиста считают необходимым удалить глаз, и есть две возможности: сделать это немедленно и заменить глаз стеклянным или же удалить только зрачок.

Мне кажется, что, если удаление глаза действительно необходимо, лучше удалить его. В любом случае, идет ли речь о полном или частичном удалении, Вам необходимо следовать указаниям врачей.

Да пошлет Вам Б-г удачу, чтобы операция прошла успешно и Вы вскоре опять были здоровы, чтобы возрастать и продвигаться в изучении Торы – как в ее открытой части, так и в хасидуте, – что послужит сосудом и орудием для Б-жьих благословений во всех делах.

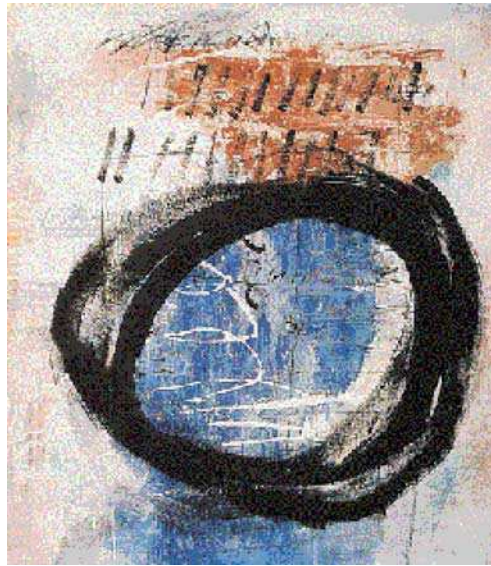
<...> Будьте тверды в Вашем уповании на Всевышнего. И конечно, незачем напоминать вам о том, что нужно тщательно соблюдать кидуш и авдалу – по словам благословенной памяти наших мудрецов, они влияют на «источник света глаз человеческих».

О контактных линзах

Отказавшись носить контактные линзы, Ребе сказал нескольким женщинам и девушкам из Хабада: «это нецелесообразно», «не носите их (по возможности)», «всем известно, что я против них». Если он и разрешал их носить, то довольно редко.

Один из секретарей Ребе рассказывал, что однажды присутствовал при споре между ним и известным офтальмологом. Врач поведал, что у одной из его пациенток было серьезное глазное заболевание, поэтому он считал единственной надеждой на сохранение зрения контактные линзы. Ребе ответил врачу: «Вы не дожидаетесь от меня одобрения. С моей точки зрения, ей нецелесообразно носить линзы». Узнав его мнение, пациентка отказалась от линз, и зрение ее улучшилось.

Как-то Ребе показал секретарю заметку из израильской газеты. В ней описывались два случая, когда контактные линзы привели к проблемам со здоровьем, после чего сказал: «Видишь, я был прав, возражая против них».

Духовные советы по исправлению зрения

Вы пишете, что Ваше зрение ухудшилось и пока офтальмолог не сделал ничего для исправления ситуации.

Я посоветовал бы Вам обратиться к другому специалисту: Тора требует, чтобы мы использовали естественные методы и получали благодаря им действенное лечение.

Кроме того, я рекомендовал бы Вам участвовать в публичном чтении Торы, а также ежедневно изучать или, по крайней мере, повторять несколько стихов из книг Танья и Зоар.

У наших мудрецов есть замечательная поговорка (Тамид, 32а): «Кто мудр? Тот, Который видит, что родится из Его действий».

Хасидут объясняет ее так: мудрость состоит в том, чтобы в любой момент видеть рождение Творения от небытия к бытию (от Айн к Йеш).

Как объясняет Алтер Ребе в Шаар ихуд ве-эмуна, Творение – не единовременное событие, хотя и длилось шесть дней. Нет, Б-жественное слово непрерывно творит мир, в каждый момент времени, от небытия к бытию.

То же самое верно и по отношению к каждому еврею – его физическое здоровье зависит от духовного здоровья, равно как физическая составляющая творения неизменно обновляется духовной составляющей и зависит от нее.

Необходимо разобраться в недомогании духовного органа, соответствующего физическому – например, хватает ли человеку духовной силы зрения, которая позволяет ему видеть, как все физическое ежемоментно претворяется из небытия в бытие.

<...> Вы слышали, конечно, об учении Бааль-Шем-Това: о том, что в каждом событии, случившемся с человеком, во всем, что человек видит или слышит, есть скрытый урок и указание, которое относится к его служению Б-гу. Несомненно, сюда относится и такой ответственный момент в жизни, который довелось пережить Вам, а именно проблемы со зрением – ведь зрение играет важнейшую роль в жизни человека.

Это подчеркнуто и в открытой части Торы, где (есть такое мнение) утверждается, что только зрячий человек обязан и достоин выполнять все мицвот; только зрячий воистину считается живым и т. д.

Несомненно, Вы также знаете слова наших мудрецов о силе зрения как «источнике света глаз человеческих».

Все, что говорили наши мудрецы, отличается предельной точностью, равно как и каждое слово нашей святой Торы, дарованной Б-гом Моше на Синае.

«Человек – микрокосм Торы». «Б-г создавал мир, заглядывая в Тору» – то же относится к человеку, которого называют «маленьким миром» (Танхума, начало Паршат Пекудей; Тикуней Зоар, Тикун, 69, с. 100б и далее).

Из сходства макрокосма Вселенной и микрокосма человека следует, что «источник света глаз человеческих» соответствует тому, что говорится об «источнике света» в Торе – как об этом свидетельствует начало Эйха раба: «Источник света внутри ее (то есть внутри Торы) возвратит его (то есть грешника) к добру».

«Свет источника Торы» относится к тайной, «скрытой» части Торы, которая внушает человеку трепет перед Б-гом и любовь к Нему. Это разъясняется в Ликутей Тора Алтер Ребе (в конце главы Ваикра).

В позднейших поколениях светоносный аспект Торы был открыт в учении хасидизма: теперь всякий может очень хорошо понять «эзотерическое» и «скрытое».

Сказанное выше – не научная теория, а практические указания; поэтому твердо решите для себя регулярно изучать хасидут. Такое решение ускорит процесс лечения Ваших глаз, и Ваши надежды очень быстро осуществляться.

ПО ДОЛГАМ НАДО ПЛАТИТЬ

Ааде Эацад

Вот уже больше месяца главной темой публикаций в СМИ - да и, насколько можно судить, главной темой людских разговоров - является мировой финансовый кризис. К сожалению, проблемы ипотечных и инвестиционных банков никогда не ограничиваются этими самыми банками: они тяжело сказываются на производителях, которым трудно получать кредиты на расширение производства, и на потребителях, которые сталкиваются с ростом цен в магазинах.

Суть нынешнего кризиса, если перевести с языка профессиональных экономистов, сводится к одной простой вещи: банки раздали людям кредиты на суммы, намного превышающие те, которые заемщики в состоянии вернуть. А люди, соответственно, взяли больше денег в долг, не думая, как они будут возвращать.

К сожалению, это универсальная проблема: когда человек слишком много берет займы, неприятности начинаются не только у него, но и у окружающих. Кредит существовал в человеческом обществе практически всегда - даже в давние времена, когда торговец брал деньги в долг, чтобы купить товар, а потом расплачивался с кредитором из полученной прибыли. Правда, в те времена нравы были суровые, наказания тяжкие - так что заемщик, как правило, не рисковал просить в долг, если опасался, что не сумеет этот долг возвратить. В нынешнем потребительском обществе пропагандируется жизнь в кредит: получить деньги займы очень легко, а о последствиях возможного невозврата предпочитают умалчивать. Результат налицо - сегодня платить за возникающий кризис приходится всем.

Подобная ситуация существует не только в экономике, но и в духовной сфере. На самом деле мы все живем в кредит у Б-га. Что такое наши молитвы как не просьбы к Б-гу дать нам то-то и то-то: здоровье, удачу, умного сына, хорошего мужа дочери?.. Мы просим у Б-га помощи, а возникающий долг обещаем отдать добрыми делами - выполнением заповедей, благотворительностью, заботой о ближних. Это условия договора, который мы заключаем с Б-гом. Праведность - скрупулезное исполнение наших обязательств по этому договору. Недаром наши мудрецы учат, что праведник познается по честности в бизнесе!

К сожалению, некоторые люди легкомысленно относятся к обещаниям, которые дают Б-гу. Их поведение напоминает известный анекдот о бизнесмене, который опаздывал на важную деловую встречу, потому что никак не мог отыскать место для парковки. В конце концов он взмолился: «Г-споди, помоги, а я обещаю отдать половину прибыли от сделки на заботу о бедных!» Тут же в сплошном ряду машин у тротуара возникает пустое место - как раз чтобы ему припарковаться. «Б-же, все в порядке, - торопливо заявляет бизнесмен, - я сам решу эту проблему, так что не беспокойся...»

Реально Б-г дает нам в долг с самого момента рождения - ведь именно Он даровал нам жизнь. Говоря экономическим языком, Б-г доверяет нам как добросовестным заемщикам. Но кредит надо возвращать - то есть надо оправдать то доверие, которое нам оказано. В прошлом месяце, в дни между Рош а-Шана и Йом Кипуром мы, как и всегда, представили отчет о сделанном в прошедшем году. Год назад каждый из нас взял какие-то обязательства, просил у Б-га помощи, обещал вернуть: в прошлом месяце мы

отчитались перед Б-гом за то, как расплачивались по кредиту. «Добросовестные заемщики» были занесены в Книгу жизни, удостоились доброй записи и подписи. Иными словами, Б-г открыл нам кредит на новый год.

Но то, что Б-г был доволен нашим поведением, вовсе не означает, что мы можем отныне «расслабиться». Как раз наоборот. У добросовестного заемщика все время поднимается планка. Тот, кто доказал свою состоятельность, в следующий раз может воспользоваться кредитом на более значительную сумму, то есть получить больше от Б-га. Но и сам он должен соответствовать своему повышающемуся статусу, оправдывать его соблюдением заповедей и благими делами.

Сейчас Б-г как раз предоставляет нам такую возможность. В дни экономического кризиса надо всегда помнить, что, хотя бизнесменам и другим состоятельным людям стало трудно, положение тех, кто в меньшей степени может положиться на свои силы, - пожилых людей, инвалидов, одиноких, многодетных матерей - ухудшилось куда больше. Теперь самое время им помогать, самое время для благотворительности - несмотря на то, что прибыли, возможно, снизятся еще больше. Сегодня многие представители бизнеса говорят: в условиях экономической неопределенности они будут сокращать инвестиции. Но в наших отношениях с Б-гом никакой неопределенности нет и быть не может, так что благотворительность, помощь ближнему остается самой важной инвестицией.

И кстати, потенциально самой прибыльной. На этот счет есть история об известном богаче и филантропе Моше Монтефиори. Однажды журналист спросил, каково приблизительно его состояние. Монтефиори назвал сумму. «Вы смеетесь? - удивился журналист. - Я же знаю, что ваша недвижимость и ваш бизнес стоят намного больше!» Тогда его собеседник объяснил, что приведенная цифра - это его расходы на благотворительность: «Реально у меня есть только то, что я дал на цдаку. Это состояние, которое я никогда не потеряю. А все остальное - как говорится, Б-г дал, Б-г взял, да будет Имя Его благословенно».

Кризис - не только проблема, но и возможность. Именно сейчас Б-г ждет от нас, чтобы мы отдали Ему долг, помогая ближним. За это Он наградит стократ.

СЛЕЗЫ МАТЕРИ:

РАХЕЛЬ ОПЛАКИВАЕТ СВОИХ ДЕТЕЙ

Nei ií Áæáéíáíí

До сих пор воспитывает нас одна из самых трогательных историй – история нашей матери Рахели, умершей в 36 лет.

«Рахель родила; и роды ее были трудны... она умирала и нарекла ему имя Бен-Они (Сын моей печали)... Но отец назвал его Биньямином... И умерла Рахель, и погребена на дороге в Эфрату, он же Бейт-Лехем... И поставил Яаков памятник над гробом ее. Это надгробный памятник Рахели до сего дня» (Берешит, 35:16–20).

Печальная смерть Рахели, которая отдала жизнь за младенца при родах, исторически персонифицирует в ней образ матери, приносящей себя в жертву ради своих детей, – образ вечный и непреходящий до конца времен.

Почему наша мать Рахель похоронена на дороге, а не в пещере Махпела в Хевроне, где погребены четыре супружеские пары основателей родов (Адам и Ева, Авраам и Сара, Ицхак и Ривка, потом Яаков и Лея)? Хеврон расположен недалеко от Бейт-Лехема. Почему Яаков не воздал должное своей любимой жене и не похоронил ее в почетном месте, рядом с патриархами и праматерями?!

На смертном одре сам Яаков ответил на этот вопрос, заставив Йосефа поклясться, что тот похоронит его в Хевроне, вместе с его праотцами: «А я, – при переходе моем из Падана умерла у меня Рахель в стране Кнаан, на дороге, не доходя немного до входа в Эфрат, и я похоронил ее там, на дороге в Эфрат, он же Бейт-Лехем» (Берешит, 48:7). «Прошу тебя: потрудись похоронить меня в этой земле... хотя я не поступил так с твоей матерью. Она умерла близ Бейт-Лехема... и я даже не взял ее в Бейт-Лехем, чтобы предать земле. Я знаю, что в душе ты гневаешься на меня. Но знай, что по Б-жественному повелению я похоронил ее там, и она поможет детям своим, когда

Невухаднецар пленит их, и они будут шествовать мимо. Тогда Рахель восстанет из могилы, и заплачет, и попросит милосердия для них, как сказано: “слышится голос в Раме, вопль (и) горькое рыдание: Рахель оплакивает сыновей своих; не хочет она утешиться из-за детей своих, ибо не стало их”. И Г-сподь ответит ей: “Удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, ибо есть воздаянье за труд твой, – сказал Г-сподь, – возвратятся они из вражьей страны. И есть надежда будущности твоей... возвратятся сыны в пределы свой”». Разумеется, Яаков видел материнские слезы Рахели уже во время их первой встречи, когда Рахель-пастушка предстала перед ним с овцой ее отца. «И поцеловал Яаков Рахель, и поднял голос свой, и заплакал» (Берешит, 29:12). Почему он заплакал? Потому что предвидел: она не будет погребена рядом с ним (Раши), чтобы она могла молить и заступаться за своих страдающих детей. Другими словами, глядя на Рахель во время их первой встречи, Яаков плакал о всех тех слезах, которые Рахель прольет за своих детей.

Каждая деталь в Торе точна и значима для нашей жизни. В чем глубинный смысл этих слез – Рахели и Яакова? Зададимся практическим вопросом: каким образом место погребения Рахели на дороге может послужить «помощью ее детям»? В самом деле, дети Рахели, отправленные в изгнание, утешались, проходя мимо ее могилы по пути из Иерусалима. Но почему слезы Рахели более действенны, если она похоронена на дороге, а не в пещере Махпела?

И прежде всего: да, мы знаем, что Рахель погребена на дороге и плачет о своих детях, что Яаков заплакал, думая о ее слезах, – но что все это значит для нас сегодня?

Ответ может быть найден в книге «Ганья» (гл. 45), где содержатся глубочайшие размышления о духовном постижении на основе психологически-духовного обращения к Рахели и Яакову: Рахель – это небесный атрибут Малхут (силы достоинства), источника всех душ. Яаков – измерение Тиферет (сострадания), рождающего сочувствие к болезненному сошествию души в материальную вселенную.

Всякая душа на земле, как объясняет «Ганья», начинает свой путь в духовной реальности и оттуда ввергается в «плен» физического тела, вселенной, которая скрывает присутствие души и все духовное.

Б-жественная искра души, по существу, загнана в узкие пределы нашего земного бытия (даже если человек никогда не грешит), вызывая глубокое чувство духовной и экзистенциальной дисгармонии. И насколько же усиливается духовный плен, когда мы запутываемся в сетях своего нарциссизма, нечистых мыслей, речей и дел. Тем самым мы еще дальше вытесняем Б-жественную душу, и более того, ее Б-жественный источник, порождая эзотерическое понятие «пленения Шхины».

Рахель являет нам духовное пленение Малхут, отождествляется с ним. Цена, которую она уплатила, – это смерть родами, а потом погребение в одинокой придорожной могиле, чтобы свидетельствовать о страданиях ее детей. Пока ее дети пребывают в плену и под гнетом, Рахель не может обрести окончательного покоя и остается с ними «на дороге»: «Рахель оплакивает сыновей своих; не хочет она утешиться из-за детей своих».

А какая роль здесь у Яакова? В «Ганье» объясняется, что Яаков являет сострадание – потенциал, способный пробудить плененную и вытесненную душу (и Шхину).

Поэтому, продолжает «Ганья», «поцеловал Яаков Рахель, и поднял голос свой, и заплакал»:

«Яков, с его небесным атрибутом Б-жественного милосердия (Ацилут), вызывает огромное сострадание к Рахель, источнику всех душ. “И возвысил голос свой” – ввысь, к кладезю Высшей благодати, к источнику Тринадцати Б-жественных атрибутов сострадания. “И заплакал” – чтобы разбудить и извлечь оттуда, из безграничной благодати Б-жьей, избыточное сострадание ко всем душам и их источнику, вернуть их из плена и объединить в Высшем единстве Б-жественного бесконечного света, на уровне “поцелуев”, которые “связуют дух с духом”: “да целует меня поцелуями уст своих”, что означает союз слова человека, изучающего Тору, со “словом Б-жьим, а именно Алахой”. Таким образом, когда человек размышляет размышлениями Торы, земная мысль соединяется с Б-жественной мыслью – но и также земное действие соединяется с Б-жественным действием, путем активного соблюдения заповедей и, в особенности, дел добра и милосердия».

Проще говоря, плач и поцелуй Яакова – это путь, который мы можем использовать для пробуждения от духовного сна. Размышляя над радикальным актом сошествия души в тело, мы пробуждаем глубокое чувство сострадания к плененной душе. Как печально видеть нежную душу, падающую с высочайших вершин в глубины эгоистического бытия! Сострадание Яакова помогает Рахель выстоять, когда дети ее угнаны в плен. И в конечном счете слезы Рахель побеждают: «есть воздаянье за труд твой, возвратятся они из вражьей страны. И есть надежда будущности твоей... возвратятся сыны в пределы свои».

В терминах психологии, Малхут (Рахель) – это достоинство. Чувство уверенности и безопасности, приходящее с осознанием присущей тебе ценности и уникальности, поскольку ты сотворен по Образу Б-жьему. Достоинству противостоит чувство бесполезности, стыда, неуверенности, низкая самооценка – порой до самоотрицания.

Мать, воспитывающая своего ребенка, прививает ему чувство Малхут. Точнее, не прививает: она возвращает и насыщает чувство достоинства, которое дается при рождении каждой души. Когда воспитание недостаточно, достоинство не исчезает, оно скрывается.

В нашем материалистическом мире мы часто отвлекаемся на преходящие удовольствия и забываем: главное, за что мы несем ответственность, – это воспитание величия в наших детях.

Сегодня это верно как никогда. С нашими продвинутыми технологиями и комфортом, беспрецедентным уровнем жизни, наша самооценка парадоксальным образом продолжает снижаться. Чем охотнее мы отвлекаемся на внешние стимулы и обретение богатств, тем больше пренебрегаем нашими детьми. Чем активнее наша внешняя жизнь, тем пассивнее внутренняя.

Из всех Б-жественных атрибутов сегодня наибольшему урону подвержен Малхут, достоинство. Мы обнаруживаем много мудрости, понимания, знания, любви, дисциплины, сострадания, амбиций, даже скромности и привязанности – но личное достоинство вытеснено в нашем недееспособном мире.

Это психологическое «пленение» Малхут и Шхины.

Постигай Рахель: она воплотила в себе самую сущность матери Израиля, пребывая «на дороге» и всегда оставаясь с нами, в наших странствиях и трудностях.

Все мы молим за нашу биологическую мать (в добавление к Рахель), надеемся, что она защитит и вырастит нас. Всякий этого заслуживает. Но даже благословляемые здоровой матерью, мы всегда должны помнить, что живем в своего рода «духовном плену» и нуждаемся в нашей матери Рахели. И даже лишены растящей нас матери, мы никогда не лишены Рахель. Она всегда бодрствует, беззаветно любя нас, тогда и сейчас – до сегодняшнего дня.

До сегодняшнего дня Рахель плачет о своих детях. Мать всех детей, она наблюдает за нами, плачет с нами и за нас. Она проливает слезы за каждого одинокого ребенка, за каждую страдающую юную душу и за взрослого.

И это не просто слезы – это слезы любящей матери, слезы, которые омывают семена наших иссушенных душ, позволяя им стать плодоносными: «и будет душа их подобна обильно напоенному саду, и не будут они больше горевать» (Ирмеяу, 31:11).

Все мы должны знать, что независимо от забот нашей биологической матери, независимо от того, каким образом возвращается или унижается наше достоинство, Рахель всегда остается начеку и не знает покоя. Когда случается беда, она заступает за нас. Можно только гадать, не благодаря ли слезам Рахель мы оставались живы все эти годы, выстояли, несмотря на все невзгоды?

Как нам задействовать материнскую любовь Рахель? Мы указываем на свои трудности не для того, чтобы погрузиться в депрессию или вызвать жалость к себе, но с целью пробудить сострадание – пожалеть себя (хоб рахмонус). Твоя чудесная душа, возвышенная и тонкая душа оказалась в ловушке твоего грубого тела и бессердечного мира. Она ждет, что ты познаешь ее. Обними ее, поцелуй ее, поплачь о ней и с ней – соверши поступки (мыслями, словами и действиями), которые утешат твою душу и позволят ей действовать в этом мире.

Наше сострадание – к себе и другим – помогает нашей матери Рахели вершить ее труд внутри каждого из нас, пока мы не достигнем места назначения и «есть воздаянье за труд твой, возвратятся они из вражьей страны. И есть надежда будущности твоей... возвратятся сыны в пределы свои».

РАББИ ПИНХАС ИЗ КОРЕЦА

Nai oee Aidoaioee

С территории Украины и Белоруссии хасидизм постепенно проникал в Литву. Достаточно назвать имена великих литовских последователей Магида из Межирича, таких, как рабби Шнеур-Залман из Ляд (основатель Хабада), рабби Менахем-Мендл из Витебска, рабби Залман из Гаполи, и становится ясно, насколько глубоко хасидизм пустил корни в литовской земле. А рабби Залман не только сам перешел на сторону хасидов, но и занялся «миссионерством», разъезжая по городам Литвы, которые считались оплотом раввинизма, и пытаясь приобщить тамошних евреев к хасидскому учению, «исправить» заблудшие души литваков. Однако особую бурю среди митнагедов вызвало «отступничество» рабби Авраама Калискера, одного из ближайших учеников Виленского гаона, который, покинув учителя, переметнулся во вражеский лагерь и стал учеником Межиричского магида, чем заслужил восхищение и уважение хасидского сообщества и впоследствии даже удостоился ласкового прозвища «дедушка».

Из Литвы вышла еще одна центральная в хасидском мире фигура – рабби Пинхас из Кореца, или «великий рабби Пинхас».

1.

Семья рабби Пинхаса вела происхождение из Германии, где занимала привилегированное место в общине города Шпеер. Оттуда же пошла их фамилия «Шапиро», которую рабби Пинхас очень ценил, так как, по его словам, она напоминала о городе, где в Средние века его предки внесли свою лепту в «освящение Имени Всевышнего» и откуда отправились в изгнание^[1]. Он всегда подписывался «Пинхас Шапиро» и такое же имя приказал высечь на своем надгробии. По преданию сам Бешт весьма почитал всех, носивших фамилию Шапиро.

Рабби Пинхас родился в Шклове в 1726 или 1728 году. Его отец, рабби Авраам, был одним из известнейших и образованнейших людей города. Позднее семья переехала в Мирополь, что на Волыни. Рабби Пинхас получил классическое «литовское» образование: глубокие знания Талмуда и книг по Алахе, занятия пильпулем (сложными логическими построениями, связывающими разные положения Талмуда). Он весьма преуспел в этих науках и даже составил книгу собственных примечаний к одной из частей кодекса «Шульхан арух».

В те дни имя Бааль-Шем-Това и истории о нем уже распространились по всей Украине и Подолии. Достигли они и молодого литвака и произвели на него неизгладимое впечатление. Он углубился в изучение книг по этике и каббале, уделяя особое внимание сочинениям рабби Ицхака Лурии, но его настольной книгой стал «Зоар», так как, по его мнению, «он помогает человеку и в духовном, и в материальном плане». Рабби Пинхас говорил: «Надо благодарить Всевышнего за то, что создал нас в поколении, когда “Зоар” уже известен, ведь благодаря “Зоару” я удостоюсь будущего мира».

В его душе произошел переворот, он начал по-новому смотреть на мир и теперь с иронией отзывался о принятой у митнагедов форме обучения – пильпуле, считая годы, проведенные в сухом, лишенном эмоций учении, практически бесполезно прожитым

временем. Рабби Пинхас свидетельствовал, что даже занятия Талмудом не дают ему того наслаждения и ощущения «жизненности», какое доставляет изучение «Зоара»: «Постижение каббалы и тайн Торы предпочтительнее изучения нигле (явных ее частей), так как может отменить злой рок; потому-то в эпоху гаонов (VI–X века), когда наше внимание было сконцентрировано в основном на нигле, мы так часто страдали от гонений».

Рабби Пинхас проникся хасидской идеей о том, что сущность учебы заключается не в механическом произнесении слов, а, в основном, в чистых, незапятнанных помыслах, и особо подчеркивал важность того, что называется кавана, то есть душевное намерение и настрой мыслей. «Вы могли бы подумать, что учение содержится только в голосе и словах. Нет – учение содержится и в мыслях; <...> есть Тора, которая выше слышимой речи». Мысль приходит к человеку свыше, и «силой мысли человек может увидеть весь мир – от конца до края, и ничто материальное не помешает ему».

Мирополь. Торговая площадь.

2.

Свой путь в хасидизме рабби Пинхас избрал самостоятельно. Дважды посещал он дом Бешта, но скорее в качестве товарища, чем ученика, несмотря на то что Бааль-Шем-Тов был намного старше. Бешт, со своей стороны, дважды наносил ему ответный визит. Рабби Пинхас очень ценил духовное величие учения Бешта и даже предписал одному из своих последователей идти дорогой, описанной в книге «Завещание Риваша (Бешта)», но испытывал сомнения по поводу «знамений и чудес». Заслуживает внимания и то, что рабби Пинхас никогда не называл Бешта «мой учитель», да и отношение к нему Бешта не походило на отношение учителя к ученику.

Рабби Пинхас прокладывал свой путь в хасидизме самостоятельно. «У каждого праведника в нашем поколении есть учитель, но не у него, – гласит предание, – его обучает его собственная душа». А рабби Пинхас говорил: «Нет человека, душа которого не обучала бы его в любое время и во всякий час».

Вот основные идеи его «хасидизма»: простая и чистая вера без всяких ухищрений, примерные личные качества и безоговорочная искренность. «Все, что я говорю, призвано укреплять веру и показывать, что Всевышний присутствует в любой вещи», ибо «весь мир и есть Всевышний». Человеку, пришедшему за советом, когда его постигло большое несчастье, он советует «полностью положиться на Высшее милосердие,

ничего не предпринимать, никак не лечиться, даже не молиться и не ходить в микву, а просто уповать».

«Примерные личные качества» он считал в иудаизме главным. Основа этики и морали – обязанность человека искоренить в себе все отрицательное. «Я ценю, – говорил рабби Пинхас, – Б-гобоязненного выше мудрого, а добросердечный стоит выше их обоих». «Истина и скромность» – вот девиз, которым он увлекал и вел своих последователей. «Ложь приравнивается к прелюбодеянию, и человек обязан умереть, но не солгать», – внушал он и добавлял: «Если бы все говорили правду, Машиах бы уже пришел». Детей он приучал не лгать с самого раннего возраста и сам, любя истину, не смущался перед авторитетами. Он не побоялся сказать, что «в нашем поколении есть некоторые праведники, которые не остерегаются неправды». Несмотря на то что рабби Пинхас высоко ценил книгу «Толдот Яаков-Йосеф»^[21] и говорил, что «таких книг еще не существовало», что она «содержит в себе учение из райского сада», степень правдивости ее автора, рабби Яакова-Йосефа из Полонного, вызвала его нарекания. «Разница между мной и рабби из Полонного в следующем: он очень любит правду и поэтому публично проповедует истину, стараясь, чтобы она прозвучала как можно шире, и не заботясь о том, что между многими словами истины порой вкрадывается несколько крупиц лжи. Я же настолько ненавижу ложь, что даже правды стараюсь говорить как можно меньше, дабы случайно не оговориться и не произнести неправды». Рабби из Полонного придерживался правила «цель оправдывает средства» и считал, что «мудрец имеет право пользоваться ядами – ложью или полуправдой, дабы оживить и зажечь души». Рабби Пинхас был резко против такого подхода. Истина представляла для него столь великую ценность, что он приучал своих сыновей молиться: «Владыка мира, направь нас путем истины!»

Скромность, по мнению рабби Пинхаса, также является одной из основных ценностей иудаизма, и, вынося суждение о ком-то, следует начинать прежде всего с нее: «Человек, в котором есть хоть малейшая крупица гордыни или заносчивости – пусть даже он в полной мере обладает всеми прочими положительными качествами, – не стоит ничего, <...> но с человеком, считающим себя “ничем”, пребывает Шхина (Б-жественное присутствие)». Он советует всякому, кто пользуется уважением, не гордиться этим, ибо «тот, кто оказывает тебе почет, ставит себя ниже тебя и тем самым поднимается выше тебя, а если так, то чем же тебе гордиться?» О себе он говорил: «Все, чего я достиг, пришло ко мне, пока я учился, сидя в уголке за печкой, а сейчас, когда я сижу во главе стола и пытаюсь учиться, – не понимаю написанного!»

Скромность требуется даже при служении Всевышнему. Еврей не должен пытаться постичь то, что ему не положено знать: «Пусть человек в своем служении не старается проникнуть в высшие миры, пусть действует просто и искренне, и если он достоин глубинного понимания – оно не преминет само прийти к нему». Рабби Пинхас как-то признался: «Если расскажут тебе про человека, который молился с такой силой и рвением, что у него вылетали зубы, знай, что это был я, но тогда это было неискренне, а то, как я молюсь теперь, это и есть истинный путь». Когда его спросили, почему он молится не так, как принято у хасидов, а сдержанно, без раскачиваний и каких-либо телодвижений, рабби Пинхас ответил: «Главное в молитве – прилепиться ко Всевышнему, а это означает утратить собственную сущность, как если бы душа покинула тело».

Цена в людях прежде всего скромность, самоумаление и правдивость, рабби Пинхас не находил этих черт в литовских евреях, зато часто находил в них обратные качества. В силу этого он очень не любил литваков; о степени его неприязни можно судить хотя бы по такому резкому высказыванию: «Случись мне обнаружить в себе хоть одну “литовскую” жилку, я вырвал бы ее из своего тела».

Из этих и других высказываний вырисовывается образ учителя, без устали проповедующего необходимость самосовершенствования, потому что только тот, кто постоянно работает над собой, достоин называться человеком. Но мы погрешили бы против истины, столь ценимой рабби Пинхасом, если бы не процитировали здесь некоторые его сентенции, свидетельствующие об отношении цадика к самому себе. Он говорил: «Если бы я мог записать все мною сказанное, я смог бы оживить множество душ». Или: «Когда я молюсь перед святым ковчегом и наклоняюсь вправо, некоторые миры трепещут, а когда я склоняюсь влево – трепещут другие миры». Он был уверен в силе своего духовного влияния и верил, что может «разогнать тучи и очистить небеса». Он также был убежден, что его путь в иудаизме – единственно верный и истинный, и если б он «жил много лет назад», теперь все бы уже служили Всевышнему так, как указал он, рабби Пинхас.

Мидраш «Пинхас», сочинение рабби Пинхаса.

Варшава. 1876 год.

3.

Рабби Пинхас превозносил «людей из народа Израиля», он говорил: «Человек из народа Израиля несет в себе всю Тору». Даже его плоти, или, как рабби Пинхас ее называет, «его животному началу», свойственна чистота: «Когда на еврея нисходит озарение, оно проникает и в его “животное”». Несмотря на весьма пессимистичный взгляд на мир, где «плохого больше, чем хорошего», человека он рассматривает исключительно в позитивном свете, хоть и находит в нем противоречивые черты, или, как он выражается, «рай и ад». Рабби Пинхас рекомендует каждому помочь «раю» в себе возобладать над «адам». Он предупреждает против употребления бранных слов и проклятий, против любого вида клятв, советует не допускать в себе гнева и горечи, «говорить мягко и вежливо» и вообще «взвешивать на весах разума каждое слово, дабы решить, стоит его произносить или нет», ибо «все слова приходят к человеку свыше».

«Каждому человеку вверено особое место в мире и особое время в году, и это имели в виду наши мудрецы, говорившие: “удостоился – склоняет чашу весов всего мира в сторону заслуг, а если, не дай Б-г, нет – наоборот”. И вверенный каждому удел ждет жизненных сил и благословения, которое Всевышний изливает в этот мир в заслугу добрых дел человека, и в этом заключается тайна существования человеческой души как части Всевышнего. А из-за грешника не достает Б-жьего благословения в той местности, которая поставлена в зависимость от него, и во всей ее флоре и фауне. Оттого даже звери и птицы проклинаят грешника, ведь деяния его влияют и на рыб в море, и на младенцев в материнской утробе».

«Человек из народа Израиля» должен целиком посвятить себя Б-гу и «направлять все свои действия так, чтобы они помогали служить Всевышнему»; он может «любить пищу или предметы обихода, но, пользуясь ими, обязан делать это не ради наслаждения, иначе его действия неверны».

Сам рабби Пинхас практиковал аскезу и посты, хотя это шло вразрез с подходом Бешта, и говорил, что «каждому пристало поститься хотя бы раз в неделю», а «тот, кто говорит, что не может поститься, не искренне Б-гобоязненный человек». Предание гласит, что он и больных врачевал постом.

Не только дела должны быть посвящены Б-гу – учеба и размышления также должны быть отмечены печатью святости и Б-гобоязненности. Рабби Пинхас «разрешает» изучать математику, грамматику и прочие науки, но с условием, что все это будет подчинено основной святой цели – Торе, ведь «все науки всего лишь шелуха Торы, которая есть зерно всех наук» и «в ней содержатся все способы исцеления». Итак: Тора есть все, и все есть Тора, ведь «нет ничего в мире вне Торы», и всякий, «полагающий, что можно говорить о Торе в отрыве от мира, а о мире в отрыве от Торы, – отступник».

Один из главных способов служения Г-споду – молитва. Рабби Пинхас выражал эту мысль так: «Тот, кто молится, – способен учиться, не молящийся же, без сомнения, обладает “кривыми” мозгами!» Ведь «молитва и Всевышний суть одно целое», и «каждое слово святости или молитвы объемлет все миры, ангелов и души». Оттого молитва обязана быть всеобъемлющей: всякий молящийся должен подразумевать не только себя, ибо «любая молитва, произнесенная не за весь Израиль, – не молитва». Более того, «молиться надо даже за самого отпетого грешника из других народов».

Молитву следует читать на рассвете, до того как мир «наполнится глупостью и суетой», а «уста успеют оскверниться пустословием». И еще одна причина: «Чтобы молиться одновременно со Всевышним, а Он точно молится рано, ведь Ему не требуется подготовки к молитве».

Если в вопросах молитвы и ежедневного чтения теилим рабби Пинхас был чрезвычайно строг и бескомпромиссен, в вопросах Алахи он проявлял мягкость и порицал чрезмерное ужесточение еврейского закона. Он говорил, что эти «строгости берут начало в эманации Б-жественного суда, и, делая Алаху излишне строгой, человек призывает на себя силы галута». В этом взгляд рабби Пинхаса совпадал с мнением Бешта, говорившего: «Человек не должен слишком скрупулезно относиться к нюансам соблюдения закона, так как это тоже козни “злого начала” – запугать человека и заставить его опасаться, что он никогда не сможет идеально соблюсти закон». В этом рабби Пинхас был полной противоположностью а-Ари (рабби Ицхака Лурии, которого он почитал и превозносил), повторявшего: «Следует с превеликой осторожностью относиться ко всем малейшим тонкостям закона, даже к постановлениям мудрецов, ибо они являются частью заповеди “не отклоняйся от слов Торы ни вправо, ни влево”».

Исключение составлял праздник Песах – его законы рабби Пинхас велел исполнять с величайшей тщательностью.

Ī ādāāā nēādeōā Ī ādeā Ēāēī Īāī

Ī ēīī :āī ēā nēāāāōō

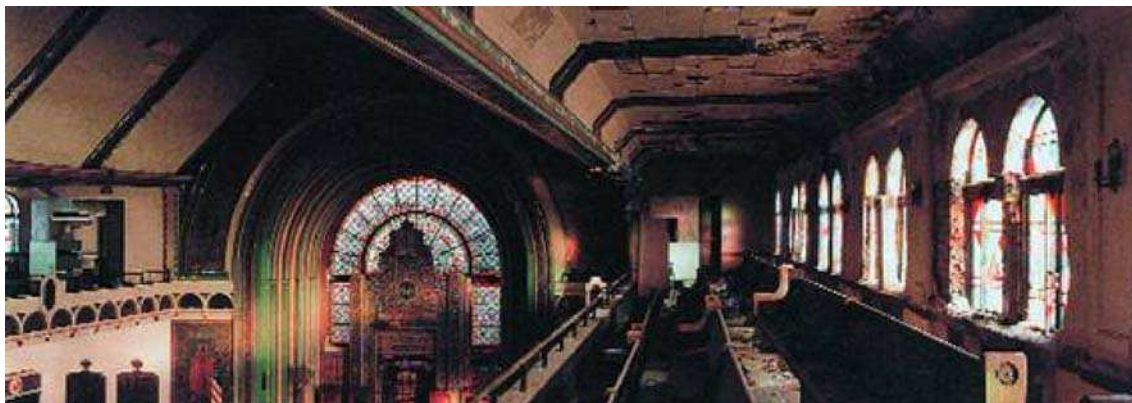
^[1] В январе 1349 года, во время эпидемии чумы («черной смерти»), почти вся община Шпеера была уничтожена погромщиками, около 400 евреев было убито, другие бежали из города.

^[2] Первая хасидская книга, содержащая жизнеописание Бааль-Шем-Това, его высказывания, проповеди и наставления.

ВМЕСТЕ ИЛИ РАЗДЕЛЬНО?

Аָמִי עִם עֵאָתִי

Ортодоксальные мужчины и женщины никогда не молятся в синагогах вместе. В одних местах для женщин строят балкон или галерею, в других – отделяют женскую половину зала (эзрат нашим) специальной перегородкой – мехицей.

Порой в религиозной литературе можно встретить утверждение, что мужчин и женщин во время молитвы разделяли в синагогах с момента их появления в период Вавилонского изгнания. Археология, однако, не подтверждает этого. В XX веке археологи раскопали более ста древних синагог в Палестине, Иордании и на Голанских высотах; кроме того, несколько синагог было раскопано в диаспоре. И лишь в пяти палестинских синагогах нашли свидетельства того, что в них были балконы и галереи. При этом археологи не обнаружили указаний на то, что они использовались именно для молитвы женщин.

Впрочем, в некоторых общинах, например в Тунисе или Курдистане, по сей день женщины воздерживаются от посещения синагоги и участия в общественной молитве. То же самое наблюдается в так называемых штиблах – хасидских молитвенных домах Восточной Европы. Вообще, степень вовлеченности женщин в общественную религиозную жизнь не одинакова в различные эпохи и во многом зависит от страны проживания. Привычная для нас картина, когда множество женщин заполняют отведенные специально для них места, вовсе не единственный вариант поведения для представительниц прекрасного пола.

По букве Закона женщины не обязаны молиться три раза в день, поскольку освобождены от выполнения всех предписывающих заповедей, для которых отведено строго определенное время (шеазман грама). Такой подход вызван в первую очередь тем, что Алаха учитывает обязанности женщины как жены и матери. Так, от кормящей матери не ожидают, что она бросит ребенка ради соблюдения графика молитв. Женщины, конечно, должны молиться, но они вправе делать это в любое удобное для них время и индивидуально, руководствуясь здравым смыслом.

По поводу того, обязаны ли женщины, тем не менее, молиться регулярно, есть различные мнения. Согласно некоторым из них, женщина не обязана произносить ни одного из установленных текстов молитв. Скорее, она должна обращаться ко Всевышнему

с произвольной молитвой или просьбой, выраженной в любой форме и на любом языке, по меньшей мере раз в день. Однако многие авторитеты считают, что женщинам следует молиться по общей, установленной форме, дважды в день, а именно: утром (шахарит) и после полудня (минха). И все же от них не требуется, чтобы они произносили весь объем молитв. До недавнего времени многих девушек (если не большинство) не учили читать на иврите и, следовательно, произносить какие-либо молитвы, кроме тех, которые они заучивали наизусть.

Поэтому подход к молитве во все времена был разным у мужчин и женщин. Однако первое упоминание в классических еврейских источниках о том, что во время религиозной церемонии мужчины должны быть жестко отделены от женщин, относится не к синагоге, а к Иерусалимскому Храму. Точнее, к одному из самых радостных храмовых ритуалов – празднеству в честь возлияния воды на жертвенник (симхат бейт а-шоэва, во время праздника Суккот).

По словам Мишны, тот, кто не видел этого празднества, не знает, что такое настоящее веселье (Мишна, Сукка, 5:1). В этот день в Храме собирались тысячи паломников: они предавались радости, пели и танцевали. Величайшие мудрецы не гнушались в этот день веселить собравшихся, выступая как простые жонглеры и плясуны (Мишна, Сукка, 5:5).

Веселая атмосфера праздника, безусловно, способствовала легкомысленным и даже фривольным мыслям, несовместимым со святостью места и времени. И тогда мудрецы решили принять специальные меры, чтобы не допустить профанации праздника, – каждый год сооружать в храмовом дворе специальную деревянную галерею для женщин. Вследствие этого мужчины веселились во дворе Храма, а женщины – на галерее, отдельно от них (Вавилонский Талмуд, Сукка, 51а).

Позднее мудрецы Талмуда дали теоретическое обоснование принятого решения:

«Чем руководствовались мудрецы, принимая это решение? Словами пророка: “И будет оплакивать <их> страна, каждая семья отдельно: семья дома Давида отдельно, и жены их отдельно; семья дома Натана отдельно, и жены их отдельно” (Зхарья, 12:12). Если во время траура мужчины должны находиться отдельно от женщин, то тем более во время веселья» (Иерусалимский Талмуд, Сукка, 51б).

Как полагают многие мудрецы, если во время молитвы у человека возникают недостойные, посторонние мысли, его молитва не будет принята (см., например: Хатам Софер, Хошен а-мишпат, 190). Учителя нашего народа понимали: Тора дана не ангелам, а живым людям, поэтому они приняли меры для того, чтобы евреи не испытывали соблазнов не только в Храме, но и в любом ином месте, где они регулярно собираются для молитвы. Иудаизму не свойственно идеализировать людей, равно как и недооценивать привлекательность еврейских женщин. Проводить разделение между полами по принципу соблазнительности или темпераментности их представителей, согласитесь, вообще не корректно. Превращать дом молитвы и учения в подобие клуба или рассчитывать на внутреннюю дисциплину и сознательность людей тоже оказалось неприемлемым для еврейских законоучителей.

Кроме того, в алахической литературе синагогу нередко называют «малым Святилищем» (Мегила, 29а), а многие законы, относящиеся к святости синагоги, напрямую связаны с соответствующими законами о святости Храма. Поэтому

неудивительно, что в какой-то момент нашей истории идея соорудить специальное отделение для женщин была воплощена в жизнь при строительстве синагог. Когда именно это произошло, не совсем ясно. Но уже в эпоху гаонов (VII–X века) еврейские мужчины и женщины повсеместно молились отдельно друг от друга.

Веками это казалось всем евреям совершенно естественным. Однако к концу XVIII – началу XIX века ситуация начала меняться. Зарождающийся реформизм сразу избрал главным объектом критики именно традиционное еврейское Б-гослужение. Родоначальники реформизма хотели привести его в соответствие со своими эстетическими представлениями, образцом для которых были нормы службы, принятые у христиан. Одним из основных объектов критики стала раздельная молитва мужчин и женщин, конкретнее – мехица. Одни реформисты хотели вовсе убрать ее, дабы мужчины и женщины сидели в синагоге вместе, как христиане в церкви (впоследствии эта тенденция стала практически всеобщей для молитвенных домов этого движения). Другие были готовы к компромиссу – разрешить женщинам по-прежнему сидеть отдельно от мужчин, однако либо вообще без перегородки, либо с чисто символической перегородкой, например в виде арки.

Эти нововведения вызвали решительный протест раввинов. Маарам Шик (Австро-Венгрия, 1807–1879) опубликовал гневный протест, твердо заявив, что любая перегородка, позволяющая молящимся мужчинам свободно видеть женщин, совершенно недопустима, а соответствующие архитектурные новшества назвал кощунством (Маарам Шик, Орах Хаим, 77). Схожую позицию заняли и другие ортодоксальные раввины.

По словам американского писателя и популяризатора иудаизма Германа Вука, «для ортодоксов именно эта особенность синагогальной традиции стала самым громким боевым кличем. “Ладно, – говорят они, коль скоро здесь вы нас атакуете, так будем играть на вашем поле”. Отделение мужчин от женщин во время Б-гослужения стало теперь отличительным признаком ортодоксального молитвенного собрания. Этот вопрос может показаться слишком уж мелким для того, чтобы вызвать такие кардинальные разногласия в столь древнем и богатом идеями религиозном сообществе, как еврейское. Однако, идя на войну, никогда ведь нельзя знать заранее, какая крошечная деревушка у тебя на пути может оказаться твоим Аустерлицем и твоим Ватерлоо» (Герман Вук, «Это – Б-г мой». Иерусалим: Шамир, 1991).

Как известно, азарт борьбы иногда приводит к крайностям. Реформисты хотели отменить мехицу – в ответ на это их противники решили сделать ее как можно крепче и выше. Причем не в переносном, но в прямом смысле слова. Некоторые раввины считали: перегородка в синагоге должна быть такой высоты, чтобы мужчины не могли видеть женщин. Если же мехица будет хоть чуть ниже, то, по мнению этих раввинов, она недостаточна, и они запрещают молиться в такой синагоге (Циц Элизер, 7:8) – не только мужчинам, но и женщинам (см., например: рав Йозель Тейтельбойм, «Оцар а-Поским», Эвен Эзер, т. 9, с. 44). Многие современные общины строят синагоги, руководствуясь именно этим мнением (например, сатмарские хасиды). Другие решают проблему еще радикальнее, вовсе не предусматривая в синагоге место для женщин.

С точки зрения «борьбы с соблазнами» подобные решения, безусловно, весьма эффективны. Однако цена слишком высока, поскольку женщины в таких синагогах полностью изолированы от происходящего в мужском зале: они не видят, как читают Тору, порой не слышат слов общественной молитвы.

Впрочем, далеко не все современные раввины придерживаются столь радикального подхода. Среди них – рав Моше Файнштейн (1895–1986), по праву считавшийся одним из ведущих алахических авторитетов прошлого столетия. По его мнению, закон запрещает мужчине внимательно рассматривать женщин во время молитвы или чтения Торы. Однако, если мужчина мельком увидит женскую руку или голову, ничего страшного не произойдет, особенно в наше время, когда мужчины и женщины привыкли находиться в обществе друг друга. Поэтому, если мехица доходит женщинам до плеча, то, как полагает рав Файнштейн, этого совершенно достаточно для того, чтобы человек мог беспрепятственно молиться (Игрот Моше, Орах Хаим, 1:39).

К мнению рава Файнштейна присоединился другой видный раввин, Йехиэль-Яков Вейнберг (1878–1966). По его словам, аргументы, приведенные равом Файнштейном, столь убедительны, что ему решительно нечего к ним добавить (Средей Эш, 2:14).

Рав Вейнберг также подверг критике запрет молиться в синагоге с недостаточно высокой перегородкой, даже если рядом нет другой ортодоксальной синагоги. На его взгляд, раввины, установившие этот запрет, руководствовались благими намерениями. Однако в результате это не принесет ничего, кроме вреда, – в лучшем случае еврей вовсе перестанет ходить в синагогу, в худшем же – уйдет к реформистам или консерваторам. Столь же решительно рав Вейнберг осудил и другую идею – чтобы женщины сидели дома и вовсе не ходили в синагогу, дабы случайно не смутить мужчин. Ибо в этом случае возникает реальная опасность, что некоторые из них совсем утратят связь с еврейством (Средей Эш, 2:14).

По личному опыту автора этих строк, большая часть ортодоксальных синагог Израиля и диаспоры, где ему довелось побывать, построена в соответствии с мнением рава Файнштейна и рава Вейнберга. В том числе известная иерусалимская синагога «Гейхаль Шломо», где в разные годы мне случалось молиться в присутствии многих известнейших раввинов нашего времени: главных раввинов Израиля Исраэля-Меира Лау,

Элияу Бакши-Дорона и Шломо Амара, главного раввина Франции Йосефа Ситрука, главного раввина Великобритании Йонатана Сакса и т. д.

В заключение хотелось бы добавить: безусловно, крайне важно сохранить в синагоге атмосферу, подобающую святости данного места.

Однако при этом не следует забывать, что для всех евреев синагога прежде всего должна быть домом для души, домом для бесед со Всевышним. Поэтому необходимо создать для этой беседы максимально комфортные условия, позволяющие каждому, независимо от пола, излить душу перед Творцом.

КАЗАНСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Êëüÿ Êàðí àí êî

Празднуя тысячелетие Казани, в Татарии восхищались новой мечетью Кул-Шариф, радовались отреставрированному Кремлю, отмечали достижения и подводили итоги. В том числе итоги дружбы между народами, населяющими один из самых динамично развивающихся регионов России. Оказалось, дружить выгодно! И очень приятно... В этом убедились и мы, побывав в Казани.

По одной из многочисленных легенд, название города Казань возникло от тюркского слова «казан» – «котел».

Êàçàí ü, Êàçàí ü, ò àò àðíëàÿ ñò ï è è ò à,

í ðààí ï è ï æ è ò ü ò ü à à æ á í á ï í æ à,

è à è í à è ð à à è í ð í ñ è ÿ í à ñ ò í è ò ï ÿ

í í à è ð ü è è í ð á ò ð è ÿ ï à à ñ è í ò è à

(Евгений Евтушенко.

«Казанский университет».)

Почтенный возраст Казани, честно говоря, неощутим – город современный, большой, деловой, совсем не располагает ни к сантиментам, ни к ностальгическим аллюзиям. Единственное место, где ощущаешь древнюю историю города, находится на территории казанского Кремля. Рядом с резиденцией президента Татарстана расположена древняя башня Сююмбике. Она – «родственница» Пизанской: отклонена на 1,7 метра в сторону... Однако мы не будем разглашать направление ее крена во избежание скоропалительных и необоснованных политических выводов!

Восточный колорит придают городу симметричные шпили четырех минаретов главной мечети Кул-Шариф. Величавая красавица была воздвигнута на территории казанского Кремля к юбилею – вместо Соборной мечети, разрушенной в 1552 году. О том, что республика по преимуществу мусульманская, напоминают еще пара десятков казанских мечетей. Правда, в Кремле расположен и православный храм. Есть в городе и кирха, а 29 августа этого года прибывший из Ватикана кардинал освятил новый костел. Абсолютная толерантность... Что же до синагоги, то ей мы уделим особое внимание.

ПЕКАРНЯ УМОВ

Евгений Евтушенко писал: «Казань – пекарня душная умов». Такое ощущение, что все здесь поголовно, от мала до велика, учатся с утра до вечера. А особенно – казанские евреи. И не только учатся, но и учат. Знакомьтесь: наши доброжелательные и всезнающие гиды Михаил Бунимович и Борис Русс. Михаил – потомок кантониста, историк и краевед, успешно преподает иудаику в казанской школе «ОРТ-Мишпахтейну», читает лекции по иудаике на семинарах в Хабаровске и Одессе, Туапсе и Калининграде. Борис – физик, окончил Казанский университет и продолжает трудиться в alma mater, но на биофаке.

...Мы стоим перед громадой главного корпуса Казанского университета. «Я вижу дом, где Ленин жил...» Тыфу ты, не жил, а учился!.. Правда, недолго – в декабре 1887го он попросил самого себя из университета «изъять». Так и написал:

Его Превосходительству господину Ректору <...> Имею честь покорнейше просить <...> сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов <...> Студент 1го семестра юридического факультета Владимир Ульянов.

Здание еврейского общинного центра.

В сопровождении Бориса и Михаила мы шествуем (по столь величественным залам можно только шествовать!) по парадной части одного из старейших в России университетов, основанного Александром I в 1804 году.

Какие имена! Николай Лобачевский, Александр Бутлеров, Петр Лесгафт, Иван Бодуэн де Куртенэ, Павел Мельников-Печерский, Лев Толстой, Велимир Хлебников, Семен Альтшулер, Афанасий Щапов...

Оказывается, среди ректоров КГУ таки были и «наши люди»! Носон-Бер Векслин, профессор кафедры экономической географии, возглавлял вуз с 1931 по 1935 год. Член оргкомитета Всесоюзного географического общества, замнаркома просвещения Татарской ССР (1926–1929), составитель административной карты республики (1930), автор многих работ по экономической географии Татарии. Судьба профессора Векслина, увы, печальна: он был арестован в 1937м, в 1942м умер в норильском лагере...

Актный зал в главном корпусе отреставрировали, воссоздали даже оригинальный рисунок обоев. Три роскошные люстры, в центре зала – парадный портрет императора Александра I, по боковой стене – портреты выдающихся людей КГУ. В первом ряду два массивных кресла: императорское и губернаторское. Далее – ряды кресел для профессуры, для господ студентов – венские стулья.

Руководил реставрационными работами и создавал мемориальный комплекс университета доктор наук, профессор Григорий Наумович Вульфсон (1920–2002) – замечательный ученый-историк, блестящий лектор, крупнейший в Казани коллекционер предметов старины.

...И еще одна увлекательная экскурсия по Казани студенческой. Мы – в Академии управления ТИСБИ, самом современном и передовом, как утверждают, вузе региона. Он был основан 17 лет назад, и аббревиатура – его первоначальное название: Татарский институт содействия бизнесу. Но сегодня вуз «перерос сам себя». В чем же его неповторимость?

Студенты и аспиранты ТИСБИ – а их теперь более 6 тыс. – занимаются по гражданско-правовым, международно-правовым и уголовно-правовым направлениям, филиалы вуза открыты в Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске и распространяют «бациллу знаний» на весь обширный регион.

А главная «бациллоносительница» – ректор ТИСБИ Нэлла Матвеевна Прусс: заслуженный работник высшей школы, профессор, академик РАГН, завкафедрой, член Европейского Совета по высшему образованию и Союза женщин-предпринимателей РТ и тоже «наш человек»... Она не только увлеченный педагог, энергичный и креативный руководитель, но умная и обаятельная женщина. И несомненно, именно стараниями Нэллы Матвеевны созданная ею же академия стала вузом высочайшего класса.

Чего только нет в современных и уютных стенах ТИСБИ! Информационно-аналитический центр, богатая библиотека с просторным читальным залом, рекреационная зона, хореографический и тренажерный залы.

А в одной из аудиторий словно поработала... «машина времени»! Дамы в кринолинах и кружевах; кавалеры в треуголках, камзолах, с пышными жабо на груди... Ничего удивительного, объясняет Нэлла Матвеевна. Это обучающий театр – ролевые игры по отечественной истории. Проводятся в ТИСБИ и костюмированные празднества, и «Петровские ассамблеи», работают Театр танца и разнообразные кружки. А сколько конкурсов!

ТИСБИ уникален еще и тем, что здесь безвозмездно обучаются инвалиды. Основной «профиль» вуза – глухие и слабослышащие (хотя здесь учатся и инвалиды-колясочники). Академия входит во всемирную сеть «PEN-international», возглавляемую Аланом Гурвицем.

«Основа основ для нас – высокое качество образования», – говорит Нэлла Прусс. И сегодня это качество признано на самом высоком уровне. Наверное, ни в Казани, ни во всем Татарстане нет такой организации, где бы не трудились выпускники академии.

В университете.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ КАЗАНИ

Еще один юбилей, правда, более скромный по сравнению с тысячелетием города – 110 лет со дня учреждения еврейской общины Казани – отпраздновали не так давно в Еврейском общинном центре по улице Профсоюзной, 15.

Это здание в 1929м Советы отобрали и разграбили. Потом устроили в нем Дом учителя. С годами оно превратилось в натуральную трущобу. В 1996 году власти Татарии и Казани возвратили здание общине. Евреи его реконструировали, приспособили под свои нужды, и сегодня оно живет полной жизнью.

Тогда, в конце 1990х, «поднять» этот еврейский Дом помогли многие люди и организации: «Джойнт», фонд «Ор Авнер», семья Рор из США, РЕК, члены общины – Сонц, Скоблионок, Вельдер, Котляревский, Штейнберг, Тетруашвили, Горлик, Плинер и другие. И даже... имам-хатыб мечети «Нурулла» Габдулла хазрат Набиуллин! Причем, вспоминает раввин Татарии Ицхак Горелик, имам-хатыб был первым, кто пришел и

предложил помощь. В этом и состоит специфика региона: здесь все помогают всем. Когда католики начали строить костел, деньги тоже давали представители всех конфессий.

На верхнем этаже общинного центра расположился Музей еврейской общины Казани. Фотографии, предметы быта, молитвенные принадлежности и даже манекены в традиционной хасидской одежде – живая память ушедших эпох. Здесь же хранится история общины в документах: копии всех архивных бумаг. Все сделано со вкусом и большой любовью.

Ирина Шамсутдинова, смотритель музея, рассказывает, что первые евреи Казани были кантонистами, в городе они появились в конце 1820х, когда здесь был учрежден их батальон. К середине 1840х число евреев достигло нескольких десятков. Судьба их была отнюдь не легкой.

Прибавление к Казанскому вестнику № 35. Суббота, Августа 31го дня 1829 года.

ВНУТРЕННИЕ ИЗВЕСТИЯ. Казань. 21 ч. сего месяца в церкви Воздвижения Честного Креста был совершен обряд крещения двадцати Кантонистов из Евреев ...

Известно, что в 1845 году на территории казанского Кремля, в Благовещенском соборе состоялось массовое обращение евреев в христианство (в фондах Национального музея РТ хранится картина неизвестного художника «Крещение евреев в Казани»).

Однажды я сам видел бывшего кантониста. <...> Я запомнил рассказы старика о том, как жестоко их, детей, мучили: приводили в баню, раздевали, ставили босиком на раскаленный горох, избивали. Не все могли выдержать пытки и соглашались креститься.

(Dàà Èöòàé Çééúíáð

«x ò í á ú ò ú î ñ ò à è ñ ÿ á à ð á à ì ».)

И. Шамсутдинова в еврейском музее.

Известен случай, когда двое кантонистов утопились в реке при массовом крещении. Этот факт породил популярное еврейское предание о том, что возле города Казани, на Волге, в присутствии царя Николая I при массовом насильственном крещении все дети-кантонисты дружно прыгнули в реку и добровольно расстались с жизнью...

Но предание преданием, а в Национальном архиве РТ сохранились списки (а в музее общины – их копии) евреев, обращенных в христианство.

«Именно поэтому в Казани насчитывалось немало евреев, носивших русские фамилии, – говорит Ирина Шамсутдинова. – Но многие кантонисты и после вынужденного принятия православия тайно придерживались веры отцов».

В 1847 году солдаты-евреи получили право на исполнение религиозных обрядов: согласно установлению, это происходило «там, где <...> начальство позволяет им собираться для молитвы <...> под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исполнения должности раввина».

Активный рост еврейского населения Казани начался после решения Госсовета 1865 года и указа Александра II от 1867 года, по которым квалифицированным ремесленникам и купцам разрешалось жить вне черты оседлости, а отставным

кантонистам – в любых городах Российской империи. При Александре II евреев стали допускать к поступлению в вузы, разрешили открывать частные практики.

К 1865 году в Казани насчитывалось более 300 иудеев. В 1867–1875 годах молитвенные собрания проходили в домах купцов Ульяновых и Заусайловых, а в должности раввина состоял Залман Симановский. В 1889 году в городе жили 1972 еврея иудейского вероисповедания. А также 472 – православного вероисповедания, все – бывшие кантонисты либо их потомки. В 1893 году, согласно Брокгаузу и Ефрону, в Казанской губернии (большинство – в столице края) проживало уже 2807 евреев, «в том числе крещеных – 440».

Казанский историк М. Пинегин в книге «Казань в ее прошлом и настоящем» (1890) упоминал две иудейские молельни в городе: первая – молельня «ашкиназим» в доме Ульянова на Булаке; вторая – «хасидим» в доме Садовского на Московской улице. Выборным духовным раввином (а также резником) был Гершон Менделевич Кассиль.

Из-за отсутствия казенного раввина до второй половины 1890х иудейская община Казани не имела «официального статуса», что создавало множество затруднений как для евреев, так и для местных властей. «Легальное» учреждение иудейской общины состоялось только в 1897 году, когда было получено официальное разрешение устроить «молитвенный дом с хозяйственным при нем Правлением».

В марте 1897 года в помещении Казанской городской думы состоялись выборы членов и кандидатов в члены правления. Официальным главой общины – казенным общественным раввином – был избран агент Александровского сахарного товарищества инженер-механик Эдуард Тицнер. Первым председателем хозяйственного правления стал Арон Израилевич Ратнер, которого вскоре сменил Абрам Залманович Персон, занимавший эту должность до 1917 года. Большую роль в общине играл Наум Циммерлинг – казначей общины и староста молельного дома.

Как известно, с началом первой мировой войны последовала массовая эвакуация евреев из прифронтовой полосы, и всего через полтора года, в декабре 1915го, в Казани жили уже 550 еврейских семей.

Под предлогом нелояльности евреев царское правительство очистило от еврейского населения пограничную зону. <...> Это было ужасно. Всех подряд загнали в вагоны: больных и здоровых, старых и малых, нормальных и сумасшедших – и отправили в неизвестность. <...> Казань была забита еврейскими беженцами.

(Daá Èööäé Çééúíáá)

«x ò í á ú ò ú î ñ ò à è ñ ÿ á á ò á á ï ».)

К 1917 году число евреев только в самой Казани превысило 3 тыс. человек. Однако средств на возведение собственной молельни у общины не доставало, и с 1897 по 1912 год помещение арендовали. Затем, после долгих поисков, в марте 1913го под строительство молельного дома был определен участок на Малой Проломной улице с двухэтажным жилым домом на нем.

Эта земля находилась в самом центре города, недалеко от Кремля, а потому казанским евреям не разрешили возводить «полноценную» синагогу – только молельный дом, внешне ничем не отличавшийся от окружающей застройки: без куполов, башен,

эмблем и тому подобного. Строительство тщательно контролировалось властями. Открытие Казанского еврейского молельного дома состоялось 12 марта 1915 года.

Итак, казанская синагога изначально находилась по тому же адресу, куда и вернулась в 1996 году. Кстати сказать, и сегодня Дом собраний казанских евреев на синагогу внешне не похож. Это большой, красивый, уютный еврейский Дом, о котором здесь говорят так:

Синагога – гордость казанской общины, ее нелегкая история расставания с еврейством и счастливое возвращение к истокам, наш Дом общения, благотворительности и веры.

ЕВРЕЙСКИЕ РАРИТЕТЫ

Свои раритеты есть и у раввина Горелика. Со времени своего приезда в Казань в качестве посланника Любавичского Ребе он усердно собирает все, что относится к истории местной общины и евреев Татарии. Благодаря его заботам музей общины пополнился новыми ценными экспонатами.

А кое-что рав Ицхак в музей пока не передал, хранит дома. Вот фибровый чемодан – настолько старый, что утратил свой первоначальный, теперь уже неопределимый цвет. Когда-то он принадлежал последнему казанскому раввину Алтеру Столову, чудом уцелел и был передан его родственниками раввину Горелику, в 1997 году приехавшему в Казань с женой Ханой.

Рав Ицхак открывает сокровище, и перед нами, как в волшебном сеансе мага – повелителя времени, предстают удивительные вещи: серебряный кульмус – указка для чтения Торы; нож для шхиты, для резки баранов; документы о продаже квасного (хамец).

Здесь же – телеграмма с благодарностью раву Алтеру... от Сталина! Оказывается, во время войны казанские евреи всей общиной собрали деньги для Красной Армии.

И еще один интереснейший документ:

В Казани был и другой раввин, все звали его Тула-рав – «раввин из Тулы», – неофициальный, но все к нему относились с большим уважением. Его имя – Мойше-Аарон Пиантак. Вот его смиха о сдаче экзамена на звание раввина.

Раввин Горелик рассказывает о знаменитой казанской семье Зильбер, о раввинах – отце и сыне. Рав Бенцион Зильбер (Циюни) до 1929 года был раввином казанской синагоги, умер в 1930х годах. Его сын, Ицхак Зильбер, родился в Казани в 1917 году, с отличием окончил Казанский университет, стал известным математиком, преподавал, выпустил книгу бесценных воспоминаний.

Я уверен, что если бы взяли чистых ангелов, и спустили их в этот мир в семнадцатом году, и дали им пережить революцию, Петлюру и Деникина, Махно и Колчака, гражданскую войну<...> и коллективизацию<...> и первые действия новой власти<...> и репрессии тридцать седьмого года, а потом еще гитлеровскую оккупацию<...> голод в Ленинграде, а после войны – процесс врачей, – так я уверен, что от этих ангелов ничего бы не осталось. А в России, несмотря ни на что, все-таки нашлись евреи...

(באב ע״באע צעײַנאָד «ח׳וֹלָאִי םוֹי תַּיִן אֲבֹאִי ».)

И еще один раритет мы увидели в обычной казанской квартире.

Илья Мазо по профессии строитель, не так давно вернулся из Израиля, где прожил ни много ни мало 12 лет, с 1990го по 2002й. Вернулся, как объясняют друзья Ильи, потому что понял: «Люди приезжают туда не для того, чтобы строить Государство Израиль и вести еврейский образ жизни». Но сам Мазо предпочитает свою «репатриацию» не комментировать...

На стене – фотография седобородого старца с пронизательными грустными глазами, в «балабатише ярмолке»¹¹. Это прадед Ильи, Шимон Мазо: «Он был хасидом. Не работал, только занимался изучением Торы, до самой старости...»

На полке – старинный сидур, молитвенник деда Аарона. Он жил в Суконной слободе, на улице Тихомирова. Илья Евсеевич вспоминает:

– На этой же улице жил милиционер-татарин. Он сдавал свой дом евреям на Пасху для изготовления мацы и сам же охранял. Приходили туда с чемоданами, с наволочками, приносили муку. Стояла русская печь и машина, похожая на типографскую. Молодые ребята крутили, кто-то колол дрова. Весь двор был полон евреек... Мацу пекли раз в году, недели три. Это продолжалось где-то до 1963 года. Потом или разогнали всех, или милиционер умер, не знаю. Мацу стали привозить из Москвы, из Хоральной синагоги.

Илья Мазо был тогда мальчиком, но знал всех стариков, их было десятка два-три. Для конспирации неделю миньян собирался у одного, неделю – у другого. Так и дрейфовали по Казани. Дед Аарон умер в 1966 году. И после его смерти, говорит Илья, миньян стал собираться нерегулярно...

И. Мазо.

РОДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Иудейская община и другие еврейские организации, расположившиеся в здании Казанского еврейского общинно-благотворительного центра, – это целое мини-государство с особой структурой, разновозрастными гражданами, системой жизнеобеспечения и руководством.

Чего здесь только нет! «Хесед», Центр для инвалидов и пожилых людей, Молодежный центр, обширная библиотека, музей, воскресная школа, три танцевальных коллектива под руководством Виты Левиной (бабушки танцуют в группе «Фрейлахс», молодежь – в «Руах», а дети – в «Шемеш»), художественная студия Эльдара Файзуллина.

Со всеми «экшн-программами» работает Софья Бородова. Это многочисленные клубы – женский, семейный, работающий по разным направлениям «Золотой возраст», клуб анекдотов «Желтый попугай». Молодежный клуб, например, недавно поставил новый спектакль – «Волна» – на тему Холокоста.

В том же здании обосновались клуб физической культуры и эстетики «Маккаби», возглавляемый Львом Штейнбергом, и студия созданного Леонидом Сонцем легендарного ансамбля «Симха». Весьма успешно в течение двух лет работала в Казани программа для студентов STARS.

При синагоге есть миква, построенная еще в конце 1990х. Решены проблемы и с кошерным питанием: сюда приезжает шойхет, и теперь кур из Казани поставляют в Нижний Новгород, Москву и даже Хабаровск. А недавно при общинном центре открылся магазин кошерных продуктов.

Директор благотворительного центра «Хесед Моше» Анна Смолина рассказывает:

– Наш общинный дом, наша синагога – это наша маленькая страна, родная территория. Мы всех принимаем – к нам ходят и мужья-евреи с татарскими женами, и жены-еврейки с русскими супругами.

Община оказывает поддержку трем тысячам пенсионеров и инвалидов. В планах – строительство дома престарелых, для чего под Казанью на берегу озера уже куплено здание.

Но не только о стариках заботятся энергичная Анна Исааковна и ее добрые помощницы: недавно при «Хеседе» открылась детская программа. Ребята получают питание, одежду, лекарства, проходят санаторное лечение, реабилитацию, им оказывается экстренная помощь.

Все это – только для нуждающихся, по результатам обследования. Двадцать пять ребят обеспечиваются питанием, многим купили одежду, для нескольких семей – кровати. Всем, кому нужно, покупают лекарства, одному ребенку при финансовой поддержке центра была сделана операция.

Директор «Хеседа» продолжает:

– Эта программа еще не «раскручена», но очень нужна. Мы работаем немногим больше полугода – и уже 600 анкет... Ведь кроме Казани мы охватываем и другие города республики – Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск.

Летом община организовала семейный лагерь; 60 ребят по программе «Таглит» ездили в Израиль; побывали дети и в Берлине, в «Еврейском Артеке».

Этим летом община с помощью «Сефера» организовала в самой Казани еще одно важное мероприятие – молодежную школу по иудаике. В занятиях приняли участие более 60 студентов, аспирантов и преподавателей из России, Украины, Беларуси, Литвы, Латвии, Германии. А в феврале этого года в Казани провели международную школу по иудаике для старшеклассников.

Основной тематикой лекций стали иудео-исламские отношения в Средние века, в Новое время и в современном мире. Выступали преподаватели Иерусалимского университета, Открытого университета Израиля, специалисты из Казани, Киева и других городов.

Плюс культурная программа. Стараниями вездесущего Бунимовича слушатели и преподаватели школы побывали в Кремле, в Казанском университете, осмотрели мечети, узнали об истории казанской общины... В общем, провели время и полезно, и приятно – все остались довольны.

ЭТНОКУЛЬТУРА КОМПОНЕНТОВ

Еще один юбилей – 10 лет со дня создания – отпраздновала в этом году еврейская общеобразовательная школа № 12 города Казани «ОРТ-Мишпахтейну».

На торжественной церемонии в «Пирамиде» (есть на берегу Волги, напротив Кремля, такой культурно-развлекательный центр – сам Хеопс бы позавидовал!) присутствовали чрезвычайный и полномочный посол Государства Израиль в России Анна Азари, мэр Казани Ильсур Метшин и другие почетные гости. В праздничном концерте участвовали ни много ни мало 300 человек.

Десять лет назад три начальных еврейских класса «влились» в обычную микрорайоновскую школу. Теперь это одна большая школа – 17 еврейских классов, с 1го по 11й, почти 450 учеников, – общеобразовательная, государственная, с так называемым этнокультурным компонентом. Ее директор, Ольга Трупп, рассказывает:

– Наше официальное название – средняя общеобразовательная школа № 12. А вообще-то мы – «ОРТ-Мишпахтейну». Это имя около девяти лет назад выбрал наш школьный кнессет. Горячие были дебаты, недели три такой шум-гам стоял! Дети сами выбрали имя, создали герб школы. Я считаю, что название очень даже оправданное: наша школа – это именно семья.

Урок танца в еврейской школе «ОРТ-Мишпахтейну».

В 2000 году сюда пришел технологический центр ОРТ, и школа дополнила свое имя. ОРТ – это большие деньги на конкретные нужды: компьютерные классы, их содержание, новые технологии, обучение персонала... Что ж, расходы оправданные, а оснащение и технический уровень школы (впрочем, как и компьютерная «продвинутость» школьников) – выше всяких похвал.

Это подтверждает Семен Вайнер, директор Казанского технологического центра ОРТ:

– Вот кабинет английского языка – 12 компьютеров... С плоскими мониторами, с цветными лазерными принтерами. Выделенный Интернет, такой скорости нет ни в одной школе республики. Новый лингафонный класс, цифровая фото- и видеотехника...

В школе изучают иврит, историю и традиции еврейского народа, успешно работают и местные кадры, и учителя из Израиля.

У «ОРТ-Мишпахтейну» четыре школьных автобуса. Дети обеспечены некошерным, но «витаминизированным» питанием. И даже получают стипендию – в зависимости от успехов в учебе!

В школу не попасть: конкурс – несколько человек на место. А это, согласитесь, лучшая рекомендация.

Но оказывается, есть в Казани и еще одна еврейская школа! Это «совмещенная» с детским садом, достаточно молодая, «набирающая обороты» негосударственная школа «Ор Авнер». Открылась она при синагоге четыре года назад, и учатся в ней 20 ребят, с детским садом «Ор Авнер» – 50 человек.

Директор школы Елена Френкель говорит, что атмосфера синагоги влияет на детей – здесь их дом, они чувствуют себя в безопасности. Обучение практически индивидуальное, питание – кошерное. В школе отмечают все праздники, соблюдают традиции. Много внеклассных занятий: ребята играют в шахматы, зимой каждую неделю ходят на каток. Работают психолог, хореограф. «То есть все, что надо, у нас есть, – считает Елена Моисеевна. – Нам здесь хорошо, тепло, уютно». А скоро у школы будет свое новое здание!

СЕРДЦА И ЛИЦА

Путешествуя по миру, начинаешь ценить «чудаков». И понимать, что именно благодаря поэтам, художникам, музыкантам и чудакам сохраняется в этом мире баланс добра и зла. Ведь «чудак» и «чудо» – слова одного корня. Обидеть чудака – все равно что обидеть ребенка или женщину; отсутствие чудака в общине – тревожный знак, а его в ней бытование – напротив, добрый...

Потому-то, наверное, и считаем мы своим долгом во время поездок общаться со всеми встречными чудаками. И нам так везет! В Казани – тоже.

Добрейший Иосиф Хапчик – местный поэт. Эрудит и умница, большой поклонник общения по душам и путешествий на любые расстояния. Иосиф читает свои незатейливые, но очень искренние и светлые стихи, и становится жаль рано ушедших близких и угасшую с ними память. А еще – жаль, что детство не возвращается...

Наш новый знакомец убежден: «На Волге древняя столица / Влечет к себе сердца и лица...» Присмотревшись, мы пришли к выводу: и вправду существует некое «казанское притяжение»! Иначе как объяснить такое многообразие славных людей с интереснейшими судьбами в казанской общине?

Есть те, кто признан на уровне государственном. А есть и скромные труженики, на ежедневном подвиге которых это самое государство держится.

Ефим Морошек – простой казанский пенсионер. А в прошлом – бессменный, в течение 15 лет, директор школы-интерната № 3 города Казани, крупнейшей в России. Педагог-ветеран, 35 лет жизни отдавший детям.

Уроженец белорусского города Червеня, он вспоминает далекое лето 1941го, Могилев перед знаменитым сражением 12 июля на Буничском поле, описанным Симоновым в «Живых и мертвых». Давно это было... Но Ефим Морошек и в свои 82 года бодр и энергичен. Он издал прекрасную книгу воспоминаний о своей многотрудной жизни, написанную образно, эмоционально, в хорошем смысле слова поучительно: «Когда у детей столько проблем, а у молодежи так мало опыта, и когда взрослым зачастую не до них, так нужны образцы для подражания!..» Называется книга «Возьми в дорогу» – в наставление юным, для памяти детям и внукам.

Обратите внимание, люди! Еврейский юноша, а теперь совсем уже немолодой человек, благодарен Федору, Хасану, Афанасию, Гайсе за школу и пример... Разве не так должны складываться отношения между людьми разных национальностей? Не понимают, что под одним небом ходим и из одного теста сделаны! Сколько горя от этого...

(Аִוְעִי יִיְדִיעָאֵ «אִיִּזְעֵ אֵיִיְדִיעָא».)

Альтер (Алексей) Литвин – ученый-историк, доктор наук, заслуженный деятель науки Татарстана и России, лауреат Государственной премии РТ, заслуженный профессор Казанского университета.

Но это достижения, признанные сегодня. А совсем недавно, по словам коллег, любознательность и добросовестность Альтера Львовича в отношении истории советского периода была просто опасна. «Человек, который устал бояться» – так называется одна из статей об ученом в юбилейном сборнике, вышедшем в его честь.

За четыре с лишним десятка лет научной деятельности профессор Литвин опубликовал порядка 350 научных работ – учебников, сборников документов, более 30 монографий. Как один человек смог перелопатить такую гору архивных материалов, написать такое количество книг, монографий, статей?! Наш герой – смог!

Обаятельный и жизнерадостный человек совсем «не академического» типа, Альтер Львович показывает некоторые из последних работ: книги «Секреты специальных служб», «Дело Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина», «Следственное дело Якова Оссовского» – о трагической судьбе известного ученого-экономиста, фактически – одного из первых правозащитников в стране. А также издания на английском: «Writing History in Twentieth Century Russia», и «Stalinism» (написана в соавторстве с англичанином Джоном Кипом).

Особого внимания заслуживает книга «Два следственных дела Евгении Гинзбург» с предисловием писателя Василия Аксенова, сына героини.

У профессора Литвина – много званий и наград. Но одна из самых ценных – красивый диплом в раме, на иврите:

25 деревьев посажены в лесу Ятир (неподалеку от Беэр-Шевы. – И. К.) в честь профессора Алексея Львовича Литвина и в честь членов его семьи с большой благодарностью за деятельность. <...> 3 апреля 2006 г. Еврейский национальный фонд.

...Этим человеком община заслуженно гордится. Да что община – весь город и даже республика! Он стал лауреатом Государственной премии РФ в области литературы и искусства за 2005 год, получив ее в Кремле из рук Путина.

Леонид Любовский – композитор, отмеченный званием заслуженного деятеля искусств России и Татарстана, создатель многих произведений крупной формы: симфоний, опер, ораторий. А также, шутит он сам, «на все руки мастер»: дирижер, пианист, педагог, музыкальный писатель.

Родом Леонид Зиновьевич с Восточной Украины, из Каменки, во время войны до семи лет жил под Тамбовом, в эвакуации. Поступал сначала в московскую Гнесинку к профессору Генриху Линскому, но занимался в Казани у Альберта Лемана и Назиба Жиганова.

«Мои учителя в музыке – еврей, немец и татарин, – улыбается Леонид Зиновьевич. – Казань – город очень музыкальный. До революции здесь были две оперные труппы, одна итальянская, другая русская. А в 1930х появилась татарская опера, в 1945 году построили здание Оперного театра».

В творчестве, говорит Леонид Зиновьевич, он стремится «воссоздать свое внутреннее слышание». И судя по всеобщему признанию, ему это удастся – произведения Любовского входят в репертуар известных исполнителей и у нас, и за рубежом.

А еще композитор считает: музыка должна выражать высокую гражданскую позицию. Пожалуй, самое яркое тому свидетельство – «Lacrimosa памяти Сахарова», написанная в день смерти ученого-гуманиста. Любовский вспоминает:

– Смерть Сахарова потрясла меня, и я не заснул до тех пор, пока глубокой ночью не закончил эту работу.

Очень важно оставаться самим собой, сохранять порядочность и помнить, что ты в этом мире – гость, дорожить каждой минутой жизни и благословлять ее. А еще – жить надо так, чтобы люди радовались, когда общаются с тобой. Даже в своих врагах видеть хорошее. Я люблю своих друзей, но и врагов своих люблю, потому что жалею их...

Госпремию РФ композитору принес балет «Сказание о Йусуфе» (второе его название – «Иосиф Прекрасный»). Поставили его хореографы Николай Боярчиков и Георгий Ковтун, а главную партию исполнил Нурлан Канетов. Премьера состоялась в 2001 году в Казани на сцене Татарского театра оперы и балета имени Мусы Джалиля.

Либретто написал талантливый татарский поэт Ренат Харис на основе поэмы VIII века «Сказание о Йусуфе» – так в Коране зовется библейский Иосиф Прекрасный. В Торе притча об Иосифе изложена в книге «Берешит» (гл. 37–50), а в Коране – в 12й суре «Йусуф».

Так в результате интернационального творческого содружества получился прекрасный балет-притча, вечный и современный. По словам композитора, это произведение вызывает ностальгию по «человеческой чистоте»:

– Я хотел создать ощущение некоего другого мира, чистоты и непорочности, к которым люди – притом люди разных национальностей – стремятся, но все никак не придут. Эта чистота – главное, что отпущено нам Богом.

Не так давно в Казани прошел юбилейный концерт Леонида Любовского, посвященный его 70летию. Исполнялись произведения композитора – 6-я симфония, фрагменты из балета «Сказание о Йусуфе», концерт для фортепиано. За дирижерским пультом, конечно же, стоял сам Леонид Зиновьевич.

Л. Любовский.

ТАТАРСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Если Леониду Любовскому награду вручали в Кремле Московском, то Ицхаку Горелику – в Казанском. Здесь президент Татарстана Минтимер Шаймиев вручил раввину учрежденную президентом РФ медаль «В память 1000летия Казани». Рав Ицхак был искренне тронут высокой оценкой – и своего труда, и деятельности еврейской общины в целом.

«Здесь каждый человек, независимо от конфессии, может жить спокойно. В этом, конечно, большая заслуга президента республики. За это мы хотим сказать ему и его соратникам большое спасибо», – обратился раввин Ицхак Горелик к президенту Татарстана и присутствовавшим на торжественном мероприятии руководителям региона.

Но и Минтимер Шаймиев благодарен раввину Горелику. За что? За положительный пример! Как сказал президент:

– Меня восхищает забота о каждом члене еврейской общины. Они знают, где живет каждый еврей в республике, здоров ли он, какие у него проблемы и чем ему можно помочь. Это не разовая акция – это жизненное кредо еврейской нации, и мы все должны брать с них пример.

Раввин Ицхак Горелик с семьей.

Действительно, еврейская жизнь в Казани полна и содержательна: слаженно работают все общинные структуры, клубы и кружки, организуются торжества в честь национальных праздников и знаменательных дат. Помимо этого в текущем году в общине несколько раз отметили бар и бат мицву, поставили три хупы.

Это бурное кипение обусловлено несколькими причинами. Во-первых, еврейской жизни не было бы без... евреев. А их в Казани и Татарии в целом довольно много – порядка 11 тыс. Во-вторых, городу и республике очень повезло с раввином: раввин Ицхак и ребецн Хана – люди энергичные и в хорошем смысле слова «одержимые». Они живут делами общины, постоянно находятся в состоянии творческого поиска и напряженной работы. А члены общины заслуженно платят им уважением и любовью. Это теплое отношение и поддержка во всех начинаниях – третья причина, определяющая не просто благополучие, но процветание «казанских». Рав Ицхак с гордостью сообщает:

– У нас в общине были старые свитки Торы, но некошерные. И вот для нас пишут сразу три новых! Прошлой осенью уже состоялся один праздник внесения Торы в

синагогу. Этот свиток подарила нам очень уважаемая семья – Тетруашвили – в честь бар мицвы их внука Авраама. Сейчас ждем, когда будут готовы еще два свитка Торы, они пишутся в память о предках. И все это – подарки членов нашей общины!

Ребецн Хана.

Ну а в-четвертых, постоянно и весьма существенно помогают республиканские и городские власти. Характерный пример – недавно общине выделили землю для строительства еврейской школы «Хабад-Ор Авнер», а также землю для нового еврейского кладбища! Надо признаться, сегодня это нечастый для России случай.

Еврейам в Казани повезло... Но «повезло» ли? Разве такие взаимоотношения не должны быть нормой жизни? Почему у нас приходится протягивать руку и радоваться, если хоть что-то дали?

Просто в Казани и Татарии раньше, чем в других регионах, поняли: помощь, поддержка и взаимовыгодное партнерство – норма совместного бытования разных народов и конфессий. И такая толерантность, в конечном счете, становится залогом веротерпимости и всеобщего мира. Дай Бг, чтобы этот пример оказался «заразительным»!

[Ш](#) Кипа своеобразного кроя, которую носили женатые евреи.

КРОВЬ ЗА КРОВЬ, МИФ ЗА МИФ:

НАВЕТЫ И ОТВЕТЫ

Ààèèí à Çàèáí èí à

Обвинение в ритуальном убийстве и его разновидность – кровавый навет^[1] оказываются, пожалуй, одним из самых известных явлений диаспорной еврейской истории, в том числе и средневековой: любой цивилизованный человек вспоминает о них где-то между погромами и инквизицией. И любой цивилизованный человек вполне уверен в том, что кровавый навет, равно как и погромы с инквизиционными кострами, – это не что иное, как проявление нетерпимости средневекового общества и церкви по отношению к незащищенному и лояльному меньшинству. Эта позиция воспитана как мощной либеральной защитой на громких судебных процессах прошлого и позапрошлого веков, так и представителями «слезной школы» в еврейской исторической науке, рассматривавшими своих героев исключительно как жертв истории во всех ее проявлениях, включая дискриминацию, финансовую эксплуатацию, изгнания и облыжные обвинения. Однако наука не стоит на месте, а ее первейшая задача на современном этапе – опровергать мифы и разрушать незыблемые убеждения. И в последние годы громко заявила о себе новая тенденция – причем не в какой-нибудь ультрамонтанской, а в совершенно еврейской среде – исследовать средневековый антииудаизм в контексте еврейской вражды к христианам. Тенденция эта увенчалась прошлогодним скандалом в связи с выходом в Европе книги одного авторитетного израильского профессора, который взял на себя смелость перевести сюжет об употреблении евреями христианской крови на Песах из области клеветы в область реальности.

Мы рассмотрим несколько самых знаменитых случаев кровавого навета в Средние века, с тем чтобы хотя бы фрагментарно представить этот болезненный аспект иудео-христианских взаимоотношений, его сквозные темы и центральные коллизии, а затем обсудим различные теории генезиса этого обвинения и средневекового «антисемитизма» в целом: от самых старых и конвенциональных до новейших, вызывающих – на данный момент – серьезное академическое и общественное отторжение.

ПОДМАСТЕРЬЕ УИЛЬЯМ И ТВОРЧЕСКИЙ ГЕНИЙ МОНАХА ТОМАСА

Норвичское дело (графство Норфолк, Англия), связанное с расследованием обстоятельств гибели мальчика Уильяма, традиционно считается первым обвинением евреев в ритуальном убийстве в средневековой Европе и, соответственно, первоисточником этого сюжета и всех его разновидностей. Однако же, если обратить внимание на то, что время предполагаемого убийства (1144) и время письменной фиксации этой истории (1154–1155) заметно не совпадают, а уверенно датировать навет можно только годом его записи, то пальму первенства придется отнять у Англии и отдать Германии, почтив ею Вюрцбургское дело 1147 года. Впрочем, какие бы коррективы ни вносили ученые^[2], в христианской и еврейской мартирологиях история отрока Уильяма запечатлена несравнимо прочнее, нежели история безвестного вюрцбургца Теодориха, неведомо кем расчлененного и так и не почтенного церковью.

Краткий летописный отчет о норвичском происшествии гласит следующее^[3]:

Во времена короля Стефана евреи Норвича купили христианского ребенка перед Пасхой и мучили его всеми муками, коими мучили Господа нашего; а в Страстную пятницу повесили его на кресте, как и Господа нашего, и затем похоронили его. Евреи ожидали, что дело их не откроется, однако Господь наш показал, что ребенок тот был святым мучеником, и монахи взяли тело его и захоронили с почетом в монастыре, и милостью Господа нашего он творит великие и различные чудеса, и зовут его св. Уильям.

Гораздо более подробный агиографический рассказ добавляет массу любопытных деталей. Итак, отрок Уильям (в 1144 году он достиг двенадцатилетия), «движимый божественной волей», покинул свою семью в деревне и поселился в городе, где стал подмастерьем у скорняка и – по-видимому, благодаря своей общей праведности и невинности – достиг в этом ремесле небывалых успехов. Его услугами пользовались местные евреи, и незадолго до Песаха 1144 года они взлелеяли коварный замысел. В то время мальчик находился в деревне у своей матери, и евреи отправили туда своего «омерзительного посланца», который представился поваром епископа и заявил, что Уильям срочно потребовался при епископском дворе. Мать поначалу не хотела отпускать сына, предчувствуя неладное, но лжеповар уладил дело с помощью кругленькой суммы. Эта сцена – мать практически продает сына подозрительному человеку – объясняет, по какой такой «божественной воле» Уильям в восьмилетнем возрасте отправился один в Норвич: мать, без мужа растившая двух сыновей, отправила старшего в город – если не на заработки, то хотя бы на самообеспечение. Подобная ситуация типична для средневековой семьи из третьего сословия: в первые годы жизни ребенка за человека не считали, так как существовала очень высокая, 50-процентная, вероятность его смерти, а в семь-восемь лет уже отделяли от родителей и отправляли к чужим людям – в обучение или в услужение. Но это, увы, не самое худшее, что случилось с невинным отроком.

Святой Уильям Норвичский.

Панель в церкви Святой Троицы.

Лоддон. Норфолк.

Уильяма привели в дом богатого ростовщика Элизера, где с ним хорошо обращались, а на следующий день, когда наступил Песах, схватили его и стали подвергать всяческим пыткам, и «трудно сказать, были они [евреи] более жестоки или более изобретательны в своих ухищрениях». В частности, они обрили отроку голову и искололи ее до крови острыми шипами, затем распяли его на некоей конструкции, напоминающей турник с дополнительным шестом посередине, причем, дабы никто ничего не заподозрил, буде тело обнаружат, левую руку и ногу прибили к конструкции гвоздями, а правую руку и ногу – крепко привязали веревками. Под конец они нанесли ему рану в левый бок, пронзив сердце, а чтобы остановить кровь, которая стекала с тела ручьями, облили его кипятком. Из этого детализованного описания явствуют две вещи: во-первых, пытки и убийство невинного отрока построены по модели страстей Христовых и распятия (календарная привязка – Песах – тоже немаловажна) и, по мысли христианского автора, призваны их повторить и(ли) высмеять; во-вторых, кровь как таковая мучителей не интересуется – ни в мацу, ни в вино они ее пока добавлять не додумались.

Далее коварные иудеи, дабы замести следы, отвезли тело на противоположный конец города и закопали в лесу. Однако через несколько дней, в Страстную пятницу, тело обнаружили, опознали и перезахоронили на кладбище. Еще через неделю дядя мальчика священник Годвин, выступая перед епархиальным капитулом, обвинил евреев в убийстве племянника. Епископ поверил обвинению и начал дело, вызвав представителей еврейской общины на допрос. Те апеллировали к шерифу, локальному представителю светской власти, и тот защитил евреев, сначала заявив, что они находятся под королевской юрисдикцией и церковь не имеет права их допрашивать, а затем предоставив им убежище в местном королевском замке. Впоследствии Годвин еще раз пытался засудить евреев, через более высокопоставленных клириков подав петицию королю Стефану, но тот отказался ее рассматривать.

Тем временем в Норвиче успешно развивался культ невинноубиенного отрока: Уильям являлся людям в видениях, среди святых и ангелов, и обещал излечение от болезней на своей могиле; одной праведной девственнице после молитвы на могиле Уильяма перестал являться ночами инкуб-искуситель и т. п. В конце концов партии уверовавших в его чудотворные способности удалось пролоббировать перезахоронение Уильяма на монастырском кладбище, а затем и в доме капитула. Его могилой, а также сбором информации о чудесах особенно рьяно стал заниматься Томас Монмаутский, монах, прибывший в Норвич во второй половине 1140-х годов. В течение двадцати лет, с 1150 (или 1154) по 1173 год, он писал свой монументальный агиографический труд в семи книгах – «О житии и страстях святого Уильяма, мученика Норвичского»^[4], – на котором мы и основываем наш рассказ.

Ключевой вопрос, который возникает при изучении норвичского дела и основного источника по нему – «Жития», состоит в том, кто собственно придумал весь этот сюжет ритуального убийства с терновыми шипами и распятием, пародии на страсти Христовы, устраиваемой евреями в качестве своего пасхального ритуала. Или, иными словами, учитывая общепризнанно основополагающий характер этого дела: кто автор знаменитого навета, которому суждено было породить несколько вариаций, вызвать множество конкретных обвинений и судебных процессов и погубить массу людей?

То, что речь идет о творческой фантазии, а не об описании действительно проведенного ритуала, следует в данном случае не просто из уверенности всякого цивилизованного человека в том, что евреи мальчиков не распинают, а из того, что Томас Монмаутский – единственный, кто подробно рассказывает эту историю, – не располагает ни одним свидетельством или вещественным доказательством. Никаких улик, в том числе орудий преступления, обнаружено не было; евреев, как мы знаем, допросить не удалось, – соответственно, их показаниями Томас тоже не мог воспользоваться; единственный свидетель их вины, на которого ссылается наш автор, – горожанин, который встретил евреев, направляющихся в лес хоронить свою жертву, и якобы опознал в тюке, притороченном к седлу, труп. Еще одно, не более надежное, свидетельство – показание монахов, которые, перезахоранивая Уильяма через месяц после смерти, якобы сумели разглядеть на теле следы шипов и гвоздей. Священник Годвин и взявший его сторону епископ мало того что не были свидетелями преступления, но и говорили только об убийстве, не вдаваясь в ритуальные детали, так что считать их авторами навета мы не можем. Соответственно, наиболее растиражированное и признанное в науке мнение гласит, что сюжет о распятии евреями невинного христианского отрока на Песах, или обвинение в ритуальном убийстве, подарил истории творческий гений монаха Томаса Монмаутского. Если бы ему было на кого сослаться в качестве свидетеля или единомышленника, он бы непременно это сделал для повышения авторитетности своей

истории; но он этого не делает, значит, сослаться ему не на кого и не на что, кроме собственной фантазии^[5].

Впрочем, не все разделяют это мнение. Некоторые ученые полагают^[6], что независимо от «Жития» возникли другие, более краткие упоминания о мученичестве св. Уильяма, причем именно о его распятии, – в первую очередь приведенная выше запись в Англо-Саксонской хронике^[7]. Кроме того, за пределами Англии, в Баварии, в конце 1140-х годов проповедники упоминали распятие иудеями английского отрока. Соответственно, существовала независимая от Томаса, возможно, устная традиция. Среди ее истоков и стимулов к ее созданию можно назвать неприязнь к только что поселившимся в Норвиче евреям и особенно к евреям-ростовщикам; религиозный пыл и популярность мученичества в эпоху Второго крестового похода (1146–1147); желание семейства Уильяма, в первую очередь самого образованного его члена – дяди Годвина, нажиться на гибели мальчика, либо получив отступные от евреев, либо заработав на культе его мощей; и наконец, зафиксированное в епископских проповедях знакомство норвичского клира с раннесредневековой легендой о еврейском инфантициде (о том, как жестокий иудей сует в печь своего сына в наказание за то, что тот зашел в церковь и принял причастие).

Коллективное творение жадных родственников и предприимчивого клира или одинокий, завещанный от Б-га труд в монастырской келье, – но начало было положено. И мальчики кровавые замаячили даже там, где их никогда не было.

УТОПЛЕННИК, ГРАФ, ГРАФИНЯ И ТАИНСТВЕННАЯ ДАМА ПУЛЬЦЕЛИНА

Блуаское дело 1171 года – первое обвинение в ритуальном убийстве во французском королевстве, первое – с откровенно отсутствующей жертвой и первое, полностью поддержанное властями. Это обвинение и последовавшая за ним жестокая расправа над всей еврейской общиной города удостоились подробного описания в еврейских источниках – межобщинной переписке и хронике рабби Эфраима Боннского «Книга памяти», посвященной гонениям эпохи Второго крестового похода и последующих лет^[8]. Таким образом, нам предоставляется нечастая возможность увидеть, как ритуальный навет воспринимался по другую сторону баррикад.

Согласно хронике, злосчастная история началась так. Однажды вечером еврей поил своего коня на берегу реки, а поблизости один оруженосец тоже собрался напоить коня своего господина. Рыцарский конь неожиданно испугался забелевшего в темноте куска недубленной кожи, которую еврей вез к дубильщику, заржал и отскочил от берега. Как же истолковал эту ситуацию сообразительный оруженосец? Он поспешил к своему хозяину и рассказал ему, будто видел, как еврей кинул в воду убиенного его соплеменниками христианского младенца. Рыцарь же ненавидел в городе еврейку, даму Пульцелину, и обрадовался возможности навредить ей. На следующее утро он пересказал эту историю сеньору города, графу Тибо, и тот приказал схватить всех евреев и бросить их в тюрьму. Дама Пульцелина ободряла их, ибо надеялась, что граф, который до последнего времени был очень к ней привязан, послушает ее и сменит гнев на милость. Но тут в дело вмешалась жена графа, «злобная Йезавель», которая тоже ненавидела Пульцелину, и евреев не только не выпустили, но еще и заковали в железо.

Оставим на минутку блуаских евреев в их мрачном подземелье и попробуем сорвать вуаль с Пульцелины и прояснить ее идентичность. Скорее всего, она была крупной ростовщицей (вероятно, вдовой, поэтому сама вела дела), и рыцарь ее ненавидел обычной ненавистью должника к кредитору. Остается, однако, вопрос, почему при этом ее любил граф, а графиня стремилась сжить со света. И хотя эти чувства тоже можно

объяснить вполне прагматическими мотивами (скажем, графу Пульцелина давала беспроцентные – если не безвозмездные – займы, а графиня, управлявшая собственными финансами, была ей кругом должна), но именно отсюда вырос куртуазный образ дамы Пульцелины, возлюбленной графа и соперницы графини, созданный впоследствии одним ренессансным еврейским автором^[9]. Если в историчности богатой или прекрасной еврейки Пульцелины мы отнюдь не уверены (других свидетельств о ней у нас нет, и имя ее вряд ли настоящее – слишком уж похоже оно на французское слово *pucele*, «девушка»), то граф с графиней – персонажи вполне реальные. Граф Тибо – это Теобальд V Блуаский, один из крупнейших сеньоров Франции; его супруга – никакая, конечно, не Йезавель, как думал, например, историк Генрих Грец, склонный верить средневековым авторам на слово, а графиня Алис, между прочим, французская принцесса, дочь короля Людовика VII и Алиеноры Аквитанской. Причем еврейский хронист называет ее Йезавелью вовсе не по ошибке, а желая таким образом подчеркнуть ее негативную сюжетную роль, идентичную роли библейской царицы Йезавели, жены Ахава, – склонять мужа к дурным поступкам. Блуаский дом был привязан к королевским белым лилиям далеко не только браком Тибо с Алис: так, брат Теобальда Генрих был женат на другой принцессе, сестре Алис, Мари; его сестра Адель стала второй женой короля Людовика, покинутого Алиенорой; кстати, последнюю, свою будущую тещу, Тибо когда-то пытался умыкнуть. Вот такая красивая семейная история.

Тем временем блуаские евреи продолжали сидеть в кандалах. Граф был готов замять дело за крупную взятку от окрестных еврейских общин. К тому же у него не было доказательств: не только не нашли утопленника, но даже не обнаружилось семьи, которая бы заявила о пропаже ребенка. На помощь графу пришел анонимный клирик; правда, и ему не удалось найти жертву, а тем более построить на пустом месте культ святого мученика, что, очевидно, должно было интересовать церковь больше всего, но зато он придумал, как осудить евреев – устроить ордалии, судебное испытание, единственному свидетелю – оруженосцу, и, если выяснится, что он говорит правду, евреев казнить. Ордалии показали то, что нужно, и граф перестал рассматривать возможность финансового решения конфликта – под влиянием того же клирика, конечно; недаром наш хронист надеется, что «память о нем будет искоренена из земли живых».

Мученичество Симона Трентского.

Гравюра Фридриха Кройснера. Нюрнберг. Около 1475 года.

Евреев заперли в деревянном сарае, который обложили вязанками хвороста и пуками колючих прутьев (наверняка терновых). Их избивали и пытали, убеждая принять христианство и тем самым спасти свою жизнь, но они были стойки в вере. Тогда сарай

подожгли, и все находившиеся там евреи погибли, однако тела их чудесным образом не пострадали; «и когда христиане увидели это, то изумились и говорили друг другу: Воистину они святые». А до того, когда языки пламени взвились до небес, мученики стали хором петь молитву Алейну лешабеах («Положено нам восхвалять [Всевышнего]»), христиане же говорили: «Мы никогда не слыхали столь сладкой музыки». «Тридцать две святые души, – заключает хронист, – принесли себя в жертву своему Создателю, и почувствовал Г-сподь сладкий аромат».

При том что вся община Блуа, как указывается в нашей хронике, состояла из «четырёх миньянов», гибель тридцати двух человек означала почти полное истребление мужской ее части и уничтожение общины как таковой. Французские евреи отреагировали на это событие активной межобщинной коммуникацией и переговорами с властями (с графом Тибо, его братом, графом Шампанским, и королем Людовиком) о гарантиях на будущее, каковые были получены за определенную мзду. Кроме того, в память о блуаском навете крупнейший ашкеназский раввин того времени рабейну Яков Там из Труа установил обязательный для всех общин Франции и Германии пост в день гибели мучеников, 20 сивана^[10]. Помимо реакции прагматической, защитной, и коммеморативной, имела место еще одна реакция – в области рефлексии событий, хорошо представленная в излагаемой здесь хронике. Рабби Эфраим Боннский не столько опровергает обвинение в убийстве христианского младенца – его лживость должна быть очевидна еврейским читателям хроники, – сколько создает собственный, еврейский, нарратив святости и мученичества, героями которого оказываются не невинно убиенный младенец, а невинно осужденные евреи, но многие важные детали – от терновых шипов до сладкого запаха, неперменного атрибута святости, – совпадают с христианской агиографией, хоть с тем же «Житием св. Уильяма Норвичского».

МАЛЫШ СИМОНИНО И КЛАДЕЗЬ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАНИЙ

На Пасху 1475 года в городе Тренте (Тренто, Триент), центре Трентской епархии (Южный Тироль), в подвале еврейского дома было обнаружено тело двухлетнего мальчика Симона. Возбужденное по этому факту дело стало самым знаменитым в средневековой истории кровавого навета. Городские власти арестовали восемнадцать мужчин и пять женщин из еврейской общины города по обвинению в убийстве Симонино с целью использования его крови в своих религиозных обрядах. Расследование велось объединенными усилиями магистрата и инквизиции, и в ходе серии допросов с применением судебных пыток признания были получены. Большинство обвиняемых показали, что Симон был убит в Страстную пятницу, в домашней синагоге, расположенной в особняке Самуила из Нюрнберга, главы еврейской общины. Убийство задумывалось как повторение распятия Христа, что, в частности, выразилось в произнесении следующих формул: «[Мы делаем это] в знак презрения и унижения повешенного Иисуса, и пусть то же произойдет со всеми нашими врагами», «Ты распят и пронзен, как Иисус-повешенный, в позоре и бесчестье, как Иисус». Через пару месяцев восемь обвиняемых, в том числе Самуил из Нюрнберга, были казнены, еще один покончил самоубийством в тюрьме^[11].

Благодаря настойчивым петициям венецианской еврейской общины папа Сикст IV вмешался и приостановил процесс. Более того, он отправил апостольского уполномоченного для выяснения обстоятельств дела. Позиция папского престола по вопросу о кровавых наветах была озвучена еще Иннокентием IV более чем за два столетия до описываемых событий: навет объявлялся «ложным обвинением» и «несправедливые нападки» на евреев предписывалось пресекать. Посланник Рима счел, что и на этот раз евреев «несправедливо мучают, не добившись ни улики, ни их собственного признания».

Однако нашла коса на камень: местные власти в лице сеньора Трента князя-епископа Иоганна фон Гиндербаха, который в княжеской своей ипостаси подчинялся германскому императору, а вовсе не Риму, отнюдь не собирались закрывать дело, поскольку оправдание евреев означало бы автоматическое упразднение культа невинно убиенного Симонино, культа на тот момент уже неплохо раскрученного и приносящего экономические и политические выгоды. Так что через несколько месяцев расследования князь-епископ Трентский самовольно возобновил процесс: еще несколько обвиняемых были казнены, а к заключенным женщинам стали применять пытки, в том числе дыбу. В 1476 году Гиндербах отправил к папскому престолу посланцев, дабы защититься от нападков апостольского уполномоченного, а Сикст назначил специальную кардинальскую комиссию по этому делу. Еще два года продолжалась политическая борьба в верхах и параллельно – развернутая Гиндербахом мощная кампания по промоушену культа Симонино в Италии и Германии. В 1478 году Сикст призвал не притеснять евреев и не судить их по подобным наветам без папского согласия, однако снял с трентских властей все подозрения в судебных злоупотреблениях, де факто признав данное конкретное обвинение истинным и процесс правомочным.

Второй Ватиканский собор в 1965 году пересмотрел Трентское дело и счел обвинение ложным; папа Павел VI деканонизировал Симонино и запретил его культ. Впрочем, некоторые ультрамонтаны, полагаящие Второй Ватиканский собор либеральной ошибкой, продолжают почитание трентского мученика, сопровождаемое крайне резкой антииудейской позицией^[12].

Гандольфино да Рорето (д'Асти).

Мученичество Симонино. Конец XV века.

Обширная документация по Трентскому делу содержит массу любопытных признаний касательно «специфики» пасхального ритуала у итальянских евреев – специфики, какую ни один цивилизованный человек не позволит себе даже вообразить. Следователи довольно подробно выспрашивали о праздничных молитвах, обрядах, трапезе и т. д. Допрашиваемые показали, что упоминаемые в пасхальных текстах Египет и египтяне неизменно понимались как Эдом (Рим) и христиане и, соответственно, именно к ним адресовались все горькие слова про египетское рабство и все проклятия. Самый волнующий вопрос – о крови – также получил утвердительный ответ: сушеная кровь христианских детей в гомеопатических дозах добавлялась в вино на пасхальном столе – перед отлитием из бокала в память о казнях египетских – и в мацу; ее съедали со словами: «Так да будут пожраны наши враги!» Это предписание распространялось только на отцов семейства; холостяков и вдовцов, не говоря уж о женщинах и детях, оно не касалось. Богатые евреи помогали доставать дорогой порошок бедным – впрочем, его нужно было немного, «не больше ореха».

Изощренное убийство маленького Симонино с умелой подачи настойчивых следователей удобно вписалось в рассказ об Исходе из Египта, составляющий стержень пасхального седера. Рана, нанесенная на челюсть жертвы, призвана была напомнить о тщетных попытках Моисея уговорить фараона отпустить народ Израиля. Перелом берцовой кости символизировал погоню фараона, ампутация крайней плоти – массовое обрезание евреев перед Исходом, пункции на теле – казни египетские. Эта детализация нашла отражение в богатейшей иконографии трентского мученичества.

Кроме того, как уже было сказано, убийство невинного младенца воспринималось как пародия на распятие Христа. Слуга Самуила, хозяина дома, показал, что собравшиеся читали бурлескную проповедь, повторяющую содержание знаменитого раннесредневекового антихристианского памфлета Толдот Йешу («Родословие Иисуса»). Еще один слуга свидетельствовал, что, грубыми словами помяная Иисуса («ублюдок, сын скверны») и насмехаясь над телом Симонино, участники церемонии выражали свое возмущение и презрение разными неприличными жестами: топали ногами, строили гримасы, плевали, показывали язык и фигу, обнажали ягодицы.

Выбор, который неизбежно возникает у исследователя этого дела, можно обозначить так: ставить кавычки или нет. Инквизиционные документы и вообще судебные показания, полученные под пыткой, источник всегда крайне интересный и в то же время крайне сложный для интерпретации. Необходимо делать скидку на физическое и психологическое давление и пытаться вычленить голос инквизитора или иного представителя власти, зачастую заглушающий в документе голос допрашиваемого. Сложно, вычитая все это, получить еще что-то в остатке; можно доверять той информации, в которой следователи не заинтересованы, или той, которой они априори не владеют и, соответственно, не могут вложить ее в уста обвиняемому. Есть немало рецептов работы с такими источниками, но на каждый рецепт находится ловушка, и, наоборот, из каждой ловушки есть несколько выходов, возможно, равно ошибочных. Поэтому, по гамбургскому счету, это зачастую сознательный выбор исследователя: верить подпытным показаниям и строить на них свою теорию или не верить и ограничиваться кавычками. И, как мы увидим дальше, разные исследователи по-разному решают этот вопрос.

Ī dīāīēaeāī ēā īēāāōōō

^[1] Ritual murder libel и blood libel – английская терминология лучше передает общепризнанно клеветнический характер обоих обвинений.

^[2] См.: McCulloh J. Jewish Ritual Murder: William of Norwich, Thomas of Monmouth, and the Early Dissemination of the Myth // *Speculum*. 1997. Vol. 72. P. 731–732; Юваль И. «Шней гоим бе-витнех». Йегудим ве-ноцрим: димуим гададим [«Два народа в чреве твоём»: представления евреев и христиан друг о друге]. Тель-Авив, 2000. С. 182–184.

^[3] *The Anglo-Saxon Chronicle*. London, 1961. P. 200.

^[4] *The Life and Miracles of St. William of Norwich* / Ed. and trans. by A. Jessopp and M.R. James. Cambridge, 1896. Перевод названия дан по латинскому оригиналу: *De vita et passione Sancti Wilhelmi Martyris Norwicensis*.

^[5] См.: Langmuir G. Thomas of Monmouth: Detector of Ritual Murder // *Speculum*. 1984. Vol. 59. P. 820–846.

^[6] См.: McCulloh G. *Op. cit.*

^[7] Уверенность в самостоятельности этого источника базируется на оригинальном указании времени: хроника относит убийство к Страстной пятнице, а не к Песаху, наступившему на три дня раньше, как Томас Монмаутский. Однако это отличие возможно истолковать и по-другому: хронист мог умышленно приурочить событие к Страстной пятнице, дабы подчеркнуть сходство с распятием Христа.

^[8] Рабби Эфраим бар Яаков ми-Бонна. Сефер зхират // Сефер гзерот Ашкеназ ве-Царфат / Под ред. А. Хабермана. Иерусалим, 1949. С. 124 и далее.

^[9] Йосефом А-Коемом в книге «Юдоль скорби», написанной в Генуе в 1575 году. См.: Йосеф А-Коем. Сефер Эмек а-баха. Торонто, 1992. С. 55–57.

^[10] Правда, рабейну Там, равно как и другие средневековые раввины, обладал скорее авторитетом, чем реальной властью, и обеспечить исполнение своих постановлений не мог; по всей вероятности, введенный им пост не соблюдался.

^[11] Подробное изложение Трентского дела см., например, в: Po-chia Hsia R. Trent, 1475: Stories of a Ritual Murder Trial. Yale University Press, 1992.

^[12] См., например, сайт «St. Simon of Trent»: <http://www.stsimonofrent.com>.

МНИМОЕ СПАСЕНИЕ: ДВА НЕЙТРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ И ХОЛОКОСТ

Àëàèñàí äð Ðííîäèöèèé

В воюющей Европе 1940–1945 годов наибольшие возможности предоставить убежище евреям, бегущим от нацистского геноцида, были у нейтральных стран. Чтобы попасть в «безопасные» восточные районы СССР, беженец из оккупированной Европы должен был преодолеть линию фронта; чтобы попасть в нейтральные Швецию, Испанию или Турцию, он должен был просто перейти границу, которая не всегда тщательно охранялась.

Нейтральные государства не горели желанием принять евреев-беженцев. В 1940-х годах еще свежа была память о Великой депрессии 1930–1932 годов, и каждый потенциальный иммигрант – будь он политический беженец, еврей или солдат, бежавший из плена, – рассматривался как конкурент на рынке труда и лишний рот. В отношении евреев действовали и дополнительные факторы: опасение массового и неконтролируемого притока чужого населения, с трудом скрываемый антисемитизм, нежелание раздражать могущественный германский рейх.

В последние годы историческая публицистика обратила внимание на Швейцарию и ее отношение к беженцам-евреям. Пограничная стража этой страны тщательно охраняла границу и безжалостно выдворяла нелегальных иммигрантов – даже тогда, когда в 1942–1943 годах шли депортации в лагеря уничтожения. Тех беженцев, которых швейцарские власти согласились принять, они отправляли в рабочие лагеря. Тем не менее в 1938–1944 годах Швейцария приняла около 22 500 еврейских беженцев, из них 13 000 не имели гражданства и иногда даже документов.

Швеция сделала необходимый минимум: она приняла евреев – шведских граждан, оказавшихся под немецкой оккупацией, а также евреев Скандинавских стран – 7220 подданных Дании и около 800 граждан Норвегии, а всего – около 12 000 евреев.

На наш взгляд, оценивая политику нейтральной страны в деле спасения евреев, следует различать две вещи. Допуск евреев-иностранцев, то есть иммигрантов, был жестом доброй воли государства. Совсем иное дело – спасение собственных граждан, на беду оказавшихся под властью нацистов или их союзников. Всякая страна была обязана беспрепятственно репатриировать своих подданных, если они были в смертельной опасности.

Две страны, Испания и Турция, не сделали этого, они закрыли свои границы перед теми, за кого несли ответственность, – перед собственными гражданами.

Евреи в очереди у миссии Швейцарии в Будапеште. Начало 1940-х годов.

ИСПАНИЯ

По окончании второй мировой войны Испания была обеспокоена своим реноме «союзницы» гитлеровской Германии. Испанские правительственные круги полагали, что лучший способ улучшить свой имидж – это создать легенду о франкистской Испании как о мирной гавани для евреев во время нацистского геноцида. В 1949 году, после того как Израиль на Генеральной Ассамблее ООН проголосовал против принятия франкистской Испании в ООН, «возмущенное» испанское правительство распространило брошюру, расписывавшую, как Испания спасла от гибели 6000 евреев в одной только Франции и неопределенное количество евреев в других европейских странах^[1]. Легенда об испанском спасении живет до сих пор и привилась даже в еврейской среде, однако она совершенно не соответствует действительности.

Франкистская Испания не была привлекательным убежищем для евреев, бежавших от гитлеровской диктатуры. Франко считался единомышленником, если не союзником Гитлера. Ходили слухи, что победившие в гражданской войне националисты собираются выселить из Испании евреев, въехавших в страну при Республике; придя к власти, националисты закрыли синагоги в Мадриде и Барселоне. Страна была наводнена немцами, велась пронацистская пропаганда.

Однако с началом второй мировой войны в Испанию потекли беженцы-евреи из Франции, Бельгии и Нидерландов. Практически все они рассматривали франкистское государство как перевалочный пункт на пути в Эрец-Исраэль или за океан. Испанские власти хорошо это понимали и беспрепятственно принимали тех беженцев, у которых на руках имелась французская выездная виза.

В июле 1942 года, как раз тогда, когда начались депортации евреев из Западной Европы в нацистские лагеря, власти Виши перестали выдавать евреям выездные визы. Период легального бегства в Испанию закончился. Теперь беженцы переходили границу нелегально, а документы у многих из них были фальшивые.

На первых порах испанские власти закрывали глаза на нелегальный въезд беженцев – например, пограничники, входя в купе поездов для проверки документов, не

открывали багажные отделения, где нередко прятались нелегалы. Перейти границу пешком в Пиренеях было нетрудно – достаточно было на подходе к КПП сойти с шоссе и пойти лесом. Если беженца хватали при нелегальном переходе границы, его отправляли в тюрьму – но не выдворяли во Францию. Если такой беженец достигал Барселоны или Мадрида – городов, где были иностранные консульства и посольства, – и ухитрялся раздобыть билет на пароход либо «бумаги» от какого-нибудь консульства, то его не трогали; тех, кто не достал ни того, ни другого, отправляли в тюрьму, а мужчин призывного возраста – в концлагерь Миранда де Эбро, условия заключения в котором были тяжелыми.

К лету 1942 года счет беженцев-евреев уже пошел на сотни. Число трансмигрантов – как тех, кто находился в Испании транзитом, так и тех, кто застрял в ней из-за невозможности следовать дальше, – стало расти. Вдобавок к этому немецкая армия одерживала одну победу за другой на обоих фронтах войны – в СССР и в Африке. Под влиянием этих факторов политика Испании изменилась. Пограничная охрана была усилена, и нелегалов безжалостно возвращали во Францию. В октябре 1942 года полиция начала арестовать и выдворять даже тех евреев-беженцев, которые достигли Барселоны и имели разрешение на временное нахождение в Испании. Попытка посольства США вступить за них не помогла.

Спасло беженцев-евреев то обстоятельство, что зимой–весной 1943 года основную часть потока беженцев в Испанию составляли военнопленные, а также молодые французы, желавшие вступить в войска Свободной Франции в Алжире. Заботясь об их судьбе, Великобритания и США пригрозили Испании разрывом дипломатических отношений, если она будет продолжать возвращать немцам беженцев. Поэтому в апреле 1943 года министр иностранных дел граф Хордана-и-Соуса отменил приказ о принудительной депортации, коснувшийся и еврейских беженцев.

Теперь всех беженцев, перешедших границу, отправляли в лагерь Миранда де Эбро. Здесь представители консульств – британского, голландского, бельгийского и других – отбирали своих граждан и предпринимали усилия для их эвакуации из Испании. По понятным причинам, в лучшем положении оказались голландские и бельгийские евреи; в наихудшем – так называемые евреи без гражданства, то есть немецкие, австрийские и венгерские евреи – большинство из них оставались в тюрьмах или в Миранда де Эбро, где пробыли до конца 1944 года.

Ни одному еврею-беженцу франкистский режим не позволил остаться в Испании – разве что в тюрьме или в концлагере. Однако, кроме беженцев, у Испании еще были многочисленные подданные-евреи, проживавшие за границей.

Испанская Конституция 1876 года фактически отменила эдикт Фердинанда и Изабеллы об изгнании евреев, принятый в 1492 году. В страну начали въезжать евреи – как из стран Средиземноморья, так и из Восточной Европы. В 1924 году, после распада Османской империи, диктатор Испании Primo de Rivera предложил евреям, которые смогут доказать, что они потомки изгнанников, принять испанское гражданство. Декрет был в силе до 1930 года. В 1940 году в Европе оказалось около 3000 евреев с испанским гражданством, из них около 2000 во Франции и 670 в Греции^[21].

В сентябре 1941 года во Франции начались аресты евреев. Столкнувшись с тем, что испанский консул не может или не хочет защитить их от арестов, евреи-сефарды – обладатели испанского гражданства запросили разрешения выехать в Испанию. Ответ МИДа в июле 1941 года гласил: они могут репатриироваться, если они «достойные

граждане». На языке того времени это означало: если во время гражданской войны они не поддерживали Республику.

В 1941–1943 годах репатриация испанских евреев во многом зависела от испанского посла в Виши Хосе Лекерика, известного своим антисемитизмом. Лекерика считал, что декрет 1492 года остается в силе. Испания борется с большевизмом – главным отрядом мирового еврейства, утверждал он, и поэтому допуск евреев в Испанию противоречит духу франкизма.

Для формального обоснования отказа принять своих еврейских подданных испанские власти использовали многочисленные лазейки в декрете Примо де Риверы. Так, не все евреи, получившие гражданство по декрету, были внесены в реестры граждан в зарубежных консульствах. У других не были натурализованы их супруги и дети, родившиеся после 1930 года. Были, наконец, и просто сторонники Республики.

В январе 1943 года, после того как 47 испанских евреев на законном основании (как им казалось) въехали из Франции в Испанию, Мадрид открыто объявил, что он более не признаёт своими подданными сефардов: их испанское гражданство – это фикция, оно может спасти от преследований, но не дает право на репатриацию. Так сложилась абсурдная и чудовищная ситуация: Испания не репатрировала собственных граждан, к тому же находившихся в смертельной опасности.

В конце 1942 – начале 1943 года Германия издала серию ультиматумов нейтральным странам и союзникам: либо репатриировать своих евреев, либо согласиться на их «депортацию на Восток». Для Испании сроком был поставлен конец января. Между тем у Испании была своя разведка, которая докладывала, что жизнь евреев под немецкой властью находится в опасности и что депортации из Салоник, начавшиеся в марте 1943 года, «будут иметь трагические последствия». Закрытие иммиграции для сефардов, сообщало из Берлина в МИД испанское посольство, означает для них смертный приговор.

Испанский МИД согласился нехотя на допуск испанских граждан маленькими группами; было оговорено, что этот допуск – лишь транзит, и сам каудильо Франко требовал гарантий того, что все «репатрианты» покинут Испанию. Была выработана сложная процедура «репатриации» евреев в Испанию. Кандидат на «репатриацию» должен был собрать множество документов. Группы «репатриантов» не должны были превышать 25 человек. Еврейские организации и Красный Крест были предупреждены, что, если дальнейшая отправка этих «репатриантов» в Португалию, Северную Африку или за океан приостановится, въезд евреев в Испанию будет прекращен.

Немцы несколько раз продлевали финальную дату своего ультиматума, а Испания четыре месяца тянула время и не объявляла о начале репатриации евреев. Репатриация началась только в конце июля 1943 года и уже 17 августа была приостановлена.

До июля 1943-го всего 112 испанских евреев сумели въехать из Франции в Испанию. В августе репатриировалось еще 85 евреев и 120-ти было отказано. В октябре репатриация интенсифицировалась, из Франции въехало 319 евреев. В октябре 1943 года истек немецкий ультиматум, и немцы начали арестовывать испанских евреев во Франции. Мадрид формально протестовал, и немцы даже освободили испанских евреев из Дранси и слегка продлили действие ультиматума. В августе 1944 года репатриировалось 117 испанских евреев и, возможно, еще 69 в июле.

В Салониках, откуда в марте 1943 года началась депортация евреев в Трeблинку, 511 евреев имели испанское гражданство, и они верили, что Испания их спасет. Однако вопрос о репатриации евреев из Салоник затягивался, и 2 августа немцы депортировали 367 испанских граждан в пересыльный лагерь Берген-Бельзен, остальные сумели бежать. В декабре 1943 года Испания подняла вопрос о своих еврейских подданных в Берген-Бельзене. В феврале 1944 года 365 из них (двое умерли в лагере) достигли Испании, с тем чтобы переехать в Северную Африку; они были предупреждены, что если они будут критиковать Испанию, то дальнейшие репатриации евреев прекратятся.

В Афинах около 200 евреев обладали испанским гражданством, часть из них составляли беженцы из Салоник. 25 марта 1944 года немцы арестовали 155 из них (остальные бежали) и отправили в Берген-Бельзен. Только в апреле 1945-го они были освобождены американцами около Магдебурга. Лишь немногие из них поселились в Испании.

Те 801 (или 870) испанских евреев, которых их «родина» согласилась принять из Франции и Греции, оказались в Северной Африке, откуда большинство сумело добраться до Земли Израиля.

Отношение официальной Испании к своим еврейским подданным выразил в декабре 1943 года в письме к своему коллеге из военного министерства министр иностранных дел Франсиско Хордана-и-Соуса: «Мы не можем привести их всех в Испанию и поселить в ней <...> но мы не можем и оставить их в их нынешнем положении, игнорируя то, что они испанские граждане, потому что это может вызвать суровую критику в иностранной печати, особенно в Америке, и создать нам серьезные международные трудности... Рассматривается проблема допуска их в страну группами по 100 человек, и только тогда, когда одна такая группа будет покидать Испанию – проходя через нашу страну как свет через стекло, не оставляя следа, – будет допускаться следующая группа»^[3].

Евреи, окруженные в порту города Салоники германскими солдатами. Начало 1940-х годов.

ТУРЦИЯ

Современная историческая литература уверяет нас в том, что на протяжении веков отношения между турками и евреями были идеальными: в отличие от христианских подданных Османской империи, евреи всегда поддерживали турецкое государство и были опорой османской власти. Историки подсчитывают, сколько евреев предпочло перебраться в Турцию после отделения Болгарии от империи в 1878 году, после перехода Салоник под власть Греции в 1912 году и т. п.

Между тем с конца XIX века Турция была страной постоянной еврейской эмиграции. Все большее количество евреев стремилось покинуть обнищавшее и постоянно воюющее государство. Более всего евреев покинуло Турцию во время Балканских войн 1912–1913 годов и во время Войны за независимость Турции в 1921–1922 годах. К началу второй мировой войны только во Франции проживало около 10 000 турецких евреев; еще столько же проживало в других странах Европы.

После оккупации Франции немецкими войсками многие из турецких евреев пожелали возвратиться в Турцию. Те, кто утратил турецкое гражданство, старались его восстановить. Со второй половины 1942 года, когда начались депортации французских евреев в Освенцим, стремление репатрироваться у турецких евреев стало всеобщим.

Репатриация оказалась нелегким делом. Турецкие власти не собирались беспрепятственно принимать «дезертиров». Закон о гражданстве 1935 года гласил: граждане, покинувшие страну и не вернувшиеся, чтобы участвовать в Войне за независимость или в течение пяти лет после ее окончания, автоматически теряют турецкое гражданство. Те, кто не регистрировался в консульствах каждые пять лет, – тоже. Если у человека было турецкое гражданство, это также отнюдь не гарантировало ему немедленной репатриации. Турки ссылались на логистические проблемы: вывозить евреев морем в условиях войны было опасно, а вывозить их в поездах было невозможно, так как промежуточные страны – Хорватия, Сербия, Болгария – не разрешали транзита евреев через свою территорию.

С 1933 года турецкие власти соглашались на допуск в страну тех беженцев, включая евреев, от которых они ожидали получить какую-то практическую пользу. Так, до 1939 года Турция приняла несколько сотен ученых и деятелей культуры – беженцев от нацистского режима в Германии. Беженцы из Центральной Европы помогли Турецкой Республике перестроить Стамбульский университет, создать консерваторию и т. п. Первые евреи, которым удалось репатрироваться в Турцию на индивидуальной основе в 1942 году, должны были обещать, что по возвращении они пройдут воинскую службу (Турция, ожидавшая в 1941–1942 годах немецкого вторжения, держала под ружьем миллионную армию).

Только в мае 1943 года – тогда, когда из Франции было уже депортировано в Освенцим 49 000 евреев, и большинство из них были иммигранты – турецкое посольство во Франции, с санкции МИДа, известило через газеты турецких граждан, что они могут подать в консульства заявления о репатриации и получить турецкие паспорта; при этом мужчины призывного возраста должны были подписать обязательство пройти воинскую службу^[4].

Технически, евреи могли репатрироваться в Турцию двумя путями. Те, кто жил на юге Франции, отплывали из Марселя. За 1943–1944 годы из Марселя, а также через Италию, морем выехало в Турцию около 1000 евреев. Евреи Парижа и Бельгии

выезжали по железной дороге так называемыми караванами, которые состояли из нескольких спальных вагонов, прицеплявшихся к поезду, следующему в Стамбул. За расходы по репатриации турки требовали сначала 3000 франков с человека, потом 10 000.

За весь 1943 год турецкие консульства отправили всего три таких каравана; в них в страну прибыло 200 мужчин призывного возраста. Со 2 февраля по 25 мая 1944 года в восьми железнодорожных караванах репатрировалось 414 евреев, а также 11 мусульман и двое христиан – их родных. В двух последних караванах немцы предложили туркам вывезти всех турецких евреев, содержащихся в транзитном лагере Дранси, однако турецкие власти вывезли только часть из них^[5].

Пока турецкие власти бездействовали, нацисты продолжали делать свое дело. Евреев, «утративших турецкое гражданство», немцы и власти Виши арестовывали и отправляли в транзитные лагеря. После того как немецкий ультиматум о репатриации евреев – иностранных подданных истек, нацисты депортировали в Освенцим (а не в Берген-Бельзен, как испанских граждан) 949 евреев – турецких граждан и еще 333 «гайримунтазе», то есть находившихся в процессе восстановления турецкого гражданства^[6].

Из 665 еврейских женщин и детей, прибывших 5 ноября и 16 декабря 1943 года в концлагерь Равенсбрюк преимущественно из Брюсселя, было 69 турецких граждан. Немцы содержали их в несколько привилегированных условиях, и многие из них выжили. Нельзя сказать, чтобы турецкое правительство не знало о депортации своих подданных в Равенсбрюк: в феврале 1945 года, когда стало известно о миссии графа Бернадотта, договорившегося с нацистским руководством о вывозе 5000 заключенных Равенсбрюка в Швецию, оно потребовало, чтобы в их число были включены и турецкие граждане^[7].

Все вышесказанное не означает, что турки не сочувствовали евреям – жертвам нацизма. Там, где находился энергичный чиновник, такой, как вице-консул в Марселе Недждет Кент, он мог эффективно оказывать консульскую протекцию евреям – турецким гражданам в данном городе. 19 июля 1944 года, во время депортации евреев с острова Родос, турецкий консул на острове Селяхеттин Улькюмен добился у немцев освобождения 42 человек – турецких граждан и их супругов (остальные 1673 еврея Родоса были депортированы). Турки могли спасать не только собственных граждан. Местные власти на Эгейском побережье принимали евреев, которые бежали сюда из Греции на лодках (тем более что заботы об этих евреях взяла на себя еврейская община Измира). Только с помощью греческого Сопротивления и британских агентов в 1943 году на Эгейское побережье прибыло более 300 греческих евреев.

Дети французских еврейских беженцев в марсельском порту. Начало 1940-х годов.

Тем не менее турецкое государство противилось репатриации евреев, и утверждение американского историка К. Браунинга о том, что «после долгих колебаний и проволочек турецкое правительство репатриировало всех евреев – своих граждан»^[8], ни на чем не основано.

Ни Испания, ни Турция не выполнили своего долга по отношению к тем, за кого они несли ответственность, – за своих граждан-евреев, проживавших за границей. Франкистский режим не хотел присутствия евреев в Испании и уж по крайней мере не хотел роста еврейской общины в стране. Идеальный союзник Гитлера, Франко был антисемит. В 1975 году смертельно больной генералиссимус в последний раз предупредил свой народ об опасности «еврейско-марксистско-масонского заговора».

На нашем уровне знания трудно понять, чем мотивировалось нежелание турецких властей репатриировать собственных подданных – тогда, когда промедление в репатриации означало смерть. Это могла быть и мстительность – стремление наказать «дезертиров», и попросту антисемитизм. Турецкие архивы ревниво охраняют тайну политики Республики по отношению к евреям во время второй мировой войны – не менее ревниво, чем все, что связано с геноцидом армян в 1915 году.

^[1] Avni H. Spain, the Jews and Franco. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1982. P. 179–181.

^[2] Ibid. P. 47.

^[3] Ibid. P. 182.

^[4] Shaw S.J. Turkey and the Holocaust: Turkey's Role in Rescuing Turkish and European Jewry from Nazi Persecution, 1933–1945. Basingstoke, Hants: Macmillan, 1993. P. 144–145.

^[5] Ibid. P. 198 и далее.

^[6] Klarsfeld S. Memorial to the Jews Deported from France 1942–1944. New York, 1983. P. xxxvi.

^[7] Buber Agassi J. The Jewish Women Prisoners of Ravensbruck: Who Were They? Oxford: OneWorld, 2006. P. 84. Фактически Бернадотт вывез из Равенсбрюка 14 000 женщин-заключенных.

^[8] Avni H. P. 237.

ОТ ПОДОЛИИ ДО ЯМАЙКИ: ЕВРЕИ-МОРЕПЛАВАТЕЛИ И НАДГРОБНАЯ СИМВОЛИКА

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Резной декор надгробных стел XVI–XIX веков с еврейских кладбищ Восточной Европы представляет собой яркий и хорошо изученный пример прикладного народного искусства. В этот период в западных регионах Украины формируется особая разновидность еврейского народного камнерезного мастерства, характеризующаяся собственным стилем, категориями нормы, техническими особенностями и своим образным языком^[1]. Проблема заимствования образов и мотивов из западноевропейского искусства является одной из центральных для понимания этого самобытного феномена. В связи с этим особенно интересным может быть сравнительное исследование изображений на восточноевропейских еврейских надгробиях и памятников искусства западных еврейских общин.

Автор этих строк на протяжении нескольких экспедиционных сезонов в 1990-х годах участвовал в документировании еврейских кладбищ Западной Украины. В 2005 году мне также довелось посетить старинное (существовавшее с 1670-х годов) еврейское кладбище на острове Кюрасао в Карибском море (Нидерландские Антилы), а в 2008 году участвовать в документировании еврейского кладбища Хантс-Бэй, с 1672 года обслуживавшего город Порт-Рояль на Ямайке. В настоящей статье приводятся некоторые наблюдения относительно трех символов, распространенных на этих кладбищах, – звезды Давида, парусника и черепа и костей – и о распространении схожих изобразительных мотивов в Восточной Европе.

Появление евреев в нидерландских и английских колониях Нового Света связано с экспансией сефардской (испанской и португальской) общины Амстердама в XVII–XVIII веках. Община на Кюрасао складывается в XVII веке благодаря деятельности голландской Вест-Индской компании, в которой евреи играли активную роль^[2]. В XVIII – начале XIX века евреи составляли большинство белого населения острова. В Порт-Рояле на Ямайке, захваченной в 1660 году англичанами у Испании, быстро возникает еврейская община, по-видимому частично состоявшая из вернувшихся в иудаизм крещеных евреев, обитавших в испанских владениях, и из сефардских торговцев, прибывавших из других колоний и стран Европы^[3]. Порт-Рояль в 1660–1670-х годах являлся своеобразной «пиратской столицей», поскольку британцы, не имея достаточных сил для обороны острова от испанских набегов, фактически предоставили власть пиратам-буканьерам. После разрушительного землетрясения 1692 года, когда большая часть Порт-Рояля была поглощена водой, столица Ямайки постепенно перемещается в Кингстон.

Что касается надгробий еврейских кладбищ, они, по-видимому, доставлялись на заказ из Европы, где выполнялись нееврейскими мастерами. Тем не менее изображения на надгробиях выбирались заказчиками, обычно родственниками погребенного.

ПАМЯТНИК ИСААКУ БРАВО – ПЕРВОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗВЕЗДЫ ДАВИДА НА ЕВРЕЙСКОМ НАДГРОБИИ?

Шестиконечная звезда, называемая «звездой Давида» (или «щитом Давида», маген Давид), считается сегодня символом еврейского народа и иудаизма. Но эта традиция возникла совсем недавно. Древними иудейскими символами, встречающимися на надгробиях и памятниках первых веков христианской эры являлись изображения, связанные с Иерусалимским Храмом: портал храма с двумя витыми колоннами, храмовый светильник-менора, рог-шофар, пальмовая ветвь-лулав и цитрусовый плод-этрог. Эти мотивы были связаны с идеей воскрешения мертвых и восстановления Храма в мессианские времена. Среди символов, употребляющихся в средневековом еврейском искусстве, шестиконечная звезда встречается как орнаментальный мотив не чаще других изображений. Энциклопедические источники сообщают о том, что в позднесредневековый период шестиконечная звезда использовалась, например, на печати и флаге еврейской общины в Праге. Однако общепризнанным символом иудаизма, аналогичным кресту у христиан, она стала лишь в XIX – начале XX века.

Соответственно, и изображение звезды Давида как неперенный элемент иудейских надгробий – аналогичный кресту на христианских надгробиях – вошло в употребление довольно поздно. Вот что пишет Гершом Шолем:

Использование этого символа на надгробии астронома и историка Давида Ганса (1613) все еще являлось исключением, явственно связанным с названием его последней работы, «Маген Давид». За исключением надгробия в Бордо (около 1726), другие примеры использования его на надгробиях до конца XVIII столетия неизвестны^[4].

Во время работы по документированию старого еврейского кладбища в Сатанове (Хмельницкая область Украины) в 1993 году я обратил внимание на богато орнаментированное надгробие 1775 года, принадлежащее Аврааму Давиду Бабаду. Бабад – богатая и разветвленная семья из Галиции, имевшая обширные родственные связи в Западной Европе. Эта семья дала множество раввинов, сама фамилия Бабад представляет собой акроним «бней ав бет дин», т. е. «потомки главы раввинского суда»^[5]. Напомню, что должность главы раввинского суда – это фактически должность главного раввина, и, действительно, многие представители этого семейства возглавляли общины в разных городах и местечках. Звезда Давида выгравирована в верхней части богато декорированного, барочного памятника и фланкирована двумя фигурами львов. Четыре буквы в центре звезды обозначают 5536 год по еврейскому летосчислению (1774/1775 год н. э.). Это одно из первых изображений маген Давида на надгробии из Украины и, по-видимому, наиболее ранний случай в этом регионе, когда шестиконечная звезда выступает не в качестве орнаментального элемента, а как центральный мотив надгробия.

Еще более раннее изображение маген Давида встречается на надгробии 1722 года Исаака Браво из Кингстона, современной столицы Ямайки в Карибском море. При перепланировке в начале XX века кладбище было закрыто, а наиболее ценные надгробия перенесены в Мемориальный сад во дворе «Объединенной синагоги израэлитов» на Дьюк-стрит. Среди них и памятник Исааку Браво.

Памятник выделяется богатым украшением, к которому относится изображение руки, срывающей цветок (намек на безвременную кончину), двух черепов (намек на бренность существования) и большой звезды Давида, вдоль граней которой и по центру располагается текст на иврите, представляющий собой цитату из 33-й главы Книги Иова, стихи 23-й, 24-й и 30-й: «Если есть у него ангел-защитник, один из тысячи, то пусть

расскажет о праведности человека. И смилостивится он и скажет, спаси его, я нашел искупление его. Отвратить его душу от могилы, чтобы он был освещен светом живых». Заметим, что выражение «малах мелиц», «ангел-защитник», может относиться к самой эпитафии (мелица, «восхваление»), служащей таким образом для смягчения приговора умершему в Небесном суде.

Надпись на испанском языке гласит:

Sa Del bien aventurado bonrado y caritatibo Mancebo Ysaac Bravo Que Falecio en 13 Kislev De 5483 S.B.A.G.D.L.G.G.A amen. («Надгробие молодого человека Исаака Браво, который скончался 13 кислева 5483 года. Да насладится его благословенная душа вечной славой, аминь».)

По периметру идет надпись по-английски:

Here Lieth Deposit the body of the worthy, honest, and charitable Isaac Bravo late Merchant of Kingston in Jamaica who departed this life the 13 Kislev aged 33 years, in the year of creation of the world 5483. («Здесь возлежит тело порядочного, честного и милостивого Исаака Браво, покойного купца из Кингстона на Ямайке, который простился с этой жизнью 13 кислева в возрасте 33 лет, в год от сотворения мира 5483-й».)

Надгробие Авраама-Давида Бабада.

Сатанов. 1775 год.

Трехязычные надписи являются специфическим феноменом эпитафий на Ямайке. Три языка (иврит, португальский или испанский и английский) выполняли разные функции. Надпись на иврите способствует успокоению души покойного на

небесах, она ходатайствует за него, является тем самым ангелом-защитником (мелиц), о котором и говорится в цитате. Португальский или испанский (различие между использованием этих двух языков – отдельная тема) бережно сохранялся сефардскими евреями. Эти языки изучались в школе, на них говорили дома, они имели «полусакральный» статус, на них существовали молитвы, не случайно мы встречаем сокращенную формулу благопожелания S.V.A.G.D.L.G.G.A. именно на испанском языке. Ну а английский – это язык страны, язык окружающего общества и властей. Можно сказать, что трехязычие выражает тройную идентификацию ямайских евреев, три измерения, в которых они существовали.

Итак, мы рассмотрели два памятника XVIII века, принадлежащие еврейским общинам с очень разными культурными традициями: ашкеназской общине в Подолии и трехязычной сефардской общине Ямайки. В обоих случаях изображение звезды Давида является центральным мотивом и, таким образом, выступает в качестве общеврейского символа. Международные контакты служили каналом распространения подобной символики, не случайно в Украине это изображение появляется на памятнике представителю семьи Бабад, имевшей ветви в разных частях Европы, а в Кингстоне – на памятнике купцу, по всей вероятности вовлеченному в трансатлантическую торговлю.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПАРУСНИКА

В числе изобразительных мотивов восточноевропейской надгробной символики особое место занимает изображение парусного корабля. Этот мотив нетипичен для еврейского искусства и появляется на надгробных стелах сравнительно редко, но тем не менее у него есть свое место в системе образов камнерезного искусства.

Один из наиболее интересных восточноевропейских надгробных памятников с изображением корабля – это надгробие Малки Бабад (1834) из г. Броды (Львовская область Украины). Текст эпитафии в переводе с иврита гласит^[6]:

Присоединилась к своему народу на горе мужа ее в среду 8 кислева 5595 года. Это памятник женщине, чьи пути приятны [Мишлей, 3:17], честной в своих благих деяниях, источник воды чистой [Йехезкель, 36:25], холм вечный с приятными насаждениями [Йешаяу, 17:10], дорогая госпожа Малка, дочь выдающегося раввина Ицхака Бабада, благословенной памяти, покой его во славе в Святой земле, да будет она отстроена быстро в наши дни. В молодости, презрев мирские удовольствия, взяла душу свою в ладонь [Шмуэль, 19:5], чтобы плыть на корабле великом и отправиться к месту Бейт-Эль^[7]. Но Г-сподь сказал: «Вернись на свое место! Где родилась ты, там тебе и умереть. Однако есть заслуга за деяние твое [Ирмеяу, 31:15]. Намерение ее и устремление ее желанно. Насытится она от плодов деяний своих и воскреснет в конце дней для жребия своего [Даниэль, 12:13]».

Надгробие Малки Бабад.

Броды. 1834 год.

Как показал израильский историк Арье Моргенштерн, Малка Бабад вместе со своим отцом Ицхаком Бабадом совершила паломничество в Землю Израиля в 1811 году и поселилась в городе Цфат, где существовала община хасидов из Галиции^[8]. После смерти отца Малка была вынуждена вернуться в Броды, где и умерла в 1834 году. Эпитафия отмечает стремление Малки поселиться в Святой земле как благое намерение, которое будет зачтено ей на Небесах и при воскрешении мертвых в «конце дней».

Резчик изобразил парусное судно, упоминаемое в эпитафии (ци адир, «великий корабль» или «великий флот»). Изображение стилизованное, практически лубочное и отличается условностью деталей. Обращает на себя внимание непропорционально толстая мачта с башенкой-навершием посередине палубы, бочки и ящики, очевидно, с грузом, готические мачты с флажками, изображение птицы и двух бабочек. Интересно изображение дома с остроугольной крышей на палубе судна и двух окон с рамами в борту корабля. Следует отметить, что Броды, входившие в первой половине XIX века в Австро-Венгерскую империю и находившиеся поблизости от границы с российской Волынской губернией, были центром пограничной торговли. Однако видеть морские суда в этом сухопутном городе резчик мог разве что на картинках.

Изображение судна встречается уже на еврейских погребальных памятниках III века н. э. из Бейт-Шеарим. Этот мотив имеет двоякое значение. С одной стороны, он указывает на занятие мореплаванием и морской торговлей, характерное для многих евреев, начиная с первых веков новой эры. С другой стороны, корабль символизирует путешествие, совершаемое душой после смерти, и в таком значении фигурирует во многих традиционных раввинистических текстах.

Евреи в Бродах, особенно представители олигархической прослойки общинного руководства, поддерживали торговые и семейные связи со своими единоверцами в Западной Европе. Нередкими были семейные связи с жителями Гамбурга, Франкфурта, Праги, Амстердама и даже Лондона^[9]. Интересно, что на надгробных памятниках XVII–XVIII веков, принадлежащих амстердамским евреям португальского происхождения, корабль является распространенным мотивом. Это в особенности касается памятников с португальско-еврейского кладбища острова Кюрасао, имевшего в XVI–XIX веках значительную еврейскую общину выходцев из Амстердама. В XVIII веке памятники

изготавливались в Амстердаме и доставлялись по морю на далекий остров^[10]. Изображения с Кюрасао более реалистичны, а их распространенность отражает тот факт, что некоторые из погребенных были судовладельцами.

Другим мотивом, встречающимся у восточноевропейских евреев практически исключительно в Бродах, является изображение дома (иногда рушащегося) и срубаемого дерева, символизирующего оборванную жизнь. Как и в случае с кораблем, этот мотив является типичным и у амстердамских евреев португальского происхождения. На кладбищах Амстердама и Кюрасао изображение дома, как правило, сопровождалось изображением людей и интерпретировалось как изображение смертного одра^[11]. Амстердамские евреи, будучи более либеральными в интерпретации библейских предписаний, допускали изображения людей, в то время как их восточноевропейские единоверцы придерживались более строгого толкования библейской заповеди «Не сотвори себе кумира и никакого изображения». Характерно, что на надгробии Малки Бабад в образ корабля включено изображение дома, который попросту находится на палубе. Для художника корабль, на котором душа совершает путешествие в загробный мир, стал развитием идеи дома как места обитания души.

Надгробие Авраама бен Даниэля Энрикеса. Кюрасао. 1726 год.

Не случаен и тот факт, что изображение корабля появляется именно на женском надгробии. В популярном отрывке из библейской книги Мишлей, который зачитывался при наступлении субботы, описывается «идеальная жена» (эшет хайль). Среди различных образов, раскрывающих добродетели женщины, здесь появляется и образ корабля: «Подобна торговому судну, она приносит свой хлеб издалека» (Мишлей, 23:34). В архиве Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН^[12] мы нашли

упоминание о надгробном памятнике 1865 года из Вильны, также украшенном изображением корабля с подписью на иврите: Зэ оният сохер («Это торговое судно»), отсылающей к цитированному стиху из Мишлей. Далее следует рифмованная эпитафия, представляющая собой акrostих, в котором зашифровано имя погребенной, «Бэйла, дочь Иосифа». Вот первые четыре стиха в подстрочном переводе:

Á ñäöäâéí ó ì îðäé îí à ñî öèäâñî

è è ääðäñ î ðèñò äèà [Éîí à, 2:4].

Á í ó è ðéà ñ äð è äí äçäí í í ää çäñò äèà

Á ääí ü, èí ää ä ò î äèä äí ää ò ü äí - ü ñäð

äëý ääí - äí èý,

Í à ñ î äèà îí à î ðé è è, è ñó: èçäñî äóðý,

è í äñò äèí æèçí è ää í èí í - äí èä

Разумеется, Бэйла не была мореплавательницей, и корабль (изображение которого не сохранилось) в данном случае являлся чисто аллегорическим элементом.

Характеризуя еврейское камнерезное искусство, Д. Гоберман отмечал: «При всем разнообразии источников заимствования, мы, однако, не почувствуем в резьбе и тени эклектизма. На новой почве все пришедшее извне преобразалось, находило своеобразное пластическое выражение»^[13]. Резной декор надгробных памятников вобрал в себя самые разные элементы, восходящие как к традиционным еврейским образам, так и к народному искусству соседних народов. Изображение корабля пришло в бродовскую еврейскую общину от западноевропейских единоверцев, у которых оно имело вполне реалистические черты. Преображенное анонимным резчиком, это изображение приобрело в Бродах лубочный оттенок, будучи совмещено с параллельным ему более традиционным образом дома.

ЧЕРЕП И КОСТИ

Изображение черепа и костей, связываемое массовой культурой с пиратским флагом «Веселый Роджер», обращает на себя внимание любого посетителя кладбища Хантс-Бэй на Ямайке. Велик соблазн связать частое изображение черепа и костей с тем фактом, что в конце XVII века Порт-Рояль был центром пиратства^[14].

Однако череп и кости встречаются на еврейских надгробиях и в других местах. Это не только кладбища Карибского региона (Кюрасао, Суринам), но и Западная Европа (Амстердам, Альтона и др.). Череп и кости – символ смерти, распространенный на христианских кладбищах в Испании. Именно в качестве символа смерти, призванного запугать противника, появляются они и на пиратском флаге. В христианской символике череп также связан с местом распятия Иисуса – горой Голгофа, название которой и означает по-арамейски «череп» (гулголта). Таким образом, для христиан череп символизирует смерть и воскресение, перекрещенные кости, конечно же, связаны с образом креста. Череп и кости стали также символом Ордена тамплиеров, «хранителей Храмовой горы».

Кости и воскрешение мертвых в библейской традиции связано с 37-й главой книги Йехезкеля, где говорится о «долине сухих костей», оживающих по воле Б-жьей. Христиане усматривали в этом отрывке намек на «воскресение» Иисуса. Согласно еврейской традиции мертвые пребывают в могилах до времени прихода Машиаха, после чего их тела восстанут из могил, причем воскрешение должно начаться с некой «нетленной» косточки луз. По некоторым мнениям, мертвые воскреснут только в Стране Израиля, поэтому территория любого кладбища приравнивается по святости к земле Израиля. Мессиянские времена также связаны с восстановлением Иерусалимского Храма, именно поэтому храмовые атрибуты (менора, шофар, портал с витыми колоннами), как и намеки на воскрешение мертвых, типичны для еврейских эпитафий и погребальной символики. Однако, в еврейских литературных источниках нам не удалось найти прямого указания на связь черепа с воскрешением мертвых, потому этот символ представляется все же заимствованным у христиан. Следует отметить также возможную связь этого символа с масонской символикой, весьма распространенной на сефардских надгробиях (например, изображение кирки, лопаты, циркуля и мастерка), поскольку с XVIII века значительная часть евреев Ямайки состояла в масонских ложах.

Надгробие с изображением костей и черепа. Хантс-Бэй. Ямайка.

Конец XVII – начало XVIII века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели три символа, встречающиеся на еврейских надгробных памятниках: звезда Давида, парусник и череп и кости. Звезда Давида редко появляется в XVIII веке на еврейских надгробиях, и лишь позднее она превращается в символ иудаизма. Несмотря на это, памятники XVIII века свидетельствуют о том, что шестиконечная звезда уже стала восприниматься как общеврейский, а не локальный символ, причем распространение этого символа было связано с вовлеченностью евреев в международную торговлю, их трансевропейскими и трансатлантическими связями. Как и в случае звезды Давида, распространение изображения парусника, по-видимому, связано с международной активностью евреев, поскольку в Восточной Европе этот мотив появляется изначально в городах, служивших центрами трансевропейской торговли, таких, как Броды и Вильна. При этом происходит переосмысление мотива парусника как дома, места обитания души, совершающей свое последнее путешествие. Череп и кости, напротив, являются специфическим западным мотивом, не характерным для Восточноевропейского региона и, по-видимому, заимствованным западноевропейскими евреями у христиан. Все три рассмотренных мотива представляют собой интереснейший пример перемещения символов и образов народной культуры между разными еврейскими общинами и между еврейской и нееврейской культурами.

^[1] Хаймович Б.Н. Еврейское народное искусство Южной Подолии // Сто еврейских местечек Украины. СПб., 2000. С. 87–116.

^[2] I.S. Emmanuel, Precious Stones of the Jews of Curacao. NY: Bloch Publishing Company, 1957; I.S. Emmanuel and S.A. Emmanuel. History of the Jews of the Netherland Antilles. AJA, Cincinnati, 1970.

^[3] R.D. Barnett and P. Write. The Jews of Jamaica: Tombstone Inscriptions 1663–1880. Jerusalem, 1997.

^[4] G. Sholem. Magen David // Encyclopedia Judaica. Vol. 13. P. 338. Отметим, что в ходе недавнего документирования еврейского кладбища Бордо памятника 1726 года со звездой Давида не было обнаружено

^[5] Гелбер Н. История бродских евреев. Иерусалим, 1955. С. 85 (на иврите).

^[6] Эпитафия была задокументирована автором в 1995 году. Фотографии памятников с бродского кладбища выполнены М.А. Хейфецем и публикуются с его любезного разрешения.

^[7] То есть в Святую землю, ср.: Берешит, 5:8.

^[8] Моргенштерн А. Из Брод в Палестину и обратно // Цион. 1993. № 58. С. 107–113 (на иврите).

^[9] Гелбер Н. С. 49–50, 81.

^[10] The Jewish Cemetery Beth Haim Curacao. Willemstad, 2001. P. 9.

^[11] Ibid. P. 10.

^[12] Ф. 85. Оп. 1. Д. 26. Л. 12. В этом деле содержатся тексты эпитафий виленского еврейского кладбища, переписанные в начале XX века Гилелем-Ноахом Магидом (и частично им составленные), отцом гебраиста Давида Магида. Об изображении парусника на старом надгробии (1892) из Слонима в Белоруссии сообщает также петербургский исследователь Павел Фарберов.

^[13] Гоберман Д.Н. Забытые камни. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 9.

^[14] Один из первых исследователей кладбища в Хантс-Бэй Х.П. Сильверман писал: «Нельзя исключить, что это просто воспроизведение пиратской эмблемы того времени, поскольку в тот период пираты были знамениты в Порт-Рояле – сэр Генри Морган, наиболее значительный среди них, фактически занимал пост губернатора Ямайки» (H.P. Silverman, The Hunts Bay Jewish Cemetery, Kingston, Jamaica, British West Indies. American Jewish History. 1947. Vol. 37. P. 340).

ХУДОЖНИК КАПЛАН И ПИСАТЕЛЬ ЭРЕНБУРГ

(по страницам переписки)

Áíðèñ Òðáçèííèèé

Í èíí-àíèá Í à-àèí á¹ 10, 2008

Конечно, Каплан не был главной и единственной заботой Эренбурга, но он не забывал, что только большое число выставок на Западе, организованных при содействии не враждебных, а безусловно дружественных СССР организаций, выставок, в которых Каплан будет участвовать официально, укрепит его положение и поможет популяризации его работ в СССР, и неизменно способствовал этому. Когда осенью 1960 года в СССР официально приехал президент общества «Франция – СССР» Андре Блюмель, Эренбург уговорил его посмотреть в Ленинграде работы Альтмана и Каплана. И Блюмель это выполнил.

Ленинград, 16 октября 1960 года^[1]

Дорогой Илья Григорьевич!

Вчера в мастерской Натана Исаевича <Альтмана>^[2] состоялась теплая встреча с господином Андре Блюмель. Мы с ним беседовали и показывали свои работы. Нам кажется, что он остался доволен и благодарил.

(Может быть теперь своевременно организовать выставку наших работ в Париже?).

Недавно был в Москве. Привозил с собой работы, сделанные темперой, чтобы показать и услышать Ваше мнение. К сожалению, Вас не было дома – были за городом.

Дорогой Илья Григорьевич!

В декабре с<его> г<ода> предполагается открыть выставку моих работ в малом зале Союза художников в Ленинграде. Хочу просить Вас, если это возможно, написать предисловие к каталогу выставки. Буду счастлив. Выставлю 120–140 работ. Кроме известных Вам листов, покажу пейзажи Ленинграда, Ленинград в дни блокады, иллюстрации к «Слепому музыканту»^[3] и «Человеку в футляре»^[4] и новые листы на мотивы евр<ейских> нар<одных> песен^[5].

Я Вам давно не писал только потому, чтобы не беспокоить Вас.

Желаю Вам и Любви Михайловне всего наилучшего.

С глубоким уважением Каплан.

Предисловие было написано вовремя и отослано в Ленинград, однако выставка не состоялась и каталог не вышел. Текст Эренбурга опубликовали как предисловие к папке литографий Каплана «Тевье-молочник» тиражом всего 125 экземпляров^[6], потому приведу его здесь:

В книге иногда бывают две вещи, которые огорчают автора: предисловие и иллюстрации. В предисловии посторонний человек на четырех страницах излагает то, что автор пытался рассказать на четырехстах страницах, и затем на других четырех страницах говорит о том, чего автор не написал, и читает ему за это нотацію. Другой посторонний – дежурный иллюстратор, считая, как и автор предисловия, что автор ничего не умеет, а читатель ничего не понимает, старательно изображает различных персонажей романа или рассказа. Все это не имеет ничего общего с искусством.

Анатолий Каплан – художник. Он не разъясняет, он создает свои образы, рожденные и от поэзии любимых им книг, и от ощущения зрительного мира. Я знаю его литографии, порожденные рассказами Шолом-Алейхема. Они печальны и поэтичны, в них любовь молодых и мудрость старых, в них сказка старых, давно исчезнувших Касриловок. Они, может быть, действительно рождены повестями большого писателя, но они живут самостоятельной жизнью. Это не приложение к книге, а замечательные произведения искусства, где черный и белый цвета взяты настолько живописно, что создают впечатление полной цветовой гаммы.

Когда я гляжу на литографии А. Каплана, я вспоминаю произведения художников, которых можно назвать его земляками: Каплан родился в Рогачеве, Марк Шагал в Витебске, Сутин в Смилевичах. Их объединяют не только воспоминания о деревянных домиках, вывесках лавчонок, бородатых старцах, мечтательных юношах, но и ощущение сказочности, трагизм и в то же время страстная любовь к жизни. Все это выражено не литературным пересказом, а языком искусства.

На стене комнаты, где я работаю, висят литографии А. Каплана, они приносят мне много радости. Я убежден, что подобную радость испытают и обладатели этих листов.

ÈëüŸ Ýðáí áóðã

«Разрушенный дом».

Фрагмент литографии «Война».

Это поразительное и вместе с тем типичное для Эренбурга предисловие; его тогдашнего значения нельзя понять, не зная обстоятельств той эпохи. Эренбург написал его так, чтобы оно не раздражало цензуру и безусловно было напечатано и в то же время чтобы в нем было сказано все, что он хотел сказать и напомнить своим читателям, обладавшим даром чтения между строк. В самом деле: здесь ведь ни разу не употреблено слово «еврей», но всем было понятно, о чем и о ком идет речь; более того, Эренбург ставит Каплана в один ряд с практически запрещенными тогда в СССР еврейскими художниками-эмигрантами Шагалом и Сутиным. Сегодняшние читатели, не знающие тотальной и жесточайшей цензуры, посмеиваясь над гражданскими идеалами «шестидесятников», запросто назовут это предисловие беззубым. Между тем дать прочесть тогдашним цензорам текст, в котором все названо своими именами, было делом нехитрым. Задача же Эренбурга заключалась в том, чтобы текст был напечатан и дошел до читателей, живших в условиях интеллектуальной блокады.

Ленинград, 25 ноября 1960 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Огромное Вам спасибо за чудесное предисловие. Также большое спасибо за хорошее отношение ко мне и моим работам.

Посылаю почтой: 25 листов по Тевье молочнику, 3 листа из серии «Ленинград в дни блокады» и портрет Шолом-Алейхема». Думаю, что портрет Вам особенно не понравится – он сделан для заработка. Кабинет графических искусств в Москве напечатает его 500 экз. и успешно продаст.

Буду очень рад, если Вы напишете свое мнение о листах к Тевье молочнику, потому что еще продолжаю работать над этим произведением.

Желаю от всего сердца Вам и Любови Михайловне много здоровья и счастья.

Весь Ваш Каплан.

26 января 1961 года Эренбургу исполнилось семьдесят лет, отправленная заранее телеграмма Каплана не затерялась в огромном потоке поздравлений:

Дорогой Илья Григорьевич поздравляю с семидесятилетием желаю здоровья долгих лет жизни – Ваш Каплан.

Ответного послания Эренбурга не знаю, но через какое-то время он послал Каплану первый том своих мемуаров:

Ленинград, 24 ноября 1961года

Дорогой Илья Григорьевич!

Большое Вам спасибо за Вашу чудесную книгу, которую Вы мне прислали¹⁷¹. С большим удовольствием перечитываю ее.

Посылаю почтой папку с работами: 25 листов «Тевье молочника» вторая серия и еврейские народные сказки «Козочка» 20 листов.

Отдельными альбомами они печатаются для Англии (тираж 125 нумерованных экземпляров).

Думаю, что Вы меня поругаете за эти работы. Но если Вы найдете среди этих листов некоторые заслуживающие внимания, то буду очень рад. Работаю над эскизами «Песнь песней» Шолом-Алейхема¹⁸¹. Когда буду в Москве, буду просить Вашего разрешения показать их Вам.

Желаю Вам и Любови Михайловне доброго здоровья и всего наилучшего.

Ваш Каплан.

P. S. Листы из альбомов «Заколдованный портной» и «Тевье молочник» были в этом году на выставках в Лондоне и Нью-Йорке, выставки организовал господин Эрик Эсторик, в зарубежной печати много положительных отзывов.

К письму приложена вырезка из «Вечернего Ленинграда» от 23 ноября 1961 года с заметкой «Выставка работ ленинградского художника в Англии».

На письме пометка Эренбурга секретарю: «Сердечно поблагодарите за литографию».

Следующее письмо с новостями совпало с очередным Новым годом:

Ленинград, 29 декабря 1961 года

Дорогие Илья Григорьевич и Любовь Михайловна!

Большое спасибо за теплое письмо. Я очень рад, что Вам понравились некоторые листы из альбомов «Тевье молочник» и «Козочка». Директор Grosvenor Gallery Эрик Эсторик говорил, что эти работы на выставке в Лондоне пользуются успехом.

Публика, коллекционеры и представители музеев посещают выставку и приобретают отдельные листы или полностью альбомы.

Посылаю Вам каталог выставки ¹⁹.

Дорогой Илья Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас и Любовь Михайловну с Новым годом.

Все время буду желать Вам самого лучшего. Много здоровья, счастья и издания новых чудесных книг.

Весь Ваш Каплан.

Еще раз спасибо за Ваши прошлогодние пожелания, которые полностью осуществились.

Каплановские письма – это история его работы, его успехов на Западе и небрежения в СССР, изложенная самим художником. Вот письма 1962 года:

Ленинград, 2 мая 1962 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Давно не писал не желая беспокоить Вас лишним письмом, но думаю о Вас каждый день. Дай бог Вам много здоровья и успешно осуществлять свои творческие планы. Очень хочется видеть Вас и рассказать о работе, которую выполняю для Англии.

Теперь делаю 12 цветных автолитографий на мотивы еврейских народных песен. По настойчивой просьбе г-на Эсторика я повторю работу «Песнь песней» Шолом-Алейхема из 6-ти листов (условно – один титульный лист, четыре фронтисписа и один заключительный). Эти листы я не посылаю Вам, боясь, что они Вам очень не понравятся.

Если разрешите, то пошлю вместе с 12-ю листами песен. У нас в союзе новый председатель – скульптор Аникушин ¹⁹. Скоро в Москве съезд художников. Меня никогда никуда не выбирают и не посылают. Б-г с ними. Не обижаюсь. Было бы здоровье работать. Материально у меня стало хорошо. Получил письмо, что в Нью-Йорке открылась выставка моих литографий. Просил, чтобы прислали каталоги.

Желаю Вам и Любви Михайловне всего-всего доброго.

Ваш Каплан.

Ленинград, 11 июня 1962 года

Дорогой Илья Григорьевич!

9-го с<его> м<есяца> отправил Вам посылку 18 автолитографий (12 на мотивы народных песен и 6 – Песнь песней Шолом-Алейхема).

Буду очень рад, если Вам понравятся несколько листов из всего этого. Еще больше обрадуюсь, если назовете те листы, которые Вам покажутся лучшие других.

Эти литографии я выполнил по заказу Международной книги для господина Эрика Эсторика. В конце мая месяца мы с ним были у Вас и беседовали с Натальей Ивановной<Столяровой>^[12].

Он говорил, что выставки моих работ были организованы, кроме Лондона, в Нью-Йорке, Милане, Турине и некоторых других городах.

Продолжаю работать над третьей серией «Тевье молочника». Если Вам еще не надоели мои листы – я их пришлю Вам.

С удовольствием перечитываю Вашу последнюю книгу^[12] и прошу Б-га, чтобы Вы были здоровы и счастливы.

Ваш Каплан.

Искренний привет Любови Михайловне.

Р. С. Летом буду работать только с натуры.

Н. Хрущев и И. Эренбург. 1960-е годы.

Конец 1962 – начало 1963 года отмечены хрущевской кампанией против либеральной художественной интеллигенции. Скандальные выступления главы КПСС в декабре на выставке «30 лет МОСХа», а затем, в марте, в Кремле повергли подлинную интеллигенцию в шок. Одной из главных мишеней этой брани стал Эренбург и его мемуары «Люди, годы, жизнь». После выступления Хрущева аппарат немедленно исключил Эренбурга из общественной жизни СССР, и он, с лету вышибленный из привычной работы, пребывал в состоянии подавленном. В марте почта писателя была забита письмами поддержки и сочувствия, как дипломатичными, так и абсолютно откровенными (за 10 лет после смерти Сталина страх многих отпустил). Письма Каплана в этой почте не было. Выразить прямо свое отношение к происшедшему он боялся, думаю, по двум причинам – опасаясь повредить и себе, и Эренбургу (в перлюстрации эренбурговской почты сомневаться не приходилось). Каплан написал оказавшемуся в опале писателю через полтора месяца после разгромной речи в Кремле (до снятия опалы – оно произошло после личной встречи Эренбурга с Хрущевым в августе 1963-го – оставалось еще больше трех месяцев, но тогда этого никто не знал). Письмо начинается с конкретного повода (посылка книги): художник деликатно дает понять, что в его отношении к суждениям и оценкам Эренбурга – независимо от политической ситуации – ничего не изменилось. Хотя Каплан и не мастер тонких намеков и тем более эзоповой речи, но в словах подчеркнутого пожелания «много-много здоровья» прочитывается понимание состояния И. Г. и несомненное человеческое участие в случившемся:

23 апреля 1963 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Сегодня отправляю Вам книгу «Искусство книги». Думаю, что она Вам понравится. Там есть статья Б.Сурица об альбоме «Заколдованный портной»¹¹³. Буду очень рад, если у Вас найдется время, чтобы прочитать ее. Желаю Вам много-много здоровья и всего наилучшего.

Ваш Каплан.

Следующее письмо написано уже в новую для Эренбурга пору (с 13 августа его вновь публикуют в советской печати):

Ленинград, 19 ноября 1963 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Нет дня, чтобы я не вспоминал Вас, а пишу очень редко, чтобы не надоедать Вам. Вчера отправил Вам бандероль – 30 автолитографий по поводу романа Шолом-Алейхема «Стемпеню»¹¹⁴.

Я сделал листов в два раза больше, но не рискнул посылать Вам все. Боюсь, что и эти листы не понравятся Вам. Буду Вам очень благодарен, если Вы напишете несколько слов об этой последней работе. Ведь Ваши слова всегда меня настраивают на дальнейшие искания. В этой работе я очень сомневаюсь.

Пожалуйста, Илья Григорьевич, выберите время и напишите мне, хотя бы коротко.

Для Эсторика давно ничего не делаю. Последняя работа (Заколдованный портной 2-я серия) напечатана и готова к отправке в Лондон, по «команде» Серова¹¹⁵ остались лежать на складе издательства. Здесь, в союзе художников, меня тоже не очень жалуют. Я и пошел на пенсию.

Буду работать темперой.

Все лето жил в деревне, недалеко от Ленинграда. Там было много неба, лес и вода. Часто давал себе слово бросить Стемпеню и работать с натуры цветом. К сожалению, верх взяла литография. Но теперь я ее наверное брошу надолго.

О результатах в живописи я Вам обязательно напишу.

Извините меня за большое письмо.

Уважаемой Любови Михайловне посылаю сердечный привет и наилучшие пожелания.

Ваш Каплан.

P. S. Не помню, посылал ли я Вам 6 листов «Песнь песней» и 12 листов еврейской народной песни?

В декабре 1963 года после года проволочек и сопротивления цензуры подписали к печати второй том мемуаров Эренбурга^[16]. Книгу тотчас же смели с прилавков. По просьбе Каплана писатель отправил ему экземпляр.

Ленинград, 12 декабря 1964 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Дай Б-г Вам много здоровья, чтобы Вы могли продолжать свои великолепные мемуары.

Я вторично прочел третью и четвертую книги «Люди, годы, жизнь».

Огромное Вам спасибо за ту большую радость, которую Вы приносите людям своими замечательными произведениями.

Я счастлив, что смог доставить Вам хотя бы маленькие удовольствия своими картинками.

Крепко обнимаю Вас и желаю Вам и дорогой Любове Михайловне всего-всего наилучшего.

Большое Вам спасибо за все доброе, которое Вы сделали для меня и моих работ.

Всегда Ваш Каплан.

Летом 1965 года Каплан тоже смог послать свою книгу Эренбургу – вышедший, кажется, в Италии (в РГАЛИ сохранился только листок с автографом^[17]) альбом:

Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу

Ваш Анатолий Львович Каплан.

Ленинград, июль 1965.

Год для Каплана был удачным еще и потому, что удалось существенно улучшить жилищные условия – теперь он жил в хорошей квартире добротного лидвалевского дома на углу улицы Желябова (ныне снова Большая Конюшенная) возле Невского...

1966–1967 годы – период сравнительно активного, делового общения Каплана и Эренбурга.

Вторник, 19 июля 1966 года

Дорогой Илья Григорьевич!

Слава Б-гу, что Вы здоровы, относительно, и плодотворно работаете. Я все время думаю о Вас и всегда желаю Вам от всего сердца много здоровья и счастья.

Делаю новую серию литографий на мотивы рассказа Менделе-Мойхер-Сфорим «Фишка хромой». С удовольствием пошлю Вам более удачные листы.

Со Стемпеню я покончил. Получилось около ста листов (более половины плохих).

Живу неплохо. Мастерская светлая и квартира очень хорошая, большая и удобная. Теперь бы больше работать красками.

Пишу натюрморты, но мало.

В мае месяце я оставил Вам несколько литографий. Буду бесконечно рад, если они понравятся.

Желаю Вам и Любви Михайловне всего наилучшего.

Ваш Анатолий Львович.

Отсутствовавший в Москве Эренбург ответил не сразу:

Москва, 16 августа 1966 года.

Дорогой Анатолий Львович!

Простите, что до сих пор не поблагодарил Вас за последние литографии – я дважды уезжал за это время. Они мне очень понравились. Очень рад, что у Вас хорошие условия для работы.

И Любовь Михайловна и я желаем Вам всего доброго.

Ваш И. Эренбург.

Ответ Каплана не заставил себя ждать:

Ленинград, 29 августа 1966 года.

Дорогой Илья Григорьевич!

У меня большой праздник, когда получил Ваше письмо. Спасибо. Я очень рад, что Вам понравились мои последние литографии – это обязывает меня еще усерднее трудиться. Я работаю и все время помню, что Ваше предисловие к каталогу выставки сыграло решающую роль в деле издания моих альбомов литографий. Недаром мои товарищи говорили мне, «что путевку в жизнь тебе дал Илья Эренбург». Огромное спасибо Вам.

Дорогой Илья Григорьевич!

Я хочу предложить Вам – «Обществу СССР – Франция» сто или двести моих литографий разных сюжетов для выставки в некоторых городах Франции (пейзажи Л<енингра>да, листы к произв<едениям> Ш<олом>-Ал<ейхема> и на мотивы песен и народных сказок [цветные литографии]).

Если Вы найдете мое предложение реальным, то я листы привезу в Москву.

Крепко обнимаю Вас и желаю Вам много здоровья и всего-всего доброго.

Искренний привет Любови Михайловне.

Ваш Каплан.

Эта переписка демонстрирует эренбургское умение, не провоцируя своей поддержкой отказ властей, добиваться необходимого. Поскольку чиновникам из ЦК отказать в просьбе западным, причем «нужным» СССР, деятелям было заметно труднее, нежели советским, Эренбург неизменно использовал соответствующие обращения своих западных друзей в качестве решающего аргумента «за» для аппарата ЦК.

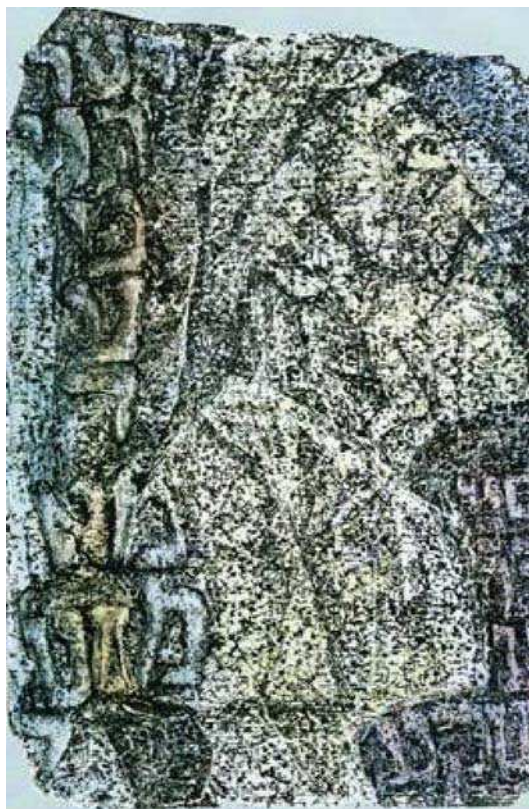
Москва, 29 октября 1966 года

Дорогой Анатолий Львович, я думал о Вашем предложении передать через общество «СССР – Франция» литографии для выставки во Франции, и мне кажется, что лучше всего будет, если Вы лично напишете президенту общества «Франция – СССР» Андре Блюмелю о такой возможности. После получения согласия с его стороны у общества (нашего) будет основание переслать Ваши литографии.

Желаю Вам успеха.

Ваш И. Эренбург

К ответу был приложен адрес общества «Франция – СССР. Надо ли говорить, что план Эренбурга сработал точно и, хотя объем выставки сократили, главное – она состоялась.

«Файвуш – красный дьявол».

Фрагмент цветной литографии к повести Менделе Мойхер-Сфорима «Фишка Хромой».

Ленинград, 28 декабря 1966 года

Дорогие Любовь Михайловна и Илья Григорьевич!

Поздравляю Вас с новым годом! Дай Б-г Вам много-много здоровья, долгих лет бодрой жизни и больших радостей.

Искренне Ваш Анатолий Львович¹¹⁸.

Следующее письмо Каплан отправил Н.И. Столяровой:

Ленинград, 2 июня 1967 года

Дорогая Наталия Ивановна!

Из-за плохого распределения своего времени я не мог побывать у Вас, прочитать прилагаемое письмо¹¹⁹ и передать Вам две литографии «Пейзажи Ленинграда».

Последнее я сделаю, когда буду в Москве, а что касается письма, хочу просить Вас показать его Илье Григорьевичу (когда он будет в Москве) и спросить его совета.

Когда и куда я должен доставить 40–50 литографий для предполагаемой выставки в Париже по линии общества «Франция – СССР»?

Работы отберу тщательно, согласуя их с представителями общества «СССР – Франция».

Жду вашего ответа.

Желаю Вам много здоровья

Ваш Анатолий Львович¹²⁰.

Письмо Андре Блюмеля с просьбой прислать во Францию работы Каплана было передано Эренбургу, и он воспользовался им, чтобы представить вопрос о выставке как дело решенное. Соответствующее указание (кажущееся лишь намеком) было направлено ответственному функционеру общества «СССР – Франция» В.С. Володину:

Москва, 22 июня 1967 года

Дорогой Виктор Степанович, ленинградский художник Анатолий Каплан переслал мне прилагаемое письмо Блюмеля. Мне кажется, что выставка, которую предлагает Блюмель, может быть очень полезной.

Каплан спрашивает, когда и куда ему доставить литографии для этой выставки. Адрес Анатолия Львовича – Ленинград Д-88, Вольнский пер. 4 кв. 36.

Прошу Вас позвонить мне.

Всего доброго И. Эренбург^[21].

Одновременно Н.И. Столярова информирует о ходе дела художника:

Москва, 22 июня 1967 года

Уважаемый Анатолий Львович,

И.Г.<Эренбург> переслал письмо Блюмеля Володину в общество дружбы «СССР – Франция», написав ему, что считает такую выставку желательной. Он просил его сообщить Вам, когда и куда надо направлять Ваши работы. Если И.Г. узнает что-либо раньше, он напишет Вам.

Всего Вам доброго.

Но Эренбург написать Каплану не смог – 31 августа его не стало.

Последняя телеграмма Каплана, хранящаяся в архиве Эренбурга, не нуждается в комментариях:

Дорогая Любовь Михайловна скорблю вместе с Вами и разделяю Ваше горе по случаю смерти дорогого всем нам Ильи Григорьевича – всегда Ваш Анатолий Каплан^[22].

^[1] Все письма публикуются с сохранением пунктуации оригиналов. – Ред.

^[2] Н.И. Альтман (1889–1970) – знаменитый художник, парижский приятель Эренбурга, оформивший несколько его книг в 1920-х годах.

^[3] Эти иллюстрации Каплана к повести В.Г. Короленко не изданы.

^[4] А.П. Чехов. Человек в фуляре. В иллюстрациях художника А.Л. Каплана. Издание Ленинградского отделения Художественного фонда СССР. Л., 1947.

^[5] Цикл цветных литографий был выпущен тиражом 125 экз. издательством «Художник РСФСР» в 1962 году.

^[6] Альбом литографий А. Каплана «Тевье-молочник». Л.: Художник РСФСР, 1961.

^[7] И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книги первая и вторая. М., 1961.

^[8] Цикл цветных литографий был выпущен тиражом 125 экз. издательством «Художник РСФСР» в 1962 году.

^[9] Kaplan. The World of Sholem Aleichem and other scenes, tales and songs of Russian provincial life. London, 1961.

^[10] М.К. Аникушин (1917–1997) – ленинградский скульптор, удостоенный в 1958 году Ленинской премии за памятник Пушкину в Ленинграде; с его избранием Каплан, по-видимому, связывал надежды на улучшение своего положения в Союзе художников.

^[11] Н.И. Столярова (1912–1984) – секретарь Эренбурга, переводчица с французского; во время названного визита Эренбурга не было в Москве.

^[12] И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книги первая и вторая. М., 1961.

^[13] Б. Сурис. «Заколдованный портной»: Шолом-Алейхем и Каплан // Искусство книги. Выпуск третий. 1958–1960. М., 1962. Б.Д. Сурис – искусствовед, друг Каплана, главный редактор ленинградского издательства «Художник РСФСР», в котором в 1972 году вышла его иллюстрированная монография «Анатолий Львович Каплан».

^[14] Цикл черно-белых литографий был тиражирован Комбинатом графического искусства Ленинградского отделения Художественного фонда РСФСР тиражом 125 экз. в 1967 году.

^[15] Владимир Александрович Серов (1910–1968) – с 1962 года президент Академии художеств СССР, автор заурядных полотен на историко-революционную тему, яростный противник всего нового в искусстве.

^[16] И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книги третья и четвертая. М., 1963.

^[17] РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1651. Л. 30.

козочек. ^[18] Это поздравление написано на каплановском рисуночке, изображающем двух бодающихся

^[19] Речь идет о письме Андре Блюмеля Каплану.

^[20] РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 3788. Л. 1–2.

^[21] РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1181. Л. 20.

^[22] РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 3824. Л. 27.

ИМПЕРСКИЙ НАРОД

Éáí éä Däæöíáñéé

Самый популярный в России политический разговор – про «империю». Это слово буквально как моль сожрало десятки других, вчера еще достаточно популярных слов – «республика», «правовое государство», «демократия» и т. д. Сейчас всех их переварила Империя – пока еще только в вербальном плане.

Весьма любопытный вопрос – отношение евреев к этой идее, идее возрождения Российской империи.

У евреев никогда не было «своей» Империи, но они, конечно же, имперский народ.

Евреи «имперский» народ в той же мере, в какой «столичный» народ. Известно, что во всех странах диаспоры евреи всегда, почти физически, как растение к свету, тянулись в столицу, их процент среди жителей столиц (будь то Лондон, Париж, Берлин, Москва или Нью-Йорк) всегда в десятки раз превышал долю евреев во всем населении, тем более в провинциальном населении.

Ясно, что у этого явления – масса причин. Но одна из них та, что евреев тянет в космополитические города (а это всегда прежде всего столицы), – может быть, из чувства самосохранения, ведь там они всего лишь одна из многих национальных групп, не торчат у «коренного населения» как бельмо на глазу. Примерно по тем же мотивам евреи комфортабельнее чувствуют себя в космополитических империях, чем в мононациональных государствах. Во всяком случае, они, как правило, оппоненты этнических националистов, в которых они подозревают более или менее ярких антисемитов (и, как водится, не слишком ошибаются в своих предположениях). Евреям дискомфортно в жестко-мононациональной среде, городе, стране (правда, сейчас таких стран почти и нет). Поэтому евреи такие патриоты США. Поэтому евреи были среди самых активных строителей Советского Союза. Кстати, одним из последних талантливых «имперских поэтов» в СССР был Бродский, продолжавший в этом отношении традиции Пушкина – «певца Империи и Свободы».

Есть евреи и среди «новых русских империалистов» – начиная с Жириновского, который, кстати, может считаться «отцом имперского дискурса», ведь он еще в начале 1990-х заливался соловьем насчет необходимости создания Империи. Другой «аид империалист» – Михаил Леонтьев. Можно назвать еще несколько человек, среди них, например, Примакова – осторожный ветеран не высказывается прямо в пользу Империи, считается символом Советского империализма.

Тем не менее в большинстве своем оставшаяся в России еврейская интеллигенция без всякого энтузиазма, а, наоборот, со страхом и недоверием относится к новому «имперскому» стилю. Среди немногочисленных критиков Империи, еще решающихся открывать рот, чуть ли не большинство составляют евреи.

Попробую пояснить их мотивы – тем более сам один из них.

Ответ прост: евреи не против Империи. Им не нравится: а) цена, которую за это предлагают заплатить, и б) смысл, который в России в это слово вкладывают.

Цена состоит в том, чтобы еще «усилить Государство» за счет нового сжатия оставшихся социальных (о политических и речи нет) свобод – уменьшить огрызки свободы слова, влезть в свободу частной жизни, предпринимательства и т. д.

Я уж не говорю о возможности опасных военных авантур «по пути в Империю», («вернем Крым»), о которых то прямо говорят «певцы Империи», то косвенно на это намекают.

Понятно, что более или менее либеральным – просто вменяемым – людям такая цена кажется, мягко говоря, «чрезмерной».

Теперь: какой же товар предлагается за эту цену?

Удивительным образом, речь идет не о большом открытом государстве (что, в общем-то, сразу приходит в голову при слове «империя»), а о какой-то закрытой стране «полутюремного типа» – недаром все время канючат про «сталинскую империю». Ну и вполне понятно, что в такой затхлой Империи почти неизбежен антисемитизм – может быть, не сталинского пошиба, но в XXI веке любой антисемитизм не может восприниматься иначе как позорный, отвратительный бред.

Именно такую Империю – глубоко провинциальную, закупоренную, варящуюся в своем соку и злобно-испуганно ошестинившуюся против всего мира – рисуют и Жириновский, и Проханов, и другие «графоманы Империи».

Вот уж тут истинно: «Если выпало в Империи родиться, / Лучше жить в глухой провинции, у моря», как писал про родную ленинградскую провинцию Бродский...

Впрочем, думаю, что если дело и впрямь дойдет до реального строительства такой Империи, то большинство евреев просто эмигрируют и история евреев России закончится еще быстрее, чем можно было бы ожидать «от естественных причин».

И последнее. Вот сегодня в России Москва, отчасти Петербург – это и есть «осколки Империи», космополитичные и открытые города. Поэтому в них и живут почти все евреи России, удовлетворяя тем самым свои «имперские инстинкты».

«ВОЛШЕБНАЯ» СИЛА ПРОПАГАНДЫ

Аידען עײַ

В России и власть, и оппозиция, и даже религиозные деятели (независимо от конфессиональной принадлежности) верят в безграничные возможности пропаганды. Считают, что контроль над СМИ непременно обеспечит контроль над обществом, будь то политический или нравственный. Вот если показывать по ТВ исключительно успехи правительства, то народ будет послушно отдавать ему свои голоса на выборах, не замечая недостатков оногo. А если убрать с экранов, в том числе и компьютерных, а также с газетных и журнальных страниц порнографию, насилие и всякие националистические и атеистические призывы, то в стране настанет расцвет толерантности и духовности. Так вот: не наступит. И уровень антисемитизма зависит вовсе не от тиража антисемитских изданий.

Начнем с нашего недавнего исторического прошлого. Вспомним конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века. К власти в России рвался Борис Ельцин. А все СМИ контролировал Михаил Горбачев. И надо заметить, что СМИ в ту пору глумились над Борисом Николаевичем по полной программе. Били и плакать не давали. И при этом воспевали мудрое руководство лично М.С. Горбачева и его «ленинского ЦК КПСС». Финал известен: Ельцин обошелся и без доступа к ТВ, и без газет, в ту пору выходявших миллионными тиражами. Ельцину хватило листовок. Их печатали на машинках (компьютеры были редкостью) и размножали на маленьких ксероксах. И расклеивали по городу. Этого было достаточно, чтобы выводить на Манежную площадь в Москве от 800 тысяч до миллиона демонстрантов. Демонстрации, кстати, тоже были запрещены. Но оппозиционеры называли свои акции встречами с народными депутатами и устраивали их под открытым небом. Власти не мешали, и вовсе не от того, что никак не могли придумать красивый юридический ответ. Когда встретиться со своими избранниками приходило такое количество людей, ОМОН просто отходил в сторону.

А откуда бралось столько желающих принять участие в «маршах несогласных»? Да из магазинов, где сначала за водкой, потом за табаком, а потом и за всем остальным выстраивались гигантские хвосты. В стране стало почти нечего кушать и носить. Сознание людей определяло бытие, а не телесюжеты про таинственные «закрома родины», куда все складывалось и ничего не появлялось.

Победу Ельцина на президентских выборах 1996 года и те, кто ее ковал (бывшие медиамагнаты), и те, кто ему проиграл (КПРФ), объясняют наглыми пропагандистскими кампаниями «Голосуй, а то проиграешь» и «Голосуй сердцем». Ведь рейтинг первого президента России к 1996 году невозможно было разглядеть! На самом деле, ругать власть и менять ее – разные вещи. Сломав систему в 1991-м, граждане решили впредь не рисковать. Им быстро надоело жить в эпоху перемен. Пусть уж лучше Ельцин. Принюхались уже. Вроде и не пахнет. Именно по такому же принципу голосовали и за преемника в 1999-м. Думали, что все будет как при дедушке – на то и преемник. Тем более и дедушка обещал. Мол, проверил, мин нет.

Околокремлевские политологи, объясняя преимущества цензуры в СМИ, твердят, что жесткая линия позволила новой власти выиграть войну в Чечне. Дескать,

первую кампанию проиграли не на фронте, а на телевидении, которое без устали показывало страдающих мирных чеченцев и отрезанные головы российских солдат. А вот уже вторая война получила «правильное освещение», и победа пришла. Политологов понять можно. Ведь это же они «грамотно организывают информационные войны». И доказывая их эффективность, просто рекламируют свой товар. Зарабатывают ребята себе на жизнь. Степень их квалификации лучше всего демонстрируют их прогнозы. Вот когда Путин отправил в отставку правительство Фрадкова, абсолютное большинство «штатных» в премьеры «выдвинуло» Сергея Иванова. А через несколько часов кряхтя обосновывали кадровую загогулину – Зубкова.

Войну в Чечне выиграли не телеканалы. Российское общество во время первой войны в Чечне вовсе не сочувствовало несчастным жителям республики. Россияне занимались своими делами, и на Чечню им было плевать. И даже гибель своих солдат тоже не сильно беспокоила. Ведь не в каждый дом приходила похоронка. Так что никакого массового антивоенного движения не было.

Вторую войну проиграли сами чеченские террористы, когда стали взрывать в Москве жилые дома и вагоны метро, захватывать заложников не на окраинах страны, а в центре столицы. Вот тогда и поднялась «дубина народного гнева». Понятно, террористы рассчитывали, что она сметет власть, неспособную предотвратить убийства. Но Россия – не Испания, где несколькими бомбами «Аль-Каида» так напугала обывателей, что они быстренько сменили правительство и вывели свои войска из Ирака.

Напуганные россияне хотели, чтобы гадов уничтожили. Любой ценой. То есть опять бытие определило сознание.

Ну а теперь поговорим об антисемитизме. Почему, несмотря на все усилия десятков депутатов, десятков газет, бесчисленного множества сайтов и брошюр, антисемитизм так и не стал сколько-нибудь заметным явлением в жизни страны? Не только в политике, но и на бытовом уровне он не сильно заметен. Тогда как антикавказские настроения, антитаджикские и антиузбекские расцвели пышным цветом.

Опять-таки – бытие. Чем занималось большинство евреев в XIX веке, когда они становились жертвами погромов? Розничной торговлей. И ужасно раздражали население. Торговля обывателю всегда казалась делом непыльным и прибыльным. Так что зависть – первый раздражитель. Второй – цены ведь всегда растут быстрее зарплат. Что сто лет назад, что сейчас. И где об этой неприятности узнают люди? В лавке. Тогда в еврейской лавке. Добавьте к этому чужой для глаза облик, одежду, непонятный язык, иную веру и стремление жить компактно, общиной. Русские евреи ныне торговлей не промышляют, живут кто где, характерную одежду носят очень немногие, а идиш забыли почти все и говорят по-русски. В синагоги ходят немногие и нечасто.

Теперь торговлей в России преимущественно занимаются кавказцы. Они же выделяются и внешне. И говорят на своих языках. И селятся вместе. Опять же – иноверцы. Словом, кавказцы заняли нишу, принадлежавшую в прошлом столетии евреям. И антипатии к чужеродным торговцам тоже достались джигитам. Бытие. Быт.

Советский бытовой антисемитизм подпитывался и присутствием евреев в органах власти, в том числе и в карательных. Но теперь встретить еврея-чекиста или еврея-милиционера совсем не просто.

Евреи попадают в списках российских магнатов, миллиардеров. Ну да рядового человека нефтяные скважины не слишком интересуют. Ну, был бы не Абрамович, а Сидоров, что это изменило бы в жизни Сидорова из Черемушек? Ровным счетом ничего. И дело «ЮКОСа» это наглядно продемонстрировало. Деньги, отнятые у еврея Ходорковского, простых граждан богаче не сделали. Даже по 100 долларов никому не дали.

Ну а про попытки «раскрыть тайные еврейские фамилии» некоторых влиятельных российских политиков и вспоминать смешно. Массы народные не поверили в Ельцина-Эльцина. Затея оказалась совершенно пустой. Трюк с ложью, которая, чтобы стать правдоподобной, должна быть колоссальной, не сработал.

Канули в небытие и политические организации, чьей идеологической платформой был антисемитизм. Кто теперь вспоминает об обществе «Память» и его лидере Дмитрие Васильеве, тихо скончавшемся в июле 2003 года? Можно вспомнить и других, но какой смысл?

Религиозный антисемитизм в Русской православной церкви стал маргинальным течением.

Может ли ситуация измениться? Может, но, полагаю, даже мерзкого кровавого навета, растиражированного в СМИ, для этого окажется недостаточно. Для этого сами евреи должны постараться. Заняться раздражающей общество деятельностью. Скажем, отправиться служить в ГИБДД. Причем не в индивидуальном порядке, а записываться туда целыми общинами. Организовать какой-нибудь еврейский спецбатальон ДПС.

Ясно, что и крах крупного банка, принадлежащего еврею, ничем хорошим не обернется. Но все это не может иметь отношения к пропаганде.

Все вышесказанное, разумеется, никоим образом не означает, что евреи сами виноваты в антисемитизме, а кавказцы – в ненависти к ним. Цены на продукты поднимаются вне зависимости от того, кому принадлежит магазин – еврею, русскому или азербайджанцу и т. д. И быть непохожим на представителей титульной нации тоже не грех. Как и общаться с соплеменниками на своем языке. Просто надо отдавать себе отчет в том, какую реакцию все это вызывает. И делать выбор. И понимать, что сама по себе пропаганда бессильна. Сама по себе она не в состоянии ни создавать, ни разрушать.

У специалистов по рекламе есть такое понятие – «правда продукта». То есть мыло, показанное в ролике, должно и в самом деле мылиться. Иначе реклама не работает.

Читатели старшего поколения наверняка помнят телесериал «Следствие ведут знатоки». Он шел в 1970–1980-х годах и пользовался огромной популярностью в СССР. Но мало кто знает, что в конце 1960-х министр внутренних дел Николай Щелоков провел громадную чистку милицейского аппарата. На офицерские должности стали брать исключительно людей с высшим образованием, а поскольку высших школ милиции было всего несколько в стране, то в органы стали набирать романтиков уголовного сыска из числа выпускников гражданских вузов. А это совсем иное воспитание, не казарменное. Поэтому, зайдя в отделение милиции, советский человек зачастую натыкался на прототип вполне интеллигентного следователя Пал Палыча Знаменского. Не кино создавало репутацию благородным инспекторам уголовного розыска. Оно лишь придавало профессии дополнительный блеск. Сейчас тоже снимается немало сериалов о сыщиках. Разнообразные «менты» кочуют с одного телеканала на другой, бегая по «улицам разбитых фонарей». Ну и как, выросло уважение сограждан к блюстителям порядка? Нет, это сериальное «мыло» не мылится. Социологические опросы упорно фиксируют: более 60% граждан боятся произвола со стороны милиционеров. Не помогла волшебная сила искусства.

ОБАМА, ЕВРЕИ И АФРОАМЕРИКА

Yäááä I èòíáóóä

28 августа 2008 года съезд Демократической партии США в Денвере, штат Колорадо, утвердил наконец своих кандидатов к предстоящим 4 ноября в США президентским выборам. После многомесячных праймериз (первичных выборов), на которых соревновались два первоначальных партийных кандидата, съезд избрал кандидатом на пост президента США сенатора Барака Обаму, 47 лет, а на пост вице-президента – сенатора Джозефа Байдена, 65 лет.

За время праймериз корреспонденты и обозреватели центральных российских газет не раз обескураживали читателя резко противоположными характеристиками взглядов и достоинств одного из двух официальных кандидатов в президенты. Амплитуда оценок ими Барака Обамы колебалась от сравнительно объективных до злобных и бранных типа «обабамились», «дилетант и демагог, откровенно не готовый быть лидером сверхдержавы», из которого лепят «чернокожего князя на белом коне».

Что же все-таки представляет собой единственный чернокожий сенатор Б. Обама, имени которого еще пять лет назад не знало большинство американцев, а мир узнал только теперь? Тем более что в сообщениях наших СМИ о нем было немало путаницы.

Родился он в 1961 году на Гавайях. Отец его – Барак Хусейн Обама, африканец из Кении, добившийся по окончании католической школы стипендии и направления в американский Гавайский университет. Там он познакомился с белой американкой из Канзаса Энн Дэнхем, женился на ней, а своего сына они также назвали Бараком. Но брак вскоре распался, отец вернулся в Кению, где, став видным правительственным чиновником, позже погиб в автокатастрофе, мать же с двухлетним сыном переехала в Индонезию, а затем вернулась в США. Поэтому мальчика с самого раннего детства воспитывали американцы – мать и ее родители: дед Стэнли Дэнхем, менеджер в мебельном бизнесе и поэт-любитель, и бабушка Мэделин, банковская служащая.

Детство и юность Барака пришлось на годы массового движения темнокожего населения за гражданские права и прошли под влиянием духовных ценностей матери, этнографа по образованию, – идей расовой толерантности и гражданского равенства. Уже в те годы он познакомился с произведениями писателей-афроамериканцев: Д. Болдуина, Р. Эллисона, У. Дюбуа, Л. Хьюза, Р. Райта. «Я помню, – писал он, – политических героев, подобных Мартину Лютеру Кингу, конгрессмену Джону Льюису, президенту Линкольну. Это лидеры, которые вдохновляют и дают тем из нас, кому служат примером, чувство надежды».

По окончании средней школы в 1979 году Барак продолжил свое образование в Западном колледже в Лос-Анджелесе, а затем на юридическом факультете Колумбийского университета в Нью-Йорке. С успехом окончив его, Обама получил лестное для темнокожего выпускника предложение работы в штате Верховного суда США. Однако молодой юрист отказался от него и в последующие полтора десятка лет проработал организатором и одним из руководителей населения крупнейшего черного гетто Чикаго – Саут-Сайда.

В 1990-х, покинув на время Чикаго ради аспирантуры в Гарвардском университете, Обама вскоре оказался там первым темнокожим аспирантом, избранным главным редактором престижного журнала Юридической школы Гарварда «Law Review». В 2000 году он вернулся к своей работе в Саут-Сайде, где, по словам его биографа, «выделялся своей светлого оттенка темноватой кожей, дипломами Колумбийского университета и Юридической школы Гарварда и двухрасовым, не запятнанным клеймом рабства происхождением. Темнокожие жители Чикаго его полюбили, а белые – уважали». В 2004 году Обама был избран в сенат от штата Иллинойс, а в 2007 году выдвинут одним из кандидатов в президенты США от Демократической партии на выборах 2008 года.

Жена Обамы, Мишель, дочь оператора водозаборной станции, окончив университет, была единственной темнокожей сотрудницей юридической фирмы. У них две дочери – 10 и 7 лет. Его дед в Кении перешел в христианство, отец стал католиком, а сам он с женой – прихожане баптистской Объединенной церкви Христа.

Увлечением Обамы с юности был баскетбол, и поныне он нередко отдает дань этому спорту. Большой поклонник джаза, не чурается он и музыкальной классики. Им написаны две книги: «Мечты моего отца», мемуарного жанра (1995), и «Смелость надежды» (2006) – его взгляд на политическую историю США последних 50 лет.

Характеризуя его как политика, наблюдавший за ним однажды в Москве и слушавший его на праймериз в Америке российский журналист писал, что Обама – «лидер безусловно харизматический, настоящий политик, как говорится, “до мозга костей”, не лишенный актерского дара... Сильное впечатление производит быстро

реакции Обамы – он, что называется, умеет думать “с колес”, быстро и точно реагирует на критику».

Праймериз 2008 года не обошлись без обычного черного пиара. Война компроматов против Обамы развернулась его конкурентами как из стана республиканцев, так и со стороны советников Х. Клинтон. Сначала его обвинили в принятии взносов в избирательную кампанию от крайне левых группировок, затем обнаружили в его речах «марксистскую лексику» и заподозрили в симпатиях к коммунизму. В то же время в СМИ появились утверждения, будто полное имя Барак Хусейн доказывает, что Обама – мусульманин и тайно симпатизирует боевикам из «Аль-Каиды». Об этом же якобы свидетельствует и фото его в белом тюрбане при встрече с бабушкой в Кении в 2006 году.

Наконец, среди темнокожего населения стали распространяться слухи о том, что, поскольку Обама не потомок привезенных в Америку черных рабов, ему чужды интересы и чувства афроамериканцев, и поэтому он ведет себя и говорит как белый человек. Не случайно, выступая в Атланте, штат Джорджия, перед прихожанами знаменитой церкви Мартина Лютера Кинга, Обама счел необходимым упрекнуть темнокожих американцев «за скрытый антисемитизм», а в штате Миссисипи напомнить им, что здесь их деды в 1960-х годах совместно с евреями боролись за равные гражданские права.

Однако бывало, что и сам он давал пищу для появления самых противоречивых заключений и сообщений в СМИ. Так, выступая в штате Айова, он, игнорируя постоянные ракетные обстрелы населения Израйля палестинцами, назвал последних «самым угнетенным народом на земле». Из этого следовало, что угнетали его евреи. Такое заявление было с шумным одобрением встречено лидерами «Хамас» и «Хизбаллы». Однако оно вызвало конфликт внутри Демократической партии и серьезные опасения среди американских евреев и в Израиле.

Представителям штаба Обамы пришлось объяснять, что его «не так поняли», а самому ему вплоть до конца праймериз не раз оправдываться, заявляя о своей поддержке права Израйля на самооборону от терроризма (и даже звонить об этом по телефону тогдашнему израильскому министру иностранных дел Ципи Ливни) и о том, что считает обеспечение безопасности Израйля одной из первоочередных задач США.

Опросы, проводившиеся Институтом Гэллапа, журналом «Newsweek» и другими, показали, что на праймериз Демократической партии за Х. Клинтон среди евреев голосовали в основном люди среднего и пожилого возраста, а еврейская молодежь – за Обаму. В целом же будущий кандидат демократов в президенты США смог бы рассчитывать почти на 2/3 голосов американских евреев и прежде всего – на поддержку со стороны левых журналистов, левой профессуры, левых общественных деятелей, части звезд Голливуда и таких спонсоров, как Джордж Сорос и Пенни Прицкер.

Между тем, выступив 4 июня с очередным заявлением о поддержке Израйля, Обама допустил в нем политический промах, сообщив о своей позиции в пользу единого и неделимого Иерусалима. В Израиле это было воспринято как настолько грубое преувеличение степени поддержки подобного рода, что посеяло серьезные сомнения по поводу того, насколько «правильные» слова и обещания сенатора от Иллинойса будут соответствовать его делам, если он станет президентом. В частности, не окажется ли Обама недостаточно жесток с Ираном, не потребует ли он от Израйля новых уступок палестинцам и не изменит ли тональность стратегических отношений между Израилем и

США. Израильский МИД организовал в этой связи даже официальное совещание с приглашением внешних экспертов.

Неудивительно поэтому, что некоторые американские, израильские и российские обозреватели и политологи полагали, что в погоне за взносами еврейских спонсоров и голосами еврейских избирателей в Америке Обама всячески, временами даже перебарщивая, заискивал перед произраильским лобби в США и руководством Израиля.

Сознание утвержденного съездом в Денвере впервые в истории США кандидатом на пост президента США темнокожего сенатора от Иллинойса свободно от «генетического» наследия рабства, и сам он говорит о себе как о «человеке вне расовых рамок». Но в то же время он констатирует, что «корни непростых отношений между черными и белыми американцами зиждутся на расовой почве и США не могут позволить себе игнорировать эти проблемы».

Как известно, уже в эпоху рабства у двух-трех поколений негров и мулатов, родившихся в США, не могло не возникнуть чувства двойственной самоидентификации. Разочарование их в результатах американской революции конца XVIII века, сохранившей рабство в южных штатах, привело к появлению первых негритянских институтов и движений, носивших явно выраженный сепаратистский характер. Однако преобладающей тогда была тенденция к интеграции с белыми американцами, достигшая своей кульминации в годы покончившей с рабством Гражданской войны и радикальной Реконструкции Юга, давшей неграм гражданские права и возможность на равной основе участвовать в общественной и политической жизни.

Мнения американских социологов, экономистов, политологов, общественных деятелей по вопросу о том, «лучше» или «хуже» стали жить афроамериканцы и можно ли

говорить о прогрессе в их положении за последнюю треть XX века, разделились. Одна группа авторов (как черных, так и белых) считает, что нельзя, тогда как другая полагает, что можно, ибо с институциональным расизмом и правовой расовой дискриминацией темнокожих в США покончено, появился крупный темнокожий средний класс, вырос значительный слой темнокожей интеллигенции. Скорее всего, спор этот еще будет продолжаться, ибо нельзя измерить прогресс экономической и социальной статистикой.

Однако, на наш взгляд «со стороны», представляется, что со времени принятия законодательства о гражданских правах в США наблюдается несомненный прогресс как в реализации этих прав афроамериканцами, преодолевшими за это время большой психологический барьер, так и в межрасовых отношениях. И если в СССР известная концепция брежневской эпохи о якобы монолитности «многонационального советского народа» так и не выдержала проверки практикой, а обещанный в годы перестройки съезд КПСС, посвященный национальному вопросу, так и не состоялся, то «мозговые центры» корпоративной элиты США и ее вашингтонских администраций, улавливая и анализируя изменения в сфере межрасовых отношений в своей стране, в определенной мере стремились корректировать и менять свою политику в этой сфере.

Пожалуй, впервые за последние сто лет США добились реальных успехов в решении одной из острейших проблем своей истории – расовой проблемы. Тем не менее расистского типа мифы и предрассудки еще живут в сознании либо в подсознании значительной части белых американцев. И ясно, что афроамериканцам предстоит пройти еще весьма длительный и трудный путь, прежде чем они добьются фактического равенства со своими белыми согражданами на основе действительно полной интеграции с американским обществом.

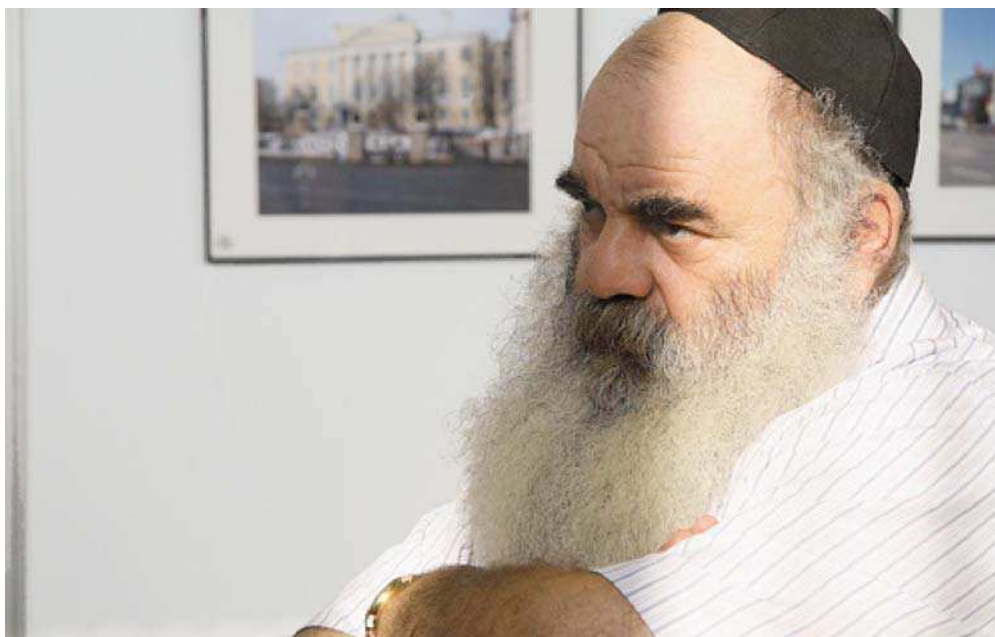
ИСКУССТВО СТРОИТЬ МОСТЫ

Издательству «Мосты культуры/Гешарим» – 18 лет

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ, עַל דְּוֵי אֲבֹתֵינוּ אֵל

«До этого графа подлинного мужика в литературе не было», – по преданию сказал однажды Владимир Ильич Алексей Максимычу. Имея в виду, понятное дело, Льва Николаевича.

Точно так же не было подлинного еврея на российском (тогда еще советском) книжном рынке, до того как в 1990 году новый репатриант из Москвы Михаил Гринберг создал издательство «Мосты культуры/Гешарим». Собственно говоря, и с возникновением «Гешарим» (будем для краткости называть издательство так) подлинный еврей на этом самом рынке появился не сразу. Несколько лет ушло на оценку ситуации и пристрелку. Кто помнит отечественное книгоиздание того периода, тот согласится, что важную статью дохода тогдашних издателей составляли всевозможные репринты хорошо – и, казалось, навсегда – забытого старого. Не стали исключением и «Гешарим».

Но прежде чем рассказывать об этапах большого пути, надо, пожалуй, поговорить о личности создателя и идеолога «Гешарим» Михаила Гринберга. Ибо в данном случае издатель и его детище – практически одно, и трудно понять «Гешарим» в отрыве от фигуры отца-основателя.

Пропустим уральское детство нашего героя, отметим лишь, что семья его имела мало общего с привычным образом ассимилированной еврейской ячейки многонационального советского общества. Родители Гринберга женились под хупой, в семье отмечали еврейские праздники, а дед с бабушкой соблюдали все, что положено соблюдать евреям, в их доме даже собирался миньян. Может быть, поэтому и сам Гринберг с 17 лет осознал себя не просто евреем, но евреем верующим. А осознав себя

таковым, оказался в сознательной, хотя и невольной конфронтации с системой. В 1970 году его исключили из комсомола, в 1973-м, за четыре месяца до защиты диплома, выгнали с исторического факультета Рязанского педагогического института. За серьезное, надо сказать, несоответствие моральному облику советского студента – Михаил и его жена Берта по родительскому примеру поставили хупу.

Но диплом Гринберг все же получил, поступив через полтора года после рязанской истории в Московский заочный пединститут. По окончании же решил стать... шохетом. Чтобы не было проблем с кошерным мясом. Завел несколько сотен кур, индюков, гусей, уток, сдал экзамен хабадскому раввину из Америки. А в 1981 году написал книгу... «Жизнь и деятельность епископа Андрея (князя Ухтомского)», ставшую своего рода самиздатским бестселлером. Ровно десять лет спустя издательство «Терра» выпустило ее тиражом в 50 тысяч, который разошелся с непредставимой сегодня, но естественной по тем романтическим временам скоростью.

Позволим себе лирическое отступление. Один из авторов этой статьи хорошо помнит защиту Гринбергом диссертации по этой книге – в Московском государственном открытом педагогическом институте на Таганке (ныне Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, заведение с весьма благоуханной репутацией). Стоит человек в традиционной еврейской одежде – из-под пиджака цицит выглядывают – перед залом, состоящим по преимуществу из ушедших в подполье научных коммунистов, атеистов тож, и лекторским тоном рассказывает им о разных течениях в русском православии XX века и сложных взаимоотношениях между ними. Звучат слова «старообрядчество», «обновленчество», «иосифлянство»... Как ему степень дали – до сих пор непонятно. Наверное, очень напуганы и растеряны были все эти неандертальцы в то время. Сейчас, пожалуй, могли бы и завалить – отбоялись свое, повывлезали, обозленные, из нор и опять командуют кое-где парадом.

Пик «еврейской» активности Гринберга приходится на середину 1980-х годов – тогда он восстановил малаховскую синагогу, успешно занимался поиском и реставрацией могил цадиков на пространстве от Фрунзе до Западной Украины, издал двуязычную книгу-альбом «Могилы цадиков в России». В 1988 году совершил алию. Тогда же Гринберг начал заниматься издательской деятельностью, сначала в издательстве «Шамир». Приехал на работу в Москву, стал ректором созданного им Еврейского университета. И понял, что для нормального функционирования еврейского высшего образования необходимо рывком преодолеть то отставание в русскоязычной иудаике, которое накопилось за годы советской власти. Ведь у первых студентов и преподавателей Еврейского университета не было не то что необходимых монографий, но даже элементарных учебников и учебных пособий, не говоря уже о своем периодическом органе, без чего также немислимо мало-мальски серьезное учебно-научное заведение. Так определилось одно из основных направлений деятельности возникшего незадолго до того издательства «Гешарим».

М. Гринберг, А. Гладкова (главный редактор издательства «Время»), А. Архангельский.

В конце 1992 года появился первый номер «Вестника Еврейского университета в Москве» – теперь это вполне солидный академический журнал, с устоявшейся репутацией, за 16 лет вышло уже три десятка выпусков. Начали выходить книги – о Нахманиде, о Жаботинском, воспоминания Менахема Бегина, серия «Флавиана», посвященная, соответственно, Иосифу Флавию и его эпохе. Монографии, худлит, мемуары, религиозные издания, альбомы и исследования по искусству – тематический и жанровый спектр издательской продукции с годами только расширялся. Параллельно шел процесс формирования читателя и покупателя подобной литературы – люди привыкали к мысли, что еврейская книга на русском языке вновь существует, что этим можно интересоваться, следить за новинками, спрашивать в магазинах. Сам Гринберг главной заслугой своего издательства неоднократно называл как раз создание аудитории читателей еврейской книги в России, на «русской улице» в Израиле, в других странах. Одновременно вокруг «Гешарим» возникало сообщество людей, готовых работать с еврейской книгой, – от авторов и переводчиков до верстальщиков и корректоров. В 1998 году была создана московская редакция, которую бесценно возглавляет Инна Аблина.

К концу 1990-х «Гешарим» утвердились в качестве вполне солидного интеллектуального издательства средней весовой категории, выпускавшего в среднем по 30–40 книг в год: переводы наиболее значимых трудов по иудаике, оригинальные исследования русско-еврейской истории и культуры, комментированные издания Торы, Танаха, еврейская классика, современная еврейская словесность, переводы классических произведений ивритской литературы. Эти книги оформлялись модными художниками, сотрудничавшими и с основными издательскими «монстрами». Читательская аудитория «Гешарим» росла (кстати, в значительном количестве она состояла из неевреев – еврейская тема была в центре внимания российских интеллектуалов), рос и интерес «общественности» к выпускаемым издательством книгам.

Работа «Гешарим» вкуче с общим процессом возрождения еврейской культуры в России и странах СНГ дала – не могла не дать – свои плоды. К началу нового столетия-тысячелетия рынок еврейской книги на постсоветском пространстве так разросся количественно и изменился качественно, что возникла необходимость создать специальное издание для обзора и систематизации происходящего в этой области. И символично, что решение этой задачи вновь взяли на себя «Гешарим». Так возник

«Еврейский книгоноша», первый номер которого появился в 2002 году. Он задумывался и первоначально издавался как ежеквартальник, а с некоторых пор выходит в качестве одного из разделов «Лехаима», став таким образом ежемесячником.

С развитием еврейского книгоиздания на территории бывшего СССР «Гешарим» оказались в двойственном положении. С одной стороны, стало очевидно, что дело Гринберга и Ко живет и побеждает – нормой еврейской книги стали качественная полиграфия, приличный дизайн, в последнее время даже переводчики с редакторами и комментаторами, как правило, ведут себя относительно пристойно, и уже мало кто печатно путает Иисуса Навина с его христианским тезкой. То есть еврейское книгоиздание в целом подтянулось к тому уровню, который задало издательство «Гешарим», – если не с самого начала своего существования, то по крайней мере за последние 10–15 лет.

С другой стороны, очевидно, что в этой победе, как и в любой другой, заложена крупная пораженная. «Гешарим» постепенно утрачивают свое монопольное положение в этом сегменте рынка, которое еще несколько лет назад казалось вполне прочным. На рубеже 1990–2000-х было очевидным, что если в прессе, будь то специальное рецензионное издание, интернет-СМИ или глянец, появляется рецензия на книгу еврейской тематики, то, скорее всего, речь идет о книге, выпущенной «Гешарим». Исключения были редки и случайны. Сейчас ситуация поменялась, а конкуренция значительно усилилась. И если Гринберг-просветитель накануне 18-летия своего проекта имеет все основания торжествовать, то Гринберг-издатель – едва ли.

И все-таки есть нечто, позволяющее «Гешарим» даже в этой усложнившейся ситуации оставаться лидером – и не только за счет былых заслуг, так сказать, *honoris causa*. И сейчас самое время попытаться это «нечто» выявить и обозначить словами – благо, есть и повод в виде юбилея.

В «Мире книги “Гешарим”». Иерусалим. 2007 год.

Но сначала об одном часто звучащем тезисе. Распространено мнение, которое высказывалось в том числе и печатно, что, дескать, само существование специализированных еврейских издательств в сегодняшних условиях – это явный анахронизм. В 1990-х – да, тогда еврейской темой мало кто занимался, и чисто еврейские

издательства были необходимы. Но сегодня израильская или американская еврейская беллетристика, да и нон-фикшн, связанный с иудаикой, все чаще печатаются издательствами широкого профиля, и дальнейшее развитие этой тенденции ставит под сомнение смысл существования издательств вроде «Гешарим».

На поверхностный взгляд, своя правота в таком подходе присутствует. Но, увы, лишь на поверхностный взгляд. Увы – потому что с нарисованной картинкой мы, в общем-то, солидарны. И благие намерения ее рисующих всецело разделяем и поддерживаем. Вот только, еще раз увы, картинка эта имеет до обидного мало общего с реальностью. Причем это касается отнюдь не только иудаики, но и других отраслей гуманитарного знания.

Возможно, такая ситуация и впрямь была бы идеальной: издательство зарабатывает миллионы на Донцовой, Дашковой и адвокате Астахове, а потом старается искупить свою вину и на вырученные деньги издает историю русского гуссерлианства или исследования новгородских берестяных грамот. Только отчего-то не вспоминаются серьезные издания по философии, литературоведению, истории, выпущенные «Эксмо», «Риполом» или, прости Г-споди, «Олмой». Вот и приходится маленьким и бедным – «Новому литературному обозрению», «Дмитрию Буланину», «Ростку», «Міру» и прочим – отдуваться за больших и богатых, решая проигнорированные старшими товарищами проблемы.

Конечно, АСТ, «Амфора», «Азбука» и прочие действительно выпускают еврейскую литературу: Филипа Рота, Амоса Оза, Исаака Башевиса Зингера и прочих. Не говоря уже о литературе не столь очевидно еврейской, но отношении к еврейству все же имеющей, как Кафка или, скажем, Вуди Аллен. Еврейская тема уже и в отечественный трэш проникла, и на прилавках любого более или менее крупного магазина нетрудно найти «Рулетку еврейского квартала» Аллы Дымовской или романы Елены Колиной с маген Давидами на обложке. Так и создается впечатление интереса больших и богатых к еврейской проблематике. Так и возникает в неспециализированных головах вопрос: а зачем нужны сегодня «Гешарим» и ему подобные?

Но дело в том, что все вышеперечисленное, даже Зингер, при всем к нему уважении, даже Кафка, при всей к нему любви, по отношению к еврейскому книгоизданию – скорее все же гарнир, нежели основное блюдо. Но что же тогда основное? Для ответа на этот вопрос как раз и нужно поговорить о «Гешарим» и присмотреться попристальнее к их ассортименту.

Показательно, что именно с беллетристикой дела у «Гешарим» особо не заладились. Серия «Литература Израиля» не задалась сразу, «Поэзия и проза» – тоже. Это не значит, что в них не выходили хорошие книги. Вполне себе выходили – и замечательный сборник новелл Шмуэля-Йосефа Агнона, писателя безусловно великого, но по непонятным причинам не избалованного вниманием российских издателей; и рассказы Дана Цалки, прозаика, может быть, не первого ряда, но выделяющегося на фоне других израильских литераторов лица необщим выраженьем; и «Лето на улице Пророков» Давида Шахара – по-настоящему серьезный и многослойный роман, не получивший, увы, должного отклика. То есть дело было не в книгах, точнее, не только в них. Просто сразу было ясно, что это для «Гешарим» все же периферия, что центр не здесь. И серии постепенно заглохли.

Та же участь постигла всяческие актуальности, которых одно время издательство выпускало весьма много. Серии «Израиль: война и мир» или «Сионизм» были составлены

из книг вполне качественных – и рассказ Идо Нетаньяху об операции «Энтеббе», и «Шестидневная война» Рэндольфа Спенсера Черчилля читались с интересом и не без пользы. Но и эти серии довольно быстро прекратили свое существование. А попытки их продолжения носят характер заведомо одноразовый и не рассчитаны на постоянное пополнение – как, например, состоящая из трех недавно изданных книг юбилейная серия «Израилю 60 лет».

Гордостью «Гешарим» вполне заслуженно считается «Библиотека Иудаика» – пять десятков книг, подготовленных в сотрудничестве с Еврейским университетом в Иерусалиме и отвечающих основной «исходной» задаче издательства: засыпать пропасть между российской и мировой иудаикой, дать русскоязычным читателям представление о наиболее актуальных тенденциях в этой науке за последние десятилетия. Здесь и введение в еврейскую философию Рафаэля Йошпе, и история евреев Вавилонии Йешаяу Гафни, и опыт интерпретации Библии методами современного литературоведения Меира Вайса, и многое другое – на самые разные темы, но неизменно высокого качества.

И все же, все же, все же... Иудаика – наука многотомная, по ней библиотеки написаны, все в любом случае не переведешь, как ни старайся. Даже основных сборников и монографий, без которых исследователю совсем уж никуда, – и то слишком много для одних «Гешарим». Да и не ставят себе, честно говоря, гуманитарные издательства сегодня такой цели – переводить научную литературу, написанную на других языках. Потому что современные требования к ученому предполагают знание тех иностранных языков, на которых выходят основные исследования по его предмету. Усилия, необходимые для адекватного перевода Талмуда на русский язык, неизмеримо больше усилий, требующихся человеку для того, чтобы овладеть ивритом на уровне, который потребен для чтения Талмуда в оригинале, как резонно постулировал кто-то из раввинов.

Еще интереснее – и важнее, на наш вкус, – серия «Алеф», посвященная изысканиям в области еврейской мистики. Ее открывал классический труд Гершома Шолема «Основные течения в еврейской мистике», изданный с таким научным аппаратом и в таком полиграфическом исполнении, что знаменитый «мистиколог» и ученик Шолема Моше Идель, повидавший переводы книг своего учителя на самые разные языки, назвал русское издание безусловно лучшим из всех существующих. Затем были книги Бубера о хасидских учителях и Артура Грина о Нахмане Брацлавском, ни по уровню подготовки, ни по полиграфии Шолему не уступающие.

Важно отметить, что параллельно с «Алефом» выходит ее «дублер» – серия «Каббала и еврейская традиция», включающая чуть более популярные книги, рассчитанные на чуть менее подготовленного читателя. Это проявление характерного для «Гешарим» стремления решать одну и ту же тему на разных уровнях, в расчете на разные категории потребителей. Другой пример той же тенденции – почти параллельное издание монографии Михаила Вайскопфа «Покрывало Моисея: Еврейская тема в эпоху романтизма» и антологии «Евреи и жида в русской классике», включающей «еврейские» произведения русских писателей.

Перечислять заслуги «Гешарим» можно долго. Тут и многочисленные сборники чрезвычайно важных архивных документов, и собрание еврейских хроник времен Хмельничины, и хазароведческие штудии, и трехтомный свод свидетельств о евреях и иудаизме греческих и римских языческих авторов (оригинальные тексты с переводом). Особняком стоят два грандиозных проекта – переиздание 10 томов «Всемирной истории еврейского народа» Семена Дубнова и две «эпопеи» Феликса Канделя: «Книга времен и событий» (шеститомник об истории евреев России) и «Земля под ногами. Из истории освоения и заселения Эрец Исраэль».

И все же главное направление деятельности «Гешарим» – это тот «уголок» иудаики, который можно обозначить как «иудеороссику». Здесь смысл и оправдание существования «Гешарим», здесь то, что отличало и будет отличать их от других еврейских издательств. Не случайно еще 18 лет назад Михаил Гринберг назвал свое детище «Мостами культуры». Смысл этого названия в полной мере раскрывается, когда смотришь на «гешаримские» книги о тех или иных аспектах истории и культуры русского еврейства – воспоминания Саула Борового, вышедшие еще в 1993 году, новаторские, несмотря на всю методологическую спорность, монографии Леонида Кациса о деле Бейлиса и о Мандельштаме, уже упоминавшееся исследование Вайскопфа, «Еврейский

мир в славянской культуре» Ольги Беловой и Владимира Петрухина, сборник материалов о Чуковском и Жаботинском, подготовленный Евгенией Ивановой, мемуары Александры Азарх-Грановской и многие, многие другие. Безусловно, понимают это и сами «гешаримцы». Оттого в их портфеле сегодня – воспоминания эсера Моисея Кроля и художника Амшея Нюренберга, сборник филологических новелл Романа Тименчика, монография Владимира Хазана о Пинхасе Рутенберге – революционере, убийце Гапона, а впоследствии видном израильском инженере и общественном деятеле. И многое другое.

Удачи вам, «Мосты культуры»!

БАБУШКИН МАМЕ ЛОШН

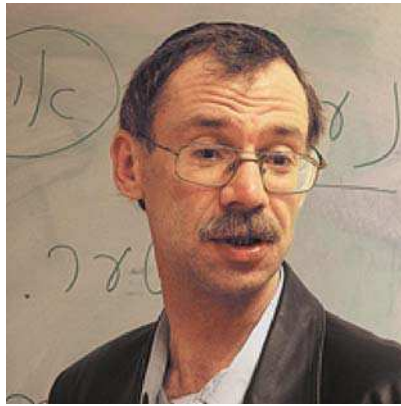
На четыре вопроса отвечают: Исроэл Некрасов, Александра Полян, Велвл Чернин, Геннадий Эстрайх

Àáííááò ááááò Àóáí àíèé Í àí ááíá

В нашем опасном каждодневье, испытующем нас ежечасно, к кому только мы не обращаемся за помощью — когда серьезной, когда «терапевтического» характера, — но редко – к себе и почти никогда – к своему языку. Меж тем родной язык не только способ общения, он неотъемлемая часть нашего метафизического «я», проверенный поводырь, лекарь и оберег. Причем, что интересно, язык или языки, на которых нам судьбою выпало думать и говорить, могут и не быть языками нашего «метафизического “я”». Я вот точно знаю: единственный язык, на котором говорю, – не мой. Мне об этом когда-то приватно сообщила после тестирования репетитор по-русскому, готовившая меня к поступлению в Литинститут, участница знаменитой группы СМОГ, филолог-структуралист. Отправившись на поиски «своего» языка, я со временем обнаружил целых два «обязательных» – ими оказались азербайджанский и идиш. Языки моего счастливого детства, языки, параллельные русскому, лишь по какому-то недоразумению мною не воспринятые. Хотя почему «по недоразумению»? А то я не помню, на какие высоты книжных шкафов была сослана вся идишская литература в нашем доме и как удобно располагалась русская и зарубежная переводная. Да я ее по цветам только так. Алексей Толстой – лимонного цвета, Ильф и Петров – оранжевого, Чехов – серый, Жюль Верн – синий, далее без остановок. Единственный, кому повезло, — это Шолом-Алейхем: он стоял рядом с бирюзовым Голсуорси и был горчичного цвета. Именно такого цвета мне казался идиш – бабушкин маме лошн. Именно этот горчичный по сей день служит мандатом в прошлое, именно на языке этого цвета договариваю я моей бабушке все, что не успел договорить. И слова все неслучайные, слова любви и признательности. Случается это либо во сне, либо на порубежье сна и яви. А где еще мне свободно говорить на идише? Возможно, потому-то и затеял я беседу с теми, для кого горько-сладкий язык моей бабушки – тот самый «обязательный» идиш.

РАНО ГОВОРИТЬ, ЧТО НАЧАЛОСЬ ИЗУЧЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Èíííýé Í áéðáííá ííýó, íðáííááááò ááü éáèóá á Í áò áðáóðáííéí èííòéòóóá éóááèéè

– В Средние века в Германии на языке лошен хохма или хохумлошен (Kokumloschen) общались между собой воры, нищие, бродяги. Мог ли действительно лашон а-кодеш (священный язык), состоящий из ивритских и арамейских слов Священного Писания, стать основой воровского арго раньше, чем возник сам идиш? Правда, что первые словари блатного языка появились чуть ли не во времена императора Карла V и якобы они дали повод немецким филологам регистрировать язык уголовного мира как смесь немецкого и еврейского языков?

– Я не знаю немецкого языка и тем более немецкого уголовного жаргона, поэтому не могу ответить на этот вопрос. Но сама идея определять жаргон как смесь двух языков выглядит странно. В русском уголовном жаргоне тоже немало слов еврейского происхождения, но никому в голову не приходит называть его смесью русского и еврейского языков.

– В начале 1980-х годов появилось немало идишских писателей, родившихся уже после Катастрофы в США и в СССР. Вы могли бы назвать несколько имен, на которые нам следует обратить пристальное внимание?

– Мог бы. Если ограничиться простым перечислением, то можно назвать покойного Александра Белоусова, а также, слава Б-гу, ныне здравствующих Дов-Бера Керлера, который пишет под псевдонимом Борис Карлов, Велвла Чернина, Феликса Хаймовича. Хорошую прозу пишут Довид Кац, живущий в Вильнюсе, и Борис Сандлер, живущий в Нью-Йорке. Без сомнения, очень талантлив Михаил Фельзенбаум¹, прозаик, поэт и драматург. Во Франции прекрасные стихи пишут Жиль Розье и Ицхок Ниборский. Есть интересные авторы, которые начали писать несколько позже. Стихи пишут Шолом Бергер и Йоэл Матвеев в США, Хайка-Брурия Виганд в Англии, из прозаиков можно назвать Бориса Котлермана. Надо подчеркнуть, творчество этих авторов интересно не тем, что они пишут по-еврейски, а тем, что они пишут талантливо. Конечно, я назвал не всех, можно вспомнить еще несколько неслабых имен. Стоит обратить внимание на литературу, которую сейчас создают ортодоксы. Это не только повести о мудрецах и праведниках, пишут женские романы, детективы, боевики, иногда очень динамичные, с напряженным сюжетом, перестрелками, мордобоем, захватом заложников. Эта литература очень интересна прежде всего как явление. Из таких авторов я бы выделил Мойше Готлиба. И конечно, о представителях довоенного поколения тоже нельзя забывать.

– Можно сказать, что в какой-то степени закончился активный процесс накопления текстов на идише и началось их изучение? Вы согласны с таким положением?

– Накопления? Скорее, наверное, создания. Да, этот процесс идет не так активно, как несколько десятков лет назад, но говорить о том, что он закончился, еще, по крайней мере, рано. Также, по-моему, рано говорить и о том, что началось изучение еврейской литературы. Серьезных исследователей можно пересчитать по пальцам одной руки. Я имею в виду современных исследователей.

– Обращаюсь к вам уже не только как к специалисту по идишу, но еще и как к поэту. Известно, что для того или иного языка его поэзия есть зеркало, в которое он, язык, глядится, по поэзии судят о состоянии языка. Этот опыт можно проделать, например, с английской ренессансной поэзией, с экспрессионистской немецкой поэзией, с новой французской, с русской поэзией Серебряного века и так далее. Пик идишской литературы, идишской поэзии, если не ошибаюсь, пришелся на 20–30-е годы XX века. А что сегодня происходит с идишской поэзией, можно ли по ней судить о состоянии идиша?

– С поэзией, кажется, все очень даже неплохо, а вот судить по ней о состоянии языка, наверное, не стоит. Что такое состояние языка? Под этим можно понимать количество носителей, воспроизводство, области применения, наличие или отсутствие кодификации, официальный статус в той или иной стране. Наличие и уровень поэзии и вообще литературы – только одна сторона.

ИДИШ СТАЛ ДОСТОИН ОПЕКИ

*Àèàèàààà Ìíèýí, óèèèèèà èèíàèèò, íààààà:èé, íðàííààòàèè ÈÑÀÀ
íðè Ì ÑÓ è ÕÀÈ ÐÀÀÓ*

– Правда ли, что только массовая алия советского еврейства вынудила израильские власти изменить отношение к идишу? Что исключительно благодаря нашим евреям в 1996 году на специальном заседании кнессета были приняты решения, направленные на восстановление позиции идиша в стране? Насколько вообще возможно восстановление позиций идиша в Эрец-Исраэль? Есть ли бесспорные примеры восстановления былых позиций идиша?

– За этой ситуацией я могу наблюдать лишь извне: в Израиле бываю мало и с реальным положением идиша там знакома плохо. Я более-менее представляю себе достижения израильской идишистики и преподавания языка в израильских университетах, пользуюсь обширным собранием книг на идише и о нем, находящимся в Национальной библиотеке в Иерусалиме, – все это производит гораздо более выгодное впечатление, чем аналогичные вещи у нас, поэтому по контрасту положение идиша в Израиле мне кажется лучше, чем на самом деле, и всякий раз, когда я думаю на эту тему, приходится

напоминать себе, что израильские власти немало поспособствовали сокращению числа носителей идиша. На мой взгляд, динамика положения идиша объясняется иначе: в 1950-х он представлял реальную угрозу для позиций иврита, в страну приезжало большое количество его носителей, многие из тех, кто приехал раньше, продолжали общаться на нем, – его позиции были сильны, и с ним боролись. В 1990-х идиш едва ли мог составлять ивриту какую бы то ни было конкуренцию. К этому времени американский сантимент по отношению к уходящей ашкеназской культуре, ее языку, песням и тому подобному получил распространение и в Израиле. Идиш, давно поверженный и безвредный противник, язык, ассоциировавшийся теперь не с диаспоральным прошлым, которое надо было как можно скорее преодолеть, а с детством, с идеализируемым штетлом и определенным набором песен, с одной стороны, и с богатейшей литературой – с другой, стал достоин опеки. Об опеке я говорю без пренебрежения и иронии, я очень рада, что в Израиле идиш, литература и фольклор на нем – популярные учебные дисциплины, что выходят книги и толстые журналы на идише, что на исследование в области идишистики можно получить в Израиле грант. Однако ни о каком восстановлении былых позиций идиша в израильском государстве, на мой взгляд, говорить не приходится. Поколения людей, для которых идиш – единственный родной язык, ушли в прошлое. Выросли люди, с детства говорящие только на иврите. Идиш стал принадлежностью закрытых ультраортодоксальных общин – и идишистов. Ни те ни другие не стремятся к укреплению позиций идиша на государственном уровне. Иллюстрацией ко всему вышесказанному может послужить небольшой эпизод, о котором мне рассказывал один хороший приятель. Как-то он увидел объявление о вечере декламации в «Лейвикхойзе». Планировалось читать произведения классических и современных авторов, говорить о них, предполагалось присутствие кого-то из известных идишистов. Объявление заканчивалось фразой: «Произведения будут читаться на иврите».

– Вы талантливый молодой переводчик, несомненно, следите за литературой на идише. Как развивается она после Холокоста, сказывается ли на ней давнишнее противостояние идишистов и гебраистов, какое влияние оказывает на нее современная израильская литература?

– Так получилось, что большинство современных авторов, которых я читаю, – это люди, владеющие и идишем, и ивритом. В сущности, как и все гебраисты сто лет назад. Да и как большинство тогдашних идишистов. По поводу борьбы языков, как мне кажется, страсти давно утихли: незаживающая рана – это Холокост, его событиям, конечно, по-прежнему продолжают посвящать произведения. Современная израильская литература, на мой взгляд, даже на израильскую литературу на идише влияния оказывает мало, – русская, европейская и американская литературы влияют на еврейскую гораздо сильнее.

– Скажите, возможно ли в скором будущем появление столь же сильных ученых, какими были Фалькович и Вайнрайх?

– Я бы не сказала, что таких сильных ученых-лингвистов сейчас нет. В какой-то момент мне казалось, что все гениальное, написанное про идиш, принадлежит или ученым 1920–1930-х годов, или отцу и сыну Вайнрайхам, или Герцогу. Потом я прочла книги Каца об истории и стилистике идиша, Керлера о складывании литературного языка в Восточной Европе, Геннадия Эстрайха о советском идише – и поняла, что жизнь есть не только после Вайнрайхов, но и после Шехтера. Недавно я провела два месяца в Берлине, у меня был доступ к новым работам, авторы которых – современные американские и европейские лингвисты, я получила более приближенное к реальному, надеюсь, представление об идишистике 1990–2000-х годов – и оно вселяет большие надежды.

Важное изменение, произошедшее в изучении идиша за последние лет двадцать, на мой взгляд, заключается в том, что занятие Yiddish studies перестало быть прерогативой еврейских ученых – крупных идишистов, многие из которых были за границами своей дисциплины практически неизвестны. Сейчас идишем занимаются, с одной стороны, германисты и слависты, с другой – типологи и социолингвисты. Через некоторое время по идишу станет возможно проводить корпусные исследования: московские лингвисты с регенсбургскими коллегами начинают создавать интернет-корпус языка.

– В России маскилим столкнулись со старым идишем, пытались приблизить литературный идиш того времени к немецкому языку, вставляли массу немецких слов, до того на идише не употреблявшихся. Прижились ли эти нововведения, остались ли в сегодняшнем идише?

– Спасибо, интересный вопрос. Это довольно сильно зависит от извода и от регистра языка. Не закрепились «маскильская» орфография – приближенная к немецкой, с избыточными буквами **ן** и **ץ** – в окончаниях – **ן**, с двойным обозначением некоторых гласных звуков (с помощью огласовок и строчных символов одновременно). Что же до лексики и грамматики, то какие-то германизмы закрепились в идише благодаря тому, что письменный стандарт литературного языка был сформирован еще классиками – Менделем, Перецом и Шолом-Алейхемом, – которые были, в сущности, непосредственными наследниками маскилов (а Менделе в начале своей литературной деятельности написал некоторое количество просветительских произведений). Неожиданную преемственность по отношению к маскилам можно заметить и в советской «лингвотехнике»: при выработке советской нормы литературного языка существовала тенденция заменять слова семитского происхождения немецкими заимствованиями и кальками. Американская норма в спорных случаях часто тяготеет к тому варианту, параллель которому можно найти в немецком (этому посвящена одна из известных статей Шехтера). С германизмами последовательно боролись, в сущности, только представители еврейского движения Ausbau, например тот же Шехтер. Они считали, что идиш принадлежит к Ausbausprachen (термин, предложенный социолингвистом Хайнцем Клоссом: так называются языки, развивающиеся в тени и под очень сильным влиянием какого-нибудь языка, обладающего статусом государственного, большим количеством носителей и знаменитой культурой, – например, немецкого; надо сказать, сам Клосс идиш к Ausbausprachen не относил). Эти ученые старались влияние «сильного» (в данном случае немецкого) языка минимизировать, тем самым найдя для идиша свой отдельный путь. В сущности, идиш допускает довольно сильный стилистический люфт, и многие современные авторы, в том числе и лингвисты, пишущие о языковой норме в идише, употребляют в своих текстах большое количество недавних заимствований из немецкого и некоторое количество грамматических германизмов.

«БОЛЬНОЙ СКОРЕЕ ЖИВ, ЧЕМ МЕРТВ»

*Ááááé xáíéí, áíéóíð óééíñóéé, ííýò-éáéóéñò, íááíáá-éé,
ééòááòóóíááá è ýòííááò, íðáííááááò áéüÁáð-Ééáííéíáá óí éááíñéòááò*

– Существует такое мнение, что идиш, наш маме лошн, вышел из языка хохумлошен – аргю средневековой германской братвы, что якобы с него-то все и началось. Словарь немецкого воровского аргю содержит более половины ивритских слов. Глоссарий *Liber Vagaborum* подтверждает еврейское влияние на криминальные субкультуры: шестьдесят пять ивритско-арамейских слов и пятьдесят три немецких, латинских и голландских всего по девятнадцать, а французы, цыгане, испанцы в воровской доле принимали, по-видимому, совсем незначительное участие. Если на Западе к этому отношению вполне взвешенное, филологическое, то у нас, как только разговор заходит о русской фене, он сразу же принимает антисемитский оттенок: мы-то белые, чистые, пушистые, а иначе разве была бы могучая русская феня большей частью состоять из слов, заимствованных из иврита и идиша?.. Есть ли убедительные версии влияния еврейского языка на воровской жаргон, насколько исследована эта тема?

– Я, конечно, слышал, что в воровском немецком аргю есть слова еврейского происхождения. Идея происхождения идиша от немецкого воровского аргю представляется мне надуманной, но не оригинальной. В конце концов, утверждения, согласно которым евреи происходят от асоциальных элементов населения Египта, встречаются еще у античных антисемитов. Что же касается употребления древнееврейских слов в устной речи еврейских групп, разговорный язык которых взаимопонимаем с языком окружающего нееврейского населения, в качестве тайного языка, то это явление хорошо известно, в том числе на примере идиша. Достаточно перечитать «Мальчика Мотла» Шолом-Алейхема. Так что, на мой взгляд, можно говорить о заимствовании еврейских слов воровским жаргоном, но никак не о происхождении языка идиш от оногю. Что же касается «антисемитского оттенка» обсуждения происхождения русской фени, то я воздерживаюсь от комментариев, поскольку живу в Израиле и мало интересуюсь мнением русских антисемитов.

– Говорят, что идиш в Америке умер естественной смертью, так ли это или вы готовы поспорить?

– Идиш в Америке вообще не умер. Этот язык активно употребляется многими десятками тысяч ультраортодоксальных евреев всех возрастных групп. Вместе с тем подавляющее большинство евреев восточноевропейского происхождения, родившихся в США, утратили идиш и перешли на английский в качестве основного языка общения. Поскольку никто их к этому не принуждал, то можно говорить о естественной языковой ассимиляции. Однако и в этой группе населения она далеко еще не завершилась. Так что «больной скорее жив, чем мертв».

хасидских детективах – примитивных, конечно, но они не намного более примитивны, чем большинство сериалов российского телевидения.

– Все языки претерпевают изменения, одни в большей степени, другие – в меньшей, как часто претерпевал изменения идиш, сколько раз реформировалась его орфография?

– Орфография реформировалась много раз. В начале XX века, когда уже в какой-то мере сформировалось понимание современного литературного стандарта, идиш был «эмансипирован» от сильного влияния немецкой орфографии. В советских (и некоторых зарубежных) публикациях идиш был «эмансипирован» от иврита. Были попытки перейти на латинские буквы. Встречаются люди (обычно обделенные чувством юмора), фанатично преданные тому или иному стилю. По сути дела, это вопрос совсем не первостепенной важности.

– Как сильно отличается «советиш идиш» от общепринятого? Может он составить проблему переводчику с классического идиша?

– А что это такое – «классический идиш»? «Советиш идиш» (как и советский русский, украинский), конечно, сложен, если переводчик не знаком с ГТО, ОТК, встречным планом, профсоюзным соревнованием и другими советизмами. Аналогичные сложности связаны и с «американиш идиш» – надо знать реалии.

– В последние годы в ряде стран растет интерес к идишу, пишутся диссертации и научные монографии, созываются конференции и симпозиумы. Влияет ли этот интерес ученых на восстановление языка, что нужно для того, чтобы материнский язык передавался по наследству? В состоянии ли сегодняшний еврей справиться с двумя национальными языками?

– Этот вопрос связан с местом восточноевропейской еврейской культуры в современной модели еврейского самосознания. Сейчас это самосознание базируется, обычно, на Израиле, религии и Холокосте. Восточноевропейская составляющая присутствует в форме кича, обычно музыкального. По моему мнению, без изменения этой модели ничего существенного не произойдет.

Удивительное дело: именно сейчас, в эпоху глобализма, декларированного единения всего со всем, человек оказывается озабочен поисками сугубо личного, содержанием того неуловимого, что определяет его суть как человека и питает день ото дня. Вопрос самоидентификации сегодня приобретает остроту уже порядком подзабытую. От «горизонтальных», примитивных «свой-чужой» и мстительных «никогда не забудем и никого не простим», нацеленных преимущественно на выживание, мы, слава Б-гу, уже переходим к вопросам метафизического свойства, по определению вечным: что есть моя вера, язык, доставшееся мне культурное наследие? Каждодневное исполнение ритуала «стучания в небеса» обеспечивает человеку той или иной конфессии, той или иной национальной принадлежности достойное существование в мире, вызывающее уважение как у большинства «своих», так и у большинства «чужих». А иначе не было бы у нас возможности назвать Катастрофу Катастрофой, не было бы Нюрнбергского процесса, страны Израиль с государственным языком иврит, много чего не было бы. Потому мы обязаны хранить то, что есть, и возрождать то, что претерпело ущерб. Путь упрощения, избавления от лишнего возможен лишь на определенных отрезках истории, да и то чреват опасностью: неизменно сужает души, приводит к деградации человека и целого народа. Возможно, когда-то премьер-министр Бегин был прав, утверждая, что Израилю идиш ни к

чему. Нынче, кажется, наступило время правды Шимона Дубнова, Исаака Башевиса Зингера и многих других интеллектуалов, мечтавших о сохранении ашкеназского многоязычия. Одним словом – и иврит, и идиш.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2008 ХЕШВАН 5769 – 11(199)

Вы читали? *איבער אױף עײַסן* Русско-еврейская литература: трактовки и классификации. // 2008, № 10.

Реакция. В статье Б. Верниковой, посвященной попытке описания термина «русско-еврейская литература» применительно к ранним этапам ее существования, было высказано достаточно резкое положение: русско-еврейская литература угасла между 1934 и 1937 годами, когда закончился выпуск «Трибуны» ОЗЕТа, а в Берлине и Париже завершился выход «Рассвета». Все позднейшие органы печати, выходившие в эмиграции, по классификации израильского ученого Й. Слуцкого (1970) «принадлежат к периоду угасания русско-еврейской журналистики».

Здесь, на наш взгляд, допущена подмена тезиса, связанная с переходом от журналистики к литературе. Ведь само по себе отсутствие печатных изданий и издательств не свидетельствует о прекращении процесса создания соответствующих произведений. Однако далее автор замечает: «...классификация Йеуды Слуцкого отражает реальное существование русско-еврейской литературы, функционально связанной с печатными органами русских евреев. С их закрытием русско-еврейская литература сходит на нет, становясь на исходе XX века предметом исследований и отвлеченных построений».

Нам представляется, что классификация 1970 года, когда практически прекратились русско-еврейские издания, заслуживает такого же исторического рассмотрения, как и сам предмет статьи Б. Верниковой. Ведь достаточно продолжить историю русско-еврейской печати советским еврейским самиздатом, начальным периодом подготовки «Краткой еврейской энциклопедии» с переходом в нынешний этап развития и русско-еврейской, и русско-израильской литературы, печати и журналистики, не говоря уже о нынешнем периоде «исследований и отвлеченных построений».

Не надо забывать, что русско-еврейская литература изменялась так же сильно, как русско-еврейская история и русско-еврейская жизнь. Естественно, период развития русско-еврейской литературы, связанный с жизнью и творчеством тех, кто называл себя русско-еврейскими литераторами, имеет свое начало и свой конец. И уже само это обстоятельство делает применение этого самоназвания в качестве научного термина невозможным. Однако включение важнейшего начального периода развития русско-еврейской литературы XIX – начала XX века в общую историю русско-еврейского литературного и художественного творчества XX–XXI веков вряд ли может быть названо предметом отвлеченных построений. Как раз подобные построения, основанные на конкретных людях и произведениях, часто опубликованных только в наши дни, свидетельствуют о том, что новые построения (говоря по-тыняновски) теоретической истории русско-еврейской литературы на всю глубину ее истории важны и плодотворны. Другое дело, что они не укладываются в проблематику первого этапа развития этой литературы, не говоря уже о журналистике. Ведь небольшое из журналистского творчества родоначальников русско-еврейской литературы мы вообще сегодня отнесли бы к литературе в современном понимании. В свою очередь, как мне представляется, даже дискуссия на эту тему в журнале «Лехаим», сознательно продолжающем линию русско-еврейской журналистики, свидетельствует о том, что она существует не столько как проблема отвлеченных рассуждений, сколько как проблема соотнесения сегодняшних деятелей русско-еврейской культуры со своими предшественниками.

Разумеется, это важно для тех, кто хотел бы продолжить новыми звеньями эту уже довольно длинную цепь и для нас это вовсе не отвлеченная проблема. А изучать уже можно и почти 20-летнюю историю новой русско-еврейской печати и литературы, что, собственно, со всей неизбежностью и произойдет.

Éáí éä Éàöèñ

Ì ñéáí

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2008 ХЕШВАН 5769 - 11(199)

СТАРИК, КОТОРЫЙ ЗАБЫЛ УМЕРЕТЬ

Áààä I àðéèø

Старику поставили раковый диагноз за три недели до шестидесятипятилетия; уже и гости были приглашены. Жить ему оставалось месяцев пять, ну полгода.

Выйдя от врача на улицу Пророка Самуила, в легкую, как шелк, иерусалимскую майскую жару, Старик завернул в крошечный скверик, пустой в этот полуденный час, сел на лавочку и закурил сигарету. Он курил не спеша, с удовольствием, зная определенно, что профессорской рекомендацией не воспользуется: курить не бросит ни сегодня, ни через неделю, никогда – пока это «никогда» имеет хоть какой-то ощутимый смысл. Какая, в сущности, разница между пятью месяцами и полугодом? А потом, надо думать, наступит ничто, в котором не будет места ни табачному дыму, ни борьбе с ним.

Закончив сигарету, Старик откинулся на спинку скамейки и вытянул ноги. В зеленой тени сквера отвесные солнечные лучи не жгли и не кололи. Старик заставил себя сосредоточиться на том, что происходит в его голове, в сжатых кулачках полушарий. Все там было, как вчера или третьего дня, ничего не изменилось. Так, наверно, и должно быть, подумал Старик. Заболит потом, когда придет срок.

Солнце ползло по небу, как золотой клещ. Тени понемногу смещались, и ноги старика оказались на свету, а голубая ткань джинсов стала горячей. Старик провел ладонями по жарким коленям, поднялся и побрел к машине. Шнурок на его кроссовке распустился, и он нагнулся и туго его завязал. Выпрямившись, он отметил с удовлетворением, что голова никак не отреагировала на это упражнение.

За рулем, машинально следя за дорогой, он наконец принял решение: домашним ничего не рассказывать. К чему эта чрезвычайная ситуация в доме, к чему полгода подряд изводить жену и родню своим особым положением, совершенно особым и ни с каким другим на свете не сравнимым. Зачем? Кому от этого станет легче? Уж во всяком случае, не ему, бывшему харьковчанину Ефиму Бергу, хотя центральное место в этой нелепой картине занимает именно он. Центрально-прощальное.

А раз так, надо прощаться, не обливаясь слезами и не запасаясь заключительной репликой, вроде «Недолго музыка играла!». Прощаясь – уходи.

Оставшееся ему он хотел израсходовать на себя. Только на себя одного. Что о нем говорят, его и раньше-то не особенно трогало, а что скажут теперь, и вовсе не интересовало.

Гостей собралось под сто человек, включая родственников; Старик не всех узнавал в лицо. Рассаживаясь за столиками в банкетном зале, стучали тяжелыми стульями и сдержанно гомонили, словно в ожидании чудесного явления. Старик наблюдал за живой картиной как бы со стороны, а то и вовсе из другого измерения, не чувствуя ни малейшей связи с происходящим – как будто это не он, Фима Берг, появился на свет шестьдесят пять лет назад в городе Харькове и какой-то совсем другой человек дошел до тупика жизни. Разглядывая собрание, Старик раздумывал о том, как изменился бы настрой гостей, узнай они, что тосты им предстоит провозглашать не во здравие, а за упокой. Разглядывал и покровительственно похваливал себя за то, что ни одному живому существу ни полусловом, ни намеком не показал, что песенка спета, шарик улетел.

Угомонившись, строго приступили к прочтению поздравительных телеграмм, начиная с депеши министра культуры. Потом пошли поздравители помельче да поживей, все они, как один, высоко оценивали взнос юбиляра в культурную среду, желали ему новых творческих подвигов и хрустальной жизни до 120 лет. Это было смешно, и Старик улыбался над своей рюмкой коньяку.

Время странно двигалось меж столами и под высоким потолком: ползло подобно усатой улитке и вместе с тем мощно скакало рысью, разве что селезенка не ёкала. Это раздвоение раздражало Старика, он мучительно вспоминал, бывало ли с ним подобное раньше, «до», – и никак не мог вспомнить. Время двигалось, захватывая и покрывая пространство, под ровный гам застольных разговоров.

Около полуночи стали расходиться. Старик послушно стоял в дверях зала, благодарил и пожимал руки. Подарки, упакованные в золотистую или серебряную бумагу, перевязанные цветными ленточками, громоздились горой в просторном высоком ящике, похожем на пиратский сундук из приключенческого классического романа: «Двенадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо, и бутылка рому!» Подарочный сундук, снабженный на всякий случай вполне современным цифровым замком, принадлежал владельцу

ресторана и предусмотрительно устанавливался здесь, при входе, в дни празднеств – свадеб, юбилеев и обрезаний младенцев.

Провожая последних гостей, Старик спустился за ними следом на площадку перед рестораном, вышел на дорогу и остановил такси. «Аэропорт!» – сказал он водителю. Привольно сидя на заднем сиденье, Старик немного жалел о том, что теперь так никогда и не узнает, что же лежало в сундуке, в праздничной подарочной бумаге. Это было последнее, о чем он пожалел в прошлой жизни. А настоящая вступила в свои интересные права, как только он переступил порожек самолета, следующего рейсом на Стамбул.

В Стамбуле ему предстояло дожидаться транзита до темноты. Слоняться весь день по аэропорту, разглядывать витрины и пить кофе Старику не улыбалось. Он поехал в город.

– До центра десять долларов, – информировал таксист. – Или можно по счетчику.

– Я знаю, – сказал Старик. – Поехали!

Площадь перед храмом Софии была полна праздных людей. Вдоль желтоватой древней стены он прошел к входу в Большой базар – и Золотая улица открылась перед ним. Золото сверкало и светилось, куда ни погляди; казалось, что вся улица, до самого сводчатого потолка, расписанного синими и красными узорами, покрыта золотыми пластинами. И хотя до этой византийской роскоши Старику было мало дела, не впервые на Золотой улице он ощущал себя не в своей тарелке: если б в витринах разложены были огурцы с помидорами или хоть дрова, он бы чувствовал себя раскованней. Тяжесть золота действовала ему на нервы.

Пройдя до середины улицы, Старик свернул налево, в крытый переулок. Здесь пахло кожами, пылью старых ковров и шиш-кебабом. В поредевшей толпе Старик вовсе не выглядел стариком, и он отлично это знал. Еще вчера, в ресторане, он шутил в ответ на комплименты гостей: «Ну да, конечно, никто не дает мне шестидесяти пяти. Максимум шестьдесят четыре!» А сейчас отпала всякая необходимость шутить по этому поводу.

Он купил дорожную сумку попроще, похожую на брезентовый наплечный мешок, и бухарскую тюбетейку. Потом примерил в обувной лавочке кожаные черные кроссовки и оставил их на ногах, а свои узкие вечерние туфли с облегчением выбросил в мусорную урну. Ощупав пачку денег в кармане, Старик одобрил себя за то, что накануне успел продать иерусалимскому галеристу унылый, как насморк, натюрморт Рабина, привезенный из Москвы много-много лет тому назад. Спасибо Оскару Рабину, вошедшему в моду как раз в подходящее время. Старик усмехнулся: «подходящее время» – не совсем подходящая оценка его положения.

В гончарном, медном, ковровом рядах делать ему было нечего. Хорошо бы найти ватную телогреечку, но здесь такого не продают. А нарядные куртки с дюжиной карманов и кармашков, с застежками-липучками и яркими шевронами «Элвис Пресли» или «Я люблю Стамбул» с красным сердечком вместо «люблю» – это все ему не подходило.

Хождение по рядам надоело Старику, он устал – то ли от бессонной ночи, то ли потому, что так теперь и должно было быть. Раньше он не пропускал базар ни в одном городе, мог бродить часами меж покупателями и продавцами, испытывая необъяснимую

приязнь к людям, занятым самым, быть может, древним промыслом на свете – торгом. Но это было раньше.

Выбравшись из базарной толчеи, он очутился на просторной площади с фонтаном посередине; возможно, то была старинная поилка для скота. Круглый водоем был ладно схвачен, как кадушка обручем, низким парашютом. Старик сел на теплый ноздреватый камень и долго сидел, уложив на колени свою синюю сумку. До самолета оставалось три часа, пора было ехать. По дороге к стоянке такси он облегченно радовался тому, что за весь день ни разу не вспомнил о вчерашнем ресторанном вечере и о том, что ему предшествовало. Ни о чем и ни о ком он не вспомнил. Та жизнь ушла с головой в туман.

У стойки регистрации он увидел несколько мужчин и женщин с раскосыми азиатскими глазами, говоривших между собой по-русски. Когда-то Старик умел безошибочно отличать киргизов от узбеков или туркмен, и сейчас, сорок лет спустя, эта сноровка никуда от него не ушла – он твердо знал, откуда родом его попутчики. Такая стойкость памяти была ему приятна: голова, вопреки глухим опасениям, работала и не давала покамест сбоя.

Останься он дома, казалось ему, и дело могло пойти по другим каткам.

Летели на восток, навстречу ночи. Полет был долгим. Наконец, посреди темноты, обозначилась горная впадина, круглая, как пиала. На дне пиалы посверкивал Бишкек, Великий шелковый путь шел мимо, невдалеке, по дну Чуйской долины. Следы конских копыт и разлапистых верблюжьих пальцев еще не выветрились на приречном песке.

Сели. Старик без помех добрался до города и первым автобусом уехал на Алай, к Памиру. Дорога была ему знакома.

Говорят, нельзя дважды войти в одну реку. Можно, если эта бегущая вода – река памяти. И это устроено довольно-таки продуманно.

В поселке Алтын-Курган почти ничего не изменилось за сорок лет. Глинобитные кибитки как стояли, так и продолжали стоять по сторонам дороги, а если какая и обвалилась, так на ее месте сложили такую же – с неровными коричневыми стенами из кизяка, с плоской крышей. Заезжий узбек поштучно торговал яблоками у магазина – точно такой сидел тут перед пирамидкой яблок в прошлый, давний приезд Старика, на этом самом месте. После долгого перехода по горам они подъехали тогда к магазину – двадцатилетний голощекий Старик с другом, вдвое старше его, промышлявшим ловлей снежных барсов в верховьях реки Сууксай. «Купи яблочко детям! – сказал узбек охотнику. – Дешево отдам!» И барсолов обронил с седла, искоса взглянув на узбека, как на арчовый пенек: «Он всегда тут сидит и торгует. Если все будут торговать яблоками, кто же убьет барса?»

Постояв немного у коновязи, изгрызенной лошадьми, Старик вошел в магазин. Здесь продавалось все, необходимое человеку, чтобы не умереть на первых порах: мука, спички, патроны и керосин. Глядели с полок и деликатесы: консервы, соль, водка, конфеты. В арьергарде выстроились пластмассовые бутылки кока-колы – глобализм далеко опередил коммунизм и первым добежал до Алтын-Кургана.

Угол магазина занимала одежда. Старик, прикинув на себя, отложил китайскую, в камуфляжных разводах, куртку с капюшоном, плащ-дождевик и крепкие серые штаны на смену костюмным брюкам. Затем, присмотревшись, добавил к покупке пару сапог-кирзачей и широкий охотничий нож в чехле. Синяя турецкая сумка сыто раздулась, Старик закинул ее на плечо.

Выйдя из магазина, он сел на камень у коновязи и закурил, раздумывая над тем, где бы переночевать. Люди, оказавшиеся в Алтын-Кургане по необходимости, спали у знакомых на полу, о комнатах на съем здесь даже не подозревали, а сидеть на камне до утра Старику не улыбалось: завтра предстоял тяжелый день, надо было поспать хоть часиков пять-шесть, да и холодно ночью в горах. Расспрашивать торгового узбека тоже не хотелось, хотя он наверняка мог дать дельный совет.

Положение распрямил улыбчивый круглолицый киргиз, по имени Иса. Этот Иса подъехал к коновязи на сивой лошаденке, спешил и, привязывая, спросил:

– Ты, что ли, турист?

Старику почему-то приятно было услышать это простецкое обращение на «ты», давным-давно он ни от кого из чужих такого не слышал.

– Да ты что! – охотно откликнулся Старик. – Какой там турист! Я сам бухарский, траву лечебную собираю в горах.

Иса не проявил любопытства: траву так траву. Надо человеку, вот он и собирает.

– В Джиргиталь, что ли, идешь? – спросил Иса. – В Таджикистан?

– Ну да, – сказал Старик. – Где тут переночевать у вас, не подскажешь?

– У меня можно, – сказал Иса. – Места хватит. А с утра пойдешь.

– Мне лошадку купить надо, – поделился с Исой Старик. – А то пешком тяжело, и трава.

– Лошадку можно купить, – одобрил Иса намерение Старика. – А в Джиргитале продашь ее на базаре.

Довольные приятным знакомством, они отправились в магазин; купили водку и банку тушенки для себя, а для детей Исы кока-колу и развесные конфеты-подушечки, в которые фруктовое повидло попадает никому не ведомым образом.

Чем выше в горы, тем небо синей.

Старик удобно сидел в глубоком седле, под ним ходко шел по тропе молодой меринок, вколачивал копыта в сухую тропу, петлявшую по плечу ущелья. Внизу, метрах в трехстах, бежала с гор темная река, тащила камни; грохот и гул потока были здесь почти не слышны. На совсем узких пролетах тропы меринок пугался, прижимал уши к голове, но Старика это не тревожило ничуть – отпустив повод, он дал лошади волю и поглядывал вниз, в пропасть, чуть не с вызовом. Терять ему было нечего, кроме мерина да старого курджуна, в одном кармане которого лежала турецкая сумка, а в другом торба с овсом,

узелок с лепешками, тройка луковиц и брус вареного мяса, завернутого в ситцевую тряпицу. Провизию дал ему в дорогу, прощаясь, круглолицый Иса вместе с пожеланием собрать на Алае побольше лечебной травы. Золотой человек Иса, такие теперь редко попадаются на свете, да и раньше встречались не через одного.

Тропа, забирая на подъем, вынесла всадника к подножию широкой седловины, отлого уходящей вверх между двумя хребтами. Горы от головы до плеч были покрыты снегом и льдом, небо без туч стало еще синей, оно приобрело сапфировый оттенок. В совершенной тишине высокогорья Старик услышал отрывистый короткий свист, за ним другой и разглядел красного памирского сурка, стоявшего навтыяжку у своей норы. Проезжая мимо, Старик испытал теплое волнение души – как будто случайно повстречал давнего знакомого из приятных молодых времен, сейчас уже почти неразличимых. И он был признателен сурку за эту встречу.

С отвычки он натер ноги, икры ног о задубевшие стремянные ремни, да и ягодицы ныли от долгой тряски в седле. Больше у Старика ничего не болело, вчерашняя водка-нефтянка всосалась без остатка куда положено, его не жгло и не дергало. А то, что стер кожу до крови и зад набил, – это жизненное обстоятельство, тут радоваться надо: ведь не раковая же голова раскалывается под бухарской тубетейкой.

Со стороны глядя, трудно, а то и вовсе невозможно было определить, что Старик явился сюда, в горы, из иерусалимских масличных рощ, а не из Бухары или откуда-нибудь из-под Орла. Расшитая тубетейка, под нею, обегая лоб, голова перетянута красной матерчатой полоской, еще ниже – исчерканное морщинами лицо с глубоко сидящими темными глазами, сухой твердый рот и нежной лепки бритый подбородок с ямкой посредине. Лицо как лицо, как у множества других людей. И одежда обычная – куртка, серые штаны, и мерин не примечательный ничем. Едет мужик по своим делам, в свою сторону пути, и пусть себе едет.

Старик и ехал. До первого перевала оставалось часа полтора, как раз начнет темнеть. Там, сразу за гребнем, по левой руке была когда-то – и куда бы ей деваться – укрытая от ветра и любопытных глаз каменная пещерка, где знающие путники становились на отдых, жевали лепешки и поили лошадей. К этой пещерке надо успеть до сумерек, а то в темноте ее не заметишь. Прикинув время, Старик ослабил повод, пнул мерина каблуками в бока и перешел на рысь. За весь день он не встретил в долине ни одной живой души и надеялся, что и пещера окажется пустой. Так и случилось.

На перевале от сладкой тишины не осталось и следа – ветер дудел в ущелье и гнал вечерний пронзительный холод, как из трубы. После подъема тропа круто пошла вниз, ветер утих и исчез; в каменных расщелинах появился темный кустарник. Часах в пяти пути лежал впереди второй перевал, покруче и повыше, а за ним километровый тяжкий спуск, а под спуском прилепилась к горе арчовая рощица, и из опушки той рощицы глядела в большую реку Голубая Могила. Так запомнилось Старикю.

В пещере он обнаружил горстку сухих можжевельных веток и соль в кульке – ночевавший здесь заботливый человек подумал об идущем вслед. Получалось так, что незнакомый путник позаботился о нем, Старике, и это свидетельствовало о дружелюбной связи людей, всех людей, живущих в мире. Расседлав мерина, Старик повесил ему на шею торбу с овсом и собрался было разжечь костерок на каменном полу пещеры и согреться, а

потом усомнился: свет огня мог привлечь внимание бедового ночного человека. Накинув поверх плаща порожний курджун, он невесело улыбнулся и покачал головой: какая разница, от чего умереть – от рака или от пули наркоторговца, пробирающегося по темной долине с мешком анаши? Но костер все-таки разводить не стал, не хотел торопить события: пусть идут своим ходом.

Мерин, опустив голову, размеренно хрумкал овсом у входа в пещеру. Звезды висели в небе густо и низко, как яблоки в саду. Старику не хотелось вспоминать о своей болезни, но и забыть о ней он не мог заставить себя: ощущение неизбежной скорой смерти блуждало по окраинам его сознания. Он сидел, обхватив руками согнутые колени, и думал о том, как чудесна его теплая плоть, такая удобная, такая подогнанная – Б-жий материал, обреченный обратиться в сгусток слизи, которую всосет земля.

Так он долго сидел, в покое и тишине, словно в утробе мира, а потом расцепил руки, чтобы взглянуть на часы, – и сразу забыл, что показали их стрелки. Ночь за порогом казалась литой и неразделимой на части. Придет срок, она поднимется и уйдет, а на ее место явится день с солнцем на плече.

Старик выбрал на полу место поровней и лег, подложив под голову синюю турецкую сумку. Сны его не тревожили. Встав со светом, он спустился на тропу и погнал отдохнувшего мерина рысью. Воздух был прохладен и пах мятным леденцом.

Заяц передвигался прыжками, петлял. Останавливаясь, он привставал, как вкопанный, над травой и оглядывался, выискивая опасность или от любопытства. Любопытство многих не доводит до добра, а иным везет.

Трава ходила под ветром, как будто Главный Утешитель с нежностью поглаживал ее ладонью. Покачивалось все травяное поле – от стены Голубой Могилы до опушки арчового леса, прилепившегося, как зеленая лепешка, к подножию горы; видна была и тропа, почти отвесно сбегавшая по обрывистому склону горы сюда, вниз. В арчатнике покрякивали птицы. Темная река шла по дну долины. С верховьев, от Великого ледника, тянуло холодком.

Прислонившись спиной к глинобитной стене склепа, Кубатбек сидел неподвижно. В руках он держал давно уже пережившую свой век малокалиберную винтовку с надколотым прикладом, на котором еще сохранились чудесным образом островки лакового покрытия. Да и сам Кубатбек, спроси у него, объяснил бы с охотой, что живет он на свете лишь по привычке, что век его прошел и он готов предстать перед Господом, как только Тот вспомнит о нем. Собственно, возраст Кубатбека не играл тут роли – ему было за пятьдесят, но никак не более шестидесяти, – но он счет своим дням не вел, как не считал ни зим, ни лет и не мог назвать с точностью, который год на дворе. Он знал множество других вещей, куда более полезных и нужных для поддержания жизни: как добыть огонь, ударяя огнивом о кремень, как подстеречь и убить зайца.

Заяц, привстав в траве шагах в тридцати от Голубой Могилы, оглядывался и дергал треугольным носом. Неподвижный Кубатбек глядел на него внимательно и даже бровью не вел. Мелкашка лежала на раскоряченных коленях Кубатбека. Вздернуть ее к плечу и выстрелить было секундным делом, но Кубатбек выжидал: пусть заяц еще немного приблизится и откроет бурый бок.

За годы жизни у Великого ледника Кубатбек выучился многому. В Алтын-Кургане это знание было ему необязательно: он жил там в кибитке с железной печкой, была семья у него и работа по заготовке дров в потребсоюзе. Жизнь текла плавно. Потом кончилась советская власть, редкие русские куда-то ушли из Алайской долины, и закрылся дровяной склад: кому надо, тот запасал дрова сам по себе. Санавиация перестала летать в Алтын-Курган, и от налетевшего приступа удушья умерла жена Кубатбека, посинела и умерла. Весной дети его поднялись и уехали в Казахстан на заработки, и от них не было ни слуху, ни духу: как видно, еще не устроились на новом месте. Кубатбек остался один в пустой мазанке. Для прокормления он взялся за ловлю форелей в реке, и это сомнительное занятие не прибавило ему веса в глазах алтын-курганцев: рыба не мясо, человек не зверь. А уж сварить сурка в котле означало полное крушение жизненных устоев и падение на дно: известно всякому, что сурок разносит черную болезнь – чуму, и добропорядочный человек никогда не позволит себе прикоснуться к сурчине хоть с рисом, хоть с чем. И если на едока рыб можно было, по трудным временам, глядеть сквозь пальцы, то пожирателю сурчиного плова никто руки не подаст.

Заяц дернул ушами и длинно прыгнул в сторону, как освобожденная пружина. Винтовка с колен Кубатбека взлетела словно бы по собственному желанию. Стукнул выстрел, пуля вынесла внутренности из пробитого заячьего тельца. Поднявшись на затекшие ноги, Кубатбек враскачку подошел, поднял тушку из травы и зашагал через лесок к кибитке.

Кибитка стояла у подножия горы, у самого подъема – глинобитная избушка, бревенчатые опоры по углам. Раньше таких кибиток было здесь восемь, но не успели большевики уйти, как по Великому леднику и речной долине повадились ходить наркоторговцы, таскать терьяк и анашу, и новая власть ликвидировала кишлак Голубая Могила – жилое место на горном пути из Афганистана в низинные районы Центральной Азии с ее розовыми садами и абрикосовыми рощами. Люди разошлись. Кишлак опустел, его домишки покосились и остыли. Через две или три зимы Кубатбек, в поисках пропитания, появился в окрестностях Голубой Могилы, переночевал в брошенной кибитке, да так тут и остался. Остался тут. Большой мир с центром в Алтын-Кургане перестал для него существовать.

Подойдя к двери с веревочной петлей и колком вместо замка, он привычно огляделся через плечо. По тропе с перевала, высоко, спускался всадник. Приставив ладонь полочкой к бровям, Кубатбек стал вглядываться. Появление человека верхом на лошади его не радовало: кого это черт несет? Встреча с наркоторговцем не сулила ничего хорошего, это проверено. А без дела, для удовольствия сюда ни одна живая душа не потащится. Правда, наркоторговцы спускались не с перевала, а с Ледника и уходили вниз по долине, вдоль реки, глухими местами. На перевале, на дороге в Алтын-Курган им делать было нечего, это тоже ясно. Кто ж тогда этот всадник, что он забыл в Голубой Могиле?

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2008 ХЕШВАН 5769 – 11(199)

НАХАЛЫ И УМНИКИ

Клайв Синклер

Предлагаемый вниманию читателей рассказ вошел в сборник рассказов шести английских писателей разных поколений «День рождения в Лондоне», готовящийся к изданию в серии «Проза еврейской жизни» (М.: Текст). Переводчиками рассказов о жизни английских евреев в XX веке выступили В. Гольшев, Е. Суриц, Л. Беспалова, В. Пророкова.

Я – нахальный еврейчик с окраины, среднюю школу я закончил, но до университета не дошел. Черпать знания из книг я не хотел, однако, (язык у меня подвешен лучше не надо), и я стал импровизатором, мастером неожиданных выходов – поглядывал по сторонам, чтобы не упустить – вдруг выпадет случай – переменить жизнь. Тем временем – выбора-то у меня не было – я трудился в семейном деле. Впрочем, я все равно считал себя вольной птицей, не то чтобы отщепенцем, скорее Дитятей Zeitgeist^[1]. А духом времени было laissez-faire^[2], без вопросов.

Тем не менее в обществе некоторых людей я остерегался распространяться о своих корнях. Да прелестная Фиона Буллфинч на одну грядку со мной не села бы, заподозри она, что мой отец поставляет кошерное мясо ортодоксальным хабалкам из Милл-Хилла. Могу вообразить, как она стоит перед «Мясной империей Макси» на Бродвее, вся такая высокородная, и у нее глазки лезут из орбит при виде этих местечковых хамок с их шейтл^[3] привычками, подбитыми ватой плечами, с их шейтлами^[4], – торгуются с моим папашей за каждую кучку тробухи. «Вот чудно», – сказала бы она и в два счета умотала бы в родной Найтсбридж. И я ее понимаю – я и сам тяготел к метрополии. Да, в Милл-Хилле мы были аристократией, отца именовали императором Максом, но никто – даже такие легковверные особы, как мисс Буллфинч, – не сочли бы его законным наследником трона Габсбургов. Да и меня самого называли наследным принцем, Александром Великим, но этот титул был сугубо местного значения, моя же цель была стать королем всего Лондона.

С Фионой я познакомился благодаря своему дружку Пинки, который делал вполне почтенную карьеру в Хаттон-Гардене, но занимался куда менее почтенными делами в квартире, которую мы снимали в Мейфэре на паях. Учтывая, что с подросткового возраста я заводил исключительно неподходящие знакомства, мои родители весьма одобрили решение обзавестись холостячком берлогой вместе с Пинки. Они считали, что у Пинки есть голова на плечах. И даже не подозревали, что мой безупречный приятель – скупщик краденого у высшего круга, придворный еврей нового поколения, а клиентуру он себе вербует преимущественно среди юных наркоманок-дебютанток и слабаков-наследников, увязших в карточных долгах: они тибрили мамочкины драгоценности и рассчитывали благодаря связям Пинки обратить их в наличность. С Пинки они чувствовали себя спокойно, поскольку доверяли ему и понимали, что им не грозит встретиться с ним в свете.

– Что я ценю в вас, Шейлоках, – объяснял один аристократ, – так это что вас интересуют только деньги.

Между прочим, господин хороший, предки Пинки никакие не венецианцы, они прибыли из Варшавы через Антверпен, где занимались торговлей техническими алмазами и основали компанию, которой суждено управлять их заблудшему потомку – после того как старик Штраус отойдет от дел. Ввиду таких перспектив свахи Милл-Хилла считали Пинки прямо-таки филе-миньоном. Но ни он, ни я (тоже первосортный бифштекс) не стремились брать в жены милочек из Милл-Хилла, равно как продолжать трудоемкие дела отцов. От удушающих уз местного брака мы бежали сравнительно легко, а вот перерезать экономическую пуповину – это дело другое.

Как бы то ни было, но однажды в воскресенье явилась Фиона – с пластиковым пакетом «Хэрродз», где, как я позднее выяснил, лежала диадема ее старшей сестры.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – сказал я.

– Где Пинки? – осведомилась она.

– В Хаттон-Гардене, в магазине, – ответил я.

Она наморщила носик – словно само слово «магазин» подванивало. Так что когда она дошла до вопроса о том, чем занимаюсь я, я счел излишним признаваться, что я хоть и живу в Мейфэре, оставался и остаюсь обитателем Милл-Хилла. Представил себя там – в белом колпаке и заляпанном кровью халате – и прибег к невинной лжи:

– Я – врач, точнее, хирург.

– Ого! – воскликнула она: это ее впечатлило, но не настолько, чтобы продолжать тему. От многих явное отсутствие индивидуальности отталкивает, но в случае с Фионой это лишь усиливало ее плотское очарование – как унылая оправа фамильной диадемы ее сестры подчеркивала великолепие бриллиантов.

Люди образованные знают, что случилось с дочерью царя Мидаса, когда он по рассеянности дотронулся до нее. Так вот, Фиона вполне могла бы быть ее сестрой. Золотые локоны, серые с золотистыми искорками глаза. Благодаря блестящим чулкам ее бедра и изящные икры отливали золотом. Лицо ее сияло. Если Клеопатра принимала молочные ванны, то Фиона, очевидно, купалась в меду. Под стать было и персикового оттенка платье. Вздуродная и манящая. Вместо воскресного ростбифа она, видно, ублаготворила себя иначе: есть не стала, но нанюхалась. Я взглянул на часы. Пинки вернется нескоро. И я решил, что есть время для полуденных любовных утех.

– Здесь не Букингемский дворец, – сказал я, – но все же лучше, чем в приемной у дантиста. По крайней мере, можно послушать музыку, пока не явится Пинки.

Фиона устроилась поудобнее, а я поставил «Дорз».

– «Пять к одному, детка, один из пяти», – захрипел ныне покойный Джим Моррисон, – «живым отсюда никому не уйти».

– Мерзко-то как, – сказала Фиона.

– Зато верно, – ответил я. Моррисон уже ударился в религию. «Тебе свое, детка, – пообещал он, – а мне свое». Такую философию я всецело разделял – и в теории, и на практике.

На этот случай у меня есть набор приемов – основаны они на виртуозном красноречии или на интеллектуальной изощренности. Но так как тут ни то ни другое было ни к чему, я решил разложить Фиону силой моего обаяния. Я хоть и не могу похвастать высшим образованием, но курсы обаяния, имеюся таковые, я бы закончил *summa cum laude*^[5]. Я красавец, и мускулатура у меня дай Б-г каждому, а это, само собой, помогает. Если вам нужен полноправный представитель интеллектуальной элиты, типа Артура Миллера, тогда советую познакомиться с моим кузенком Ноем, еще одним беженцем из Милл-Хилла. Сам не знаю, почему я до сих пор поддерживаю с ним связь: у нас нет ничего общего, разве что мы росли вместе и он – последняя ниточка, связывающая меня с прошлым. Честно говоря, не понимаю я, почему и он со мной не порвал, однако Ной – единственный из родственников, который не устроил шиву^[6], когда моя жизнь окончательно пошла наперекосяк. К вашему сведению, он придет через несколько минут, когда начнут пускать посетителей.

Итак, я подсел на диван к Фионе и сказал, что она похожа на Ширли Итон из «Голдфингера». Подумал, что это сравнение уместнее, чем экскурс в античную

мифологию, но она все равно не сообразила, о чем я толкую. Чтобы помочь ей, я описал знаменитую сцену, когда Бонд входит, а Ширли Итон лежит ничком на покрывале.

– Мертвая? – спросила Фиона.

– Мертвее не бывает, – ответил я, – и выкрашенная с головы до ног золотой краской. – Чтобы было понятнее, я руками изобразил, как ходила кисть по дублерше Ширли.

– А-а, – сообразила наконец Фиона.

Когда я вернулся из ванной, облаченный в стандартный презерватив, Фиона сказала:

– Извини, моя вера этого не допускает.

– И где же выход? – осведомился я.

– Есть много способов, дурачок, – ответила абсолютно голая, в чем мать родила, аристократка, – иначе миром бы правили католики.

Я не стал возражать и вошел в нее, как Папа Римский предписал.

– Б-же мой, Алекс, – взвизгнула Фиона, домчавшись до оргазма со скоростью «Летучего шотландца»^[7], – ты – супер! – Хотя основная моя специальность – обаяние, но и по второй – постельному искусству – я получил достойные баллы. – Где ты этому научился? – спросила моя новая подруга, очнувшись от посткоитального забытья.

Мне пошутить – как я это обычно делаю – и то было трудно:

– Я приобретал плотские познания, – сказал я, – на медицинском факультете.

– С кем, с сестрами? – спросила она.

– А то с кем же, – ответил я, – хотя с женскими трупами оно и того лучше. Главное – довести их до оргазма.

– Ты и это мог? – ахнула Фиона.

– Ну, если постараться... – ответил я.

– Ой, Алекс, – сказала глупышка, – хочешь, затрахай меня до смерти.

Я еще не успел ее прикончить, когда явился Пинки в сопровождении некоего щеголя, которого, если бы не избыток меланина, можно было бы счесть сливками общества. Оказалось, Васим родом из Лахора, впрочем, теперь, как и мы, он был полноправным обитателем Мейфэра. А еще он был владельцем Кенсингтонского хранилища ценностей, где Пинки укрывал свою добычу, пока подыскивал ей новых хозяев.

– Васим объединился со мной, потому что ему нужен совет по финансовым вопросам, – объяснил Пинки.

Васим с поклоном обратился к Фионе:

– Ваше очарование позволило мне ненадолго забыть о своих горестях, – сказал он. – Поэтому я перед вами в долгу. Если я смогу хоть чем-то отплатить вам, обращайтесь ко мне безо всякого стеснения. Обещаю, я не стану скрываться от вас, как скрываюсь от других кредиторов.

Я сразу распознал собрата: Васим, как и я, за словом в карман не лез, настоящий шмуцер¹⁸¹, как сказала бы моя матушка. Отбыл он уже в качестве подобострастного стража Фиониной контрабанды. Фиона же уходила удовлетворенной вдвойне – переполненная семенем Алекса и с сумкой, набитой побывавшими в обращении банкнотами от Пинки.

В скором времени и мне понадобилось посоветоваться с Пинки по финансовым вопросам. Жалованья, которое платил мне отец, едва хватало на квартиру в Мейфэре, а свидания с Фионой – она посещала лишь самые фешенебельные едальни – истощили мой бюджет. Пинки, золотой человек, согласился дать мне беспроцентный заем. Поверьте, после такого признание Фионы сняло камень с моей души: она сообщила, что я не единственный ее кавалер и помимо меня она встречается с парнем, который утверждает, будто он настоящий, хоть и непризнанный, наследник иракского престола. Ее радость, когда она поняла, что я не ревную, меня тронула.

– Ты в самом деле не против? – воскликнула она. – Ты готов продолжать в том же духе?

– Разумеется, – ответил я. – Все уже забыто! – Разве мог я обижаться на женщину с рефлексамми, как у собаки Павлова?

– Ой, Алекс, – восхитилась она, – какой же ты классный!

Она глубоко ошибалась, поскольку класс подразумевает основательность, а я был всего лишь люфтверкер – человек воздуха – и отлично понимал, что в один прекрасный день мой воздушный шар лопнет. Видимо, поэтому я всегда завидовал Ною. Он выглядел человеком основательным, глубоким: имел чудесную жену, читал лекции в Сент-Олбанском университете, имел и репутацию, и научные труды. И в довершение всего у него прелесть какая дочурка. Счастливым человеком, во всяком случае, так мне казалось. Теперь ему позавидует разве что Иов.

– По-моему, ты похудел, Ной, – говорю я, когда он с дочкой за ручку входит в комнату свиданий. – Знаешь, это уже слишком.

– Ты говоришь, как моя покойная мамочка, – угрюмо отвечает он.

Я переключаюсь на его дочь.

– Привет, куколка, – говорю я и целую ее в щечку. – Рад тебя видеть. – И тут замечаю шрам сантиметра в два у нее на лбу.

– Розы, бедняжка, – говорю я. – Какой кошмарный шрам! Что стряслось? С тебя что, скальп пытались снять?

– Несчастный случай, по глупости, – отвечает Ной. – Это было в Египте.

– Ах, да, – говорю я, – спасибо за открытку. – Я прошу гостей сесть. – А это мой Египет, – говорю я. – У нас такие жесткие надсмотрщики – жестче этих стульев. Разве что воду решетом носить не заставляют.

Когда мы наконец устраиваемся, Ной замечает, что у меня сломан нос.

– Б-г ты мой! – восклицает он. – Александр, что с тобой приключилось?

– Тоже несчастный случай, – отвечаю я. – Поскользнулся на обмылке в душе. – Он, конечно же, знает, в чем дело: по эту сторону решетки доносчики приравниваются к растлителям малолетних. – Развлеките меня, – говорю я, – расскажите, что подельывали по возвращении из земли фараонов.

– Папа водил меня в Лондонский университет на лекцию профессора Франкфуртера, – сообщает Роза.

– Узнаю твоего папашку! – хмыкаю я. – Другой отец повел бы дочь на диснеевские мультики или на «Кошки». Но не мой братец, для него это банально, так ведь, мистер Умник-Разумник? – Я вознагражден: Роза прыскает. – А этому необходимо шлепать^[9] тринадцатилетнюю детку слушать, как выживший из ума старый хрыч вещает о... Ной, просвети меня, поделись плодами своей мудрости, чтобы я мог побаловать ими сокамерников. – Я вижу, что посыпал солью свежую рану.

– Меня издевками не прошибешь, Натан, – говорит Ной. – Уж не полагаешь ли ты, что я должен позволить Розе стать пассивной потребительницей? Я что, напрасно направил ее в Бельмонт, а не в Brent-Cross^[10], а раз так, я хочу, чтобы она изучала историю и английский, а не обучалась таскаться по магазинам. Полагаешь, что я злоупотребляю родительской властью, когда внушаю ей, что жить – значит не только получать и тратить? – Лицемерный резонер! Когда мы были подростками, Ной начал заикаться. Я всегда был нахалом, а он-то считал себя умником-разумником, и я очень огорчился, когда он перестал заикаться так же внезапно, как и начал. Когда потоки его речи вновь полились беспрепятственно, меня так и подмывало врезать ему по носу. И теперь я испытываю это желание с удвоенной силой.

– Признаю свою ошибку, – говорю я и сжимаю кулаки. Но бить не бью, предпочитаю ранить его словом. – Роза, – говорю я, – будь добра, расскажи Алексу, чему ты научилась у профессора Франкфуртера.

Роза заливаается краской, а полоска на лбу белеет.

– Что в новейшей истории еврейского народа были не только трагедии, – говорит она, – были и великие достижения.

– И ему понадобился целый час, чтобы это сообщить? – спрашиваю я.

– Я не все слышала, – признается Роза. – Я заснула.

Я, торжествуя, обращаюсь к Ною:

– Будь так любезен, заполни пробелы, – прошу я.

– Я тоже не все слышал, – отвечает он.

– Ей-Б-гу, – кричу я, – должно быть, история не знала лекции скучнее!

– Напротив, – отвечает Ной, – начал он лекцию исключительно эффектно.

Выдающийся ученый, почетный профессор, чей всемирно известный голос не поднимался выше гипнотического шепота, воззвал к нам, своим слушателям, и попросил отринуть недоверие и представить себе мир, где не было Холокоста. Шесть миллионов погибло, этого отрицать – упаси Б-г – не надо, он только хотел, чтобы мы вообразили современную Восточную Европу, где еще бурлит еврейская жизнь. Наш эрудированный гид провел нас по этому воображаемому содружеству, обратил наше внимание на разнообразные достижения этого потерянного поколения, благодаря которым Нобелевская премия стала еврейской монополией. И вдруг ни с того ни с сего заговорил об Эссексе, точнее, о еврейском Эссексе, имея в виду, по-видимому, наши Чингфорд и Илфорд. Почему профессор выделил именно эти места? Уж не намеревался ли он противопоставить их Вене, Праге и Львову, высмеять их в качестве среза англо-еврейской культуры? Но я уже перестал его слушать. Два коротеньких слога – «эс-экс», и я уже чувствовал себя Прустом, откусившим знаменитую размоченную в чае мадленку. Возможно, профессор мог оживить и мертвых, но удержать меня ему было не под силу – я был в иных местах, гулял по саду.

Во всяком случае, на вид это был сад как сад, с ивами и розами, картину портила лишь высоченная труба, которая извергала жирные клубы черного дыма. Я вошел в крематорий, назвал имя жены, подождал, пока служащий отыщет картонную коробку с урной, поставил ее на заднее сиденье машины. Доехав, я решил, что негоже оставлять ее там, отнес в дом и положил на диван. В тот день Роза примчалась из школы позднее обычного. И тут же заметила коробку. «Что это?» – спросила она. «Не что, – ответил я, – а кто». Мы отвезли Черити в Эссекс, развеяли ее прах над деревушкой, ставшей навсегда ее пристанищем. Так завершился ее страшный *via dolorosa*^[11]. – Он улыбнулся дочке. – Поэтому я и не могу рассказать тебе, о чем еще говорил профессор. Возможно, слушай я повнимательнее, я бы узнал, какое чудо поможет сотворить мир без рака, мир без палаты номер одиннадцать в его преисподней, мир, в котором все еще заключена моя жена.

Я не могу без содрогания вспомнить предпоследнюю остановку Черити на ее крестном пути – палату номер одиннадцать, палату для раковых больных. Я сейчас сижу в тюрьме, и в моем нынешнем заключении есть хотя бы какая-то логика, справедливость, если хотите: преступление повлекло за собой наказание. Но в чем провинилась Черити, за что она попала в камеру смертников? Ее хлебом не корми, дай сделать доброе дело. Она была заместителем директора специализированной школы на окраине Уотфорда, где обучали трудных детей, ребятишек, с которыми не справлялись обычные школы. После ее смерти директора таких школ писали Ною прочувствованные письма – не удивлюсь, если

все они были в нее влюблены. Почему бы и нет? Мне и самому она нравилась, хотя такого социопата и поклонника Тэтчер, как я, она бы за милую обходила. Политически активный директор школы – совсем другое дело, возможно, она отвечала им взаимностью – на словах или даже на деле, но это не столь серьезное правонарушение, во всяком случае не такое, за которое надлежало подвергать ее брэнную плоть адским мукам.

Ей было всего сорок шесть, хотя когда она поступила в палату номер одиннадцать, она выглядела собственной бабушкой. Впрочем, к тому времени ей уже было все равно, как она выглядит. Тщеславие, достоинство, силу воли – сжирающая плоть боль победила все. На столике у кровати лежали аккуратно сложенные шелковые платки, а на подушке покоилась ничем не прикрытая лысая голова. Ее длинные волосы выпали посреди зимы – все сразу, через десять дней после первого сеанса химиотерапии, когда в них еще жила надежда, что она поправится. Ной вспоминал, как обнаружил их в ванной, они торчали из плетеной корзины, как шевелюра на отрубленной голове. Так оно, в сущности, и было.

– Перемены есть? – спросил я, хотя все понимал, как не понимать.

– Не к лучшему, – ответил Ной. Тогда еще, хоть сейчас в это трудно поверить, была надежда, что есть такое средство. Теперь-то мы поумнели, знаем, что средство, которое прописал всемирно известный онколог, сидя в своем заставленном книгами кабинете, было лишь прекрасной идеей, средством сугубо теоретического свойства. Он, наподобие старых мастеров, сделал гениальный набросок, а воплощать замысел отправил учеников в свою мастерскую, где, как они ни тщились, от его замысла осталась лишь бледная тень. Так и панацея, предложенная великим онкологом, оказалась бессильна перед человеческой слабостью – и Черити, и врачей, не говоря уж о распорядке больничной жизни.

Я заметил, что женщина на соседней койке выглядела еще хуже Черити. Через несколько мгновений, увидев, что занавески у ее кровати задергивают, я догадался, почему. Сквозь щелку между занавесками я разглядел, как две медсестры причесывают ее, поправляют постель – готовят усопшую к последней встрече с безутешными посетителями. Они о чем-то болтали, быть может, о грядущих выходных. Вдруг их хлопоты и беседу прервал дикий, достойный кисти Мунка^[12] крик. Они озирались, пытаясь понять, кто кричит, и увидели не убитого горем супруга, а другую медсестру: она стояла на цыпочках на стуле и в ужасе показывала на дверь, открытую из-за летней духоты. В нее-то и залетел едва оперившийся птенец-дрозд.

– Что ты шум поднимаешь? – спросила медсестра, статью походившая на горничную из мультфильма про Тома и Джерри.

– Это же не мышь, всего лишь птичка.

– Я их до ужаса боюсь, – простонала вспорхнувшая на стул медсестра, – умоляю, уберите его!

Другая медсестра хмыкнула и, сложив руки лодочкой, наклонилась к заплутавшему птенцу. Почувствовав, что хищник уже несется к нему, расправив крылья, птенец благоразумно отпрыгнул и нашел прибежище под соседней кроватью. Толстуха-медсестра опустила на колени, выставив на обозрение внушительный зад, и попыталась выманить птицу из укрытия.

– Иди сюда, детка, – заурчала она, – иди к мамочке.

Естественно, до смерти напуганная пташка не поддалась на уговоры и осторожно заковыляла на желтых лапках прочь, вдоль стены. Медсестра на четвереньках продолжала погоню за птенцом, к ней присоединились все коллеги за исключением той, что забралась на стул, и тех двух, которые обихаживали усопшую, – однако и они наслаждались зрелищем. И что тут такого? Если смерть угнездилась в Аркадии, почему бы *joie de vivre*^[13] туда не залететь?

Птица всласть заставила за собой погоняться, но в конце концов, как и следовало ожидать, была загнана отрядом медсестер под кровать усопшей. Все опустились на колени, чтобы не выпустить птицу из-под кровати, а о мертвом теле наверху и думать позабыли. Труп также не обращал ни малейшего внимания на воркотню дочерей Папагено^[14] у него под кроватью. Крылатый пленник замер, явно приняв сестер милосердия за ангелов смерти. Суматоха продолжалась до тех пор, пока нечеловеческий крик не раздался снова и птицеловы не умолкли.

– Это просто цирк, – одна из сестер расхохоталась. – Не успеем поймать одну, как прилетает другая.

По приказу своей толстозадой предводительницы они вновь нырнули в нижний мир и защибетали.

Осиротевший супруг, онемев, изумленно взирал на выставленные в ряд задницы. Быть может, он решил, что так отдают последнюю дань его жене, что это заупокойная молитва на мусульманский лад, освященный временем ритуал, принятый в палате номер одиннадцать. Если так, то он понял, что заблуждался, когда больничная Диана восстала, торжественно зажав в кулаке окаменевшую от ужаса птицу. Ее коллеги тоже поднялись – ни дать ни взять группа умалишенных на подпевках. Увидев супруга покойной, они попытались покончить с весельем так же, как Ричард III со своими племянниками в Тауэре. Но в отличие от принцев веселье было не придушить.

– Неужели в вас нет уважения к горю? – возопил несчастный, стараясь держать себя в руках. Признаюсь, я и сам смеялся, готов поклясться, что и Ной улыбнулся.

Если мир разделен на тех, кто в палате номер одиннадцать, и тех, кто может свободно приходить и уходить, то это указывало, что Ной, как ни страдает за жену, все еще на нашей стороне. В то же время положение Черити подтверждало, что границы далеко не устоялись и что даже самые великодушные и оптимистичные из нас не защищены ни от чего. Жуешь себе спокойно травку вместе со всем стадом, а потом – раз, и твоя туша уже красуется в витрине «Мясной империи Макси». *C'est la vie*^[15].

Однако *comedie larmoyante*^[16] на том не кончилась. С леденящим кровью воплем вдовец кинулся к одру.

– Вот это горе так горе, – восхитился Ной.

Тем временем смущенные медсестры открыли окно и смотрели, как птенец воспаряет к небесам – словно душа покойной улетела ввысь.

– Профессор Франкфуртер говорил вовсе не об Эссексе, вот в чем ирония. – Ной наконец решается прервать молчание. – Я его неправильно понял: сам виноват, забыл, что у него сильный акцент. Видишь ли, он обсуждал этику, – гогочет Ной. – Этику, а не Эссекс.

– Этика-шметика, – говорю я, – да люди вроде этого профессора просто хотят вам внушить, будто их только этика и заботит. Не верь ты ни единому его слову. Взять хоть эту чушню про мир, в котором жертвы Холокоста остались бы живы. Вот уж чего Франкфуртер никак бы не хотел. Понимает: вернись эти шесть миллионов, что было бы с его *raison d'être*^[17] и драгоценным моральным превосходством. Достопочтенный профессор может костерить нацистов и их приспешников, но все это – детский лепет по сравнению с остервенением, с которым он говорит об истинных злодеях, своих конкурентах. Все это суета, братец, суета сует. Что ты так скептически на меня смотришь? Если соблаговолишь выслушать, приведу доказательства.

Рози зевает. Я глажу ее по головке и адресуясь к ее отцу.

– Пару лет назад один мой друг, точнее бывший друг, стал литературным редактором «Еврейского голоса». Человек энергичный, он решил во что бы то ни стало заполучить в авторы всевозможных знаменитостей и, естественно, пригласил и Франкфуртера. Гигант мысли согласился при условии, что газета, ранее позволившая себе задеть его, искупит свою вину. И соответственно, когда вышел очередной шедевр профессора, редактор заказал рецензию поклоннику нашего профессора, человеку известному. По счастливому совпадению в редакцию тогда же заглянул подрабатывавший там фотограф и упомянул, что завтра профессор будет ему позировать. «Вам снимки показать?» – спросил он. «Разумеется», – ответил редактор. Он свое обязательство выполнил, опубликовал весьма лестную рецензию, да еще вкуче с фотографией нашего мудреца.

Через несколько недель его пригласили на публичную лекцию выдающегося педагога в кембриджском Тринити-Колледже. Он отправился туда груженный книгами. Когда разглагольствования закончились, избранная публика удалилась в бар в углу университетского двора, где редактор, втершийся в свиту профессора, продемонстрировал свой товар в надежде, что какой-нибудь из волюмов придется великому человеку по вкусу. Профессор был сама любезность, однако сообщил, что есть некая деталь, которую он предпочел бы обсудить с глазу на глаз. И наша парочка направилась по лужайке к обеденному залу. Едва они оказались вне пределов слышимости, настроение профессора резко переменялось. Он принялся грозить пальцем, отчитывал редактора как последнего дурака и орал, да-да, орал: «Могла бы быть и лучше! Могла бы быть и лучше!» Рецензия и впрямь не слишком глубокая, подумал ошарашенный редактор, но гением-то его назвали. Чего ему еще надо? «Я все утро провел с фотографом, которого вы прислали, – рвал и метал профессор, сомкнув в рамку большой и указательный пальцы, – а вы

напечатали снимок с почтовую марку. Вот что я вам скажу, сэр: фотография могла быть и получше!»

Отлично понимаю чувства профессора. Я тоже взбесился, когда «Еврейский голос» напечатал мою фотографию, впрочем, по обратной причине. На хрена выбрали такую здоровую?

– Анекдот из жизни знаменитости, – говорит Ной. – Прежде чем сделать вывод, я бы хотел заслушать противоположную сторону. А что, если фотограф помешал записать какой-то важный сон, оказался, так сказать, человеком из Порлока?^[18]

Я пропускаю его слова мимо ушей.

– Почему ты не можешь признать, что Франкфуртер – дутая величина? – говорю я. – Может, у меня мозги и послабее, чем у тех, кем ты восхищаешься, но я по крайней мере не лицемер. Я – наглый прохиндей, которого застукали с поличным, и ничего из себя не строю.

Впрочем, стиль у меня был всегда: мое кредо – *le style est l'homme me^me*^[19], вот почему клиенты Пинки меня приглашали на приемы, а его нет. Впервые с претендентом на иракский трон я встретился на новоселье, где хозяйкой выступала некая прерафаэлитская красавица с тягой к постмодернизму. На Фионе было платье, разрезавшее ее по экватору и едва прикрывавшее тропики, а сопровождавший ее несостоявшийся тиран был облачен в синий блейзер, отутюженные брюки и мокасины из мягкой кожи. Выглядел он довольно щеголевато, зато детали подобрал с умом: шелковая рубашка с монограммой, запонки с гербом, армейский галстук, знак отличия в петлице – все это ненавязчиво указывало на королевское происхождение. Однако я на все это не повелся: он был даже не принц, а всего-навсего актер, опустошивший костюмерную. И даже не Кэри Грант, а Тони Кертис в «Джазе только девушки». Мне наставлял рога обычный аферист, трепач с кровью не голубее моей. Да и вряд ли он из Ирака. Араб – что да, то да, это я еще допускаю.

Арабский шейх огляделся и, заметив меня, самумом пронесся через многолюдную залу. Я не отступил и готов был постоять за свое *le`se-majesté*^[20]. Однако наш доморощенный король Хуссейн был само дружелюбие.

– Наша встреча – это перст судьбы, объявил он и протянул мне руку. – Нам суждено стать если не братьями по крови, то хотя бы *confre`ges*^[21]. Как иначе назвать мужчин, которым выказывает расположение одна и та же женщина, чье семя смешалось в ее чреве? Расскажите мне о себе. Насколько я понял, вы врач. Это так?

– Точнее будет сказать, хирург, – скромно ответил я.

– Великолечно! – сказал он. – Мой кузен Саддам работает костоправом в Мидлсексе. Вы случайно о нем не слыхали?

– Увы, нет, – ответил я. – Я работаю с Магдой Якубом в Хэрфилде.

– Какое совпадение! – обрадовался он. – Другой мой кузен, Валид, правая рука сэра Магды. Собственно говоря, в воскресенье утром меня пригласили послушать, как сэр Магда будет петь в церковном хоре. Вы тоже там будете?

– К сожалению, нет, – сказал я. – В эти выходные я дежурю.

– Какая жалость, – сказал он. – Мы могли бы пойти туда вместе. Обменялись бы впечатлениями о Фионе. Быть может, пообедали бы в любимом пабе сэра Магды. Не напомним, как он называется?

Я понимал, что он блефует, и тут же придумал название.

– «Голова сарацина», – сказал я.

– Ну как же! – ответил он. – Как я мог запомнить?

Я не упустил возможности перехватить инициативу.

– Вас и в самом деле прочат на иракский престол? – спросил я. – В таком случае я мечтал бы услышать, как вы пережили кровавую бойню пятьдесят восьмого. Я был уверен, что тогда вырезали всю королевскую семью.

– Touché!^[22] – расхохотался псевдопринц. – Пора прекращать этот фарс. Я такой же принц Башир, как вы врач. Башир-то я Башир, но не принц. Мы оба – как бы это выразиться? – хамелеоны. Не то что эти избалованные хлыщи, которых не интересует ничего, кроме собственных удовольствий. Мы живем своим умом. Фиона верит нашим рассказам не потому, что беспробудно глупа, а потому, что ее никто, в сущности, не интересует и ей все равно, правду ей говорят или врут. Я неплохо изучил англичан и пришел к выводу, что главная черта их аристократов – отсутствие любопытства. Вы же, напротив, человек проникательный. Стоило вам на меня взглянуть, я понял: вы меня раскусили. Вероятно, даже догадались, что я не из Ирака. Уверен, вы с ходу распознаете маронита^[23] из Восточного Бейрута. Думаю, Фиона и не подозревает, что есть и арабы-христиане; для нее араб – он и есть араб. Бьюсь об заклад, ей и в голову не приходит, что вы еврей.

Он вскинул руку.

– Друг мой, прошу, не надо возражать – не оскорбляйте меня. – В его словах таилась угроза, и я понял, что мой новый приятель Башир не прощает оскорблений.

– Зачем бы я стал это отрицать, – сказал я. – Разумеется, я еврей.

– Прекрасно! – сказал он. – У меня нет никаких предубеждений на этот счет. Я постоянно веду дела с евреями. Так что когда Фиона аттестовала мне Пинки – должен сказать, не самым лестным образом, – я подумал: вот человек, с которым можно проворачивать дела. Будьте так любезны, представьте меня ему в ближайшем будущем. Возможно, вас это удивит, но у себя на родине я сотрудничаю в основном с

израильтянами. Наши политики никак не могут найти общий язык, религиозные фанаты вцепляются друг другу в глотки, однако рад вам сообщить, что среди моих коллег-торговцев царят мир и согласие. Мы преодолели свойственную нашим народам взаимную ненависть и стали подлинными интернационалистами. Смею вас уверить, в современном преступном мире границ не существует. Урожай, собранный в долине Бекаа в среду, уже в четверг попадает на рынки Тель-Авива или Дамаска. Нас, как и всех провидцев, зачастую понимают неправильно. Мы считаем себя авангардом капитализма, а нас обвиняют в злонамеренности и растлении невинной молодежи. – Он пожал плечами. – Прибыль есть, почета нет. Что ж, можно жить и без этого. Теперь, мой друг, ваш черед раскрывать секреты, – улыбнулся он. – Удовлетворите мое любопытство: если вы не хирург, чем вы на самом деле занимаетесь?

– Я работаю в отцовском магазине в Милл-Хилле, – признался я. Однако такой скупой ответ его не удовлетворил.

– В магазине? – переспросил он. – И что это за магазин?

– Кошерная мясная лавка, – с вызовом ответил я, – одна из крупнейших на северо-западе Лондона.

– Сколько у нас общего! – расхохотался ливанский наркобарон. – Мой отец тоже был мясником. Во всяком случае, так называли его враги, а имя им легион. Самым болтливым был Тони Франджипане, он держал собственную армию. Вроде бы отец Тони и мой отец рассорились на какой-то крупной христианской сходке. Дело обычное, но Тони взъярился и решил отомстить. Он велел своим людям пристрелить моего старшего брата. Тогда мой отец собрал человек пятьдесят фалангистов и окружил дом Тони. Тони понимал, что сдаваться не с руки. Все было как в кино типа «Перестрелки в “О’К Коралл”»^[24]. К счастью, мы постояли за себя не хуже Эрпов. Когда перестрелка закончилась, оказалось, что погиб не только Тони, но и его жена, дочь, телохранители, слуги и скот. Можете себе представить, что фалангисты делали с палестинцами, если они так расправились с братьями-христианами. Все это было на моих глазах. Отец взял меня с собой, когда мы вошли в Сабру и Шатилу^[25]. «У нас строгий кодекс чести, – сообщил он мне. – Девочек младше двенадцати насиловать запрещено. – Он обнял меня за плечи. – Это Бейрут, сынок, не Копенгаген. Иди развлекайся». В те времена я был джентльменом – не обесчестил ни одной моложе семнадцати. Увы, когда дошло до казней, выбирать не приходилось. После резни я смотрел, как отец и его закадычные дружки празднуют легкую победу. Они резвились как школьники – палили из ружей в воздух, пили «Шато Мюзар» из горла. Но чего добились эти Дон Кихоты? Перестреляли несколько сотен безоружных палестинцев? Славы такая победа не принесет. И чего, спрашивается, величаться – это все равно как если бы работники бойни, поставщики вашего отца, праздновали триумфальную победу над стадом покорных коров. Наверняка, когда вы рубите мясо или четвертуете курицу, ваше воображение рисует куда более славные подвиги. И я был такой же, разве что готов был не только строить воздушные замки, а делать дело. Отца его бойцы считали героем, а я видел лишь мелкого князька, провинциального Муссолини. Я разбил ему сердце, когда отказался ему наследовать и покинул Бейрут. Однако оно того стоило: я упорно трудился и добыл состояние. А теперь приехал в Лондон, чтобы добыть славу.

Ī ādānā nī āl āēēnērā Āādū Ī dīdērāē

[1] Дух времени (нем.).

[2] Свобода действий (фр.).

[3] Местечковый (идиш).

^[4] Парики (идиш).

^[5] С отличием (лат.).

^[6] Семидневный траур (иврит).

^[7] Железнодорожный экспресс «Лондон – Эдинбург».

^[8] Здесь: нахал (идиш).

^[9] Здесь: волочить (идиш).

^[10] Brent-Cross – первый крупный торговый центр в Англии, открылся в Лондоне в 1976 году.

^[11] Крестный путь (лат.).

^[12] Эдвард Мунк (1863–1944) – норвежский художник-экспрессионист. «Крик» – его самая известная картина.

^[13] Радость бытия (фр.).

^[14] Птицелов Папагено – персонаж оперы Моцарта «Волшебная флейта».

^[15] Такова жизнь (фр.).

^[16] Слезоточивая комедия (фр.).

^[17] Смысл существования (фр.).

^[18] Английский поэт С. Кольридж говорил, что поэму «Кубла-хан» сочинил во сне. Когда он сел записать ее, к нему неожиданно явился человек из города Порлок, и поэма улетучилась из его памяти. С тех пор нежданного визитера называют «человеком из Порлока».

^[19] Стилль – это человек (фр.). Эта фраза принадлежит французскому естествоиспытателю Жоржу де Бюффону (1707–1788).

^[20] Здесь: оскорбленное величество (фр.).

^[21] Собратья (фр.).

^[22] Здесь: задет (фр.).

^[23] Марониты – представители особой ветви католической церкви в Ираке и Ливане.

^[24] Американский вестерн 1957 года, главный герой – ковбой Уайетт Эрп.

^[25] Лагерь палестинских беженцев, в которых христиане-фалангисты устроили резню в 1982 году.

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2008 ХЕШВАН 5769 – 11(199)

НЕМОЙ МИНЬЯН

Õàèì Áðàää

Í ðãñëæáí èá Í à: àèí á ¹ 9, 10, 2008

НЕВЕСТКА-ХРИСТИАНКА

Вывеска «Рахмиэл Севек и сын» по-прежнему мирно висела над входом в лесоторговую фирму на Заречье. Но ссора между отцом и сыном только усиливалась. Хаче Севек уже выгнал из дому свою жену-христианку вместе с их дочкой. Отец сказал сыну, что у него нет еврейского сердца и что этим он совершил еще больший грех, чем когда женился на Хеленке. Рахмиэл Севек и его сын даже внешне были полной противоположностью. Отец – еврей с опущенными узкими плечами и высохшим лицом. Сын – плотный крепыш с курносым носом и низким упрямым лбом, нависавшим, как балка, над парой маленьких прозрачных глазок, в которых горел темный огонек недоверия и наглости. Хаче смеялся: как это теперь он совершил больший грех, чем женившись на гойке?^[1] Рахмиэл взглянул на сына и вдруг почувствовал ненависть к его матери, лежащей в могиле. Сынок был похож на нее и внешностью, и тяжелым характером.

– Гойка? Так говорят о женщине, с которой произвели на свет ребенка? Раньше еще находились люди, которые тебя не осуждали, потому что они не считают важной разницу между евреями и христианами. Теперь все будут считать тебя мерзавцем, потому что ты выгнал свою жену.

– А ты хочешь, чтобы я жил с пьяницей? А ты не знаешь или притворяешься, будто не знаешь, что она пугалась с другими?

– Пить Хеленка принялась от обиды на тебя, а в то, что она имела дело с другими, я не верю. Даже если твое подозрение имеет под собой основания, это твоя вина, потому что ты вдруг разлюбил ее.

Хаче Севек, помимо прочего, отказался содержать жену с ребенком. Свекор приносил ей каждую неделю деньги из своего кармана. Хеленка все еще пыталась выведать у свекра, почему ее возненавидел муж. Рахмиэл Севек не хотел оговаривать собственного сына и отвечал, что виновато время. Поляки возненавидели евреев так же, как нас ненавидят немцы. Из-за этого Хаче увидел, что разница в происхождении не может стереться. «Разве я виновата, что немцы и поляки ненавидят евреев?» – спрашивала Хеленка, и свекру нечего было ей ответить. «Может быть, он еще возьмет меня назад?» – снова спрашивала она. Но как бы сильно Рахмиэл Севек ни сочувствовал невестке, ему не хотелось, чтобы его единственный сын взял назад христианку, а он сам стал дедом целого выводка нееврейских внуков. Он отвечал с некоторой хитростью, что не знает, стоит ли Хеленке желать вернуться к Хаче, раз он к ней больше не привязан. Разве она готова перейти в иудаизм и вести себя как еврейка?

Хеленка была худенькая и невысокая, со светлыми волосами надо лбом и темно-рыжими за ушами и на затылке. Ее голубые глаза смотрели с испугом и любопытством, ее движения – проворные, как бы подпрыгивающие – напоминали птички. Трудно было поверить, что эта Хеленка, сама наполовину ребенок, может пьянствовать и к тому же изменять мужу, как подозревал Хаче Севек. Но она могла вдруг рассмеяться сухим смехом опытной женщины и ответить умнее, чем от нее ожидали.

– Отец, – сказала она свекру, – когда ваш сын хотел меня, мое происхождение и религия его не волновали. Но с тех пор, как ему снова нравится его прежняя, что толку, если я буду вести себя как еврейка. Пока я была женой вашего сына, вы тоже каждый вечер позволяли мне стягивать с вас сапоги, хотя он женился на мне без вашего согласия.

Хеленка говорила сильным голосом, она буквально охрипла от злости на свекра, который хитрит с ней, как всякий еврейский лавочник.

После подобных разговоров с невесткой-христианкой плечи Рахмиэла Севека еще больше опускались. Его Хаче снова гулял с еврейской девушкой, на которой собирался жениться до того, как встретил Хеленку. Так что ж ему быть против женитьбы сына на порядочной еврейской девушке? Лесоторговец соскучился по молельне, куда он стыдился приходить, с тех пор как его сын женился на шиксе. Обыватели уже прослышали, что Хаче Севек разошелся с христианкой, и встречали лесоторговца так, словно он вышел из долговой тюрьмы, в которую попал за долги компаньона. Евреи поздравляли его. Рахмиэл Севек не мог слышать этих поздравлений.

– Пусть Хаче больше не живет с женой-христианкой, разве я могу забыть, что у меня есть внучка-нееврейка? А разве саму жену с ребенком вам не жалко?

Старые знакомые пожимали плечами и отвечали, что у него должен быть праздник вместо будней. Рахмиэл Севек сердился еще больше: и это евреи, милосердные сыны милосердных?

Когда он пришел получить расчет за дрова с госпожи Песелес, владелицы хлебопекарни, она тоже направилась к нему с просветленным лицом. Увидев его мрачную мину, Хана-Этл напомнила ему, как он страдал, когда его сын женился на христианке. Так что теперь ему нечего жалеть, что они расстались. Рахмиэл Севек не смолчал:

– Вы же добросердечная женщина, вы не требуете квартплаты с бедняков, живущих в вашем дворе, и оказываете поддержку изучающим Тору. Я не могу радоваться, что Хаче опозорил и выгнал мать своего ребенка. Как вы не понимаете!

Но Хана-Этл дала ему такой ответ, от которого он остолбенел:

– Играйте, играйте с огнем. Если вы будете мучить сына и дальше, он снова бросит еврейскую невесту и женится на какой-нибудь христианке.

На следующий день лесоторговец зашел к обеим замужним дочерям пекарки получить расчет за дрова, которые он посылал в их кондитерские. Обе женщины намекнули ему, что теперь он мог бы жениться на их матери; раньше это было несподручно из-за его невестки-христианки. Лесоторговец ничего не ответил. Лишь печальная улыбка появилась на его тонких губах, его острый кадык и длинный нос свидетельствовали, что для него дело с невесткой-христианкой еще не закончено. Вечером дома он снова начал упрекать сына, а тот ему ответил:

– Знаешь, папа, что я тебе скажу? С первого дня, как я привел Хеленку в дом, она больше нравилась тебе, чем мне. Хана-Этл для тебя старовата.

Рахмиэл Севек не находил себе места и на следующий день. Полдня он крутился по переулкам рядом с Синагогальным двором, пока ему не пришло в голову зайти в молельню, прозванную «Немым миньяном». Столяр несколько раз брал у него для здешнего дома учения дерево. Стоит взглянуть, что он с ним сделал. Столяра в молельне он не встретил, но сразу заметил его работу: заплаты из белых обструганных досок в полу, свежие ступеньки, ведущие к ковчегу и биме, дополнительные перекладины, призванные укрепить разваливающиеся скамьи и пюпитры. Лесоторговец вспомнил покойного соседа реб Шмуэла-Йосефа Песелеса. Тот наверняка бы поразился, если бы дожил и увидел, как простой еврей взял на себя доброе дело привести в порядок его дом учения. Рахмиэл Севек подумал о вчерашнем разговоре с замужними дочерьми Ханы-Этл Песелес. Они хотят женить его на своей матери, но ему слишком поздно начинать все заново. Кроме того, Хана-Этл не желает иметь дела с его невесткой-христианкой. Но он не может и не хочет освободиться от Хеленки. Кажется, там, в углу сидит слепой проповедник реб Мануш Мац.

Рахмиэл Севек никогда не носил золотых колец, дорогих часов и не обращал внимания на одежду. Теперь все это тем более его не интересовало. По его поношенному демисезонному пальто, согбенным плечам и всегда озабоченному виду можно было подумать, что он мелкий лавочник, который не может расплатиться с долгами. Но он был и богат, и щедр на жертвования. С тех пор как на него свалились беды, он стал еще щедрее. Обыватели объясняли это тем, что он хочет откупиться от Б-га и от людей за свою невестку-христианку. Но Рахмиэл Севек не от кого не хотел откупиться и не пытался выглядеть евреем, углубившимся в религию или покаянно вернувшимся к вере. «Что еще осталось мне в этой жизни, – думал он, – кроме помощи нуждающимся евреям, изучающим Тору?» Проповедник реб Мануш Мац был одним из тех нуждающихся, которым лесоторговец время от времени вкладывал в руку подаяние. И на этот раз он взял слепого за руку: «Мир вам, ребе». И оставил в его руке бумажную купюру.

Слепец по голосу и по пожатию руки узнал дающего. Он знал, что тот же самый еврей дает дерево на ремонт и украшение дома учения. Реб Мануш принялся описывать, сколь велико воздаяние за пожертвование. Особенно когда еврей занимается ремонтом святого места: тогда для него открыты 310 миров. «Не я заслужил столь почетное место в грядущем мире и не я жду его», – вздохнул Рахмиэл Севек, и по его костлявому лицу пролегли тонкие морщины, протянувшиеся из-под глаз через щеки к уголкам рта. Он уселся рядом с реб Манушем Мацем и печально покачал головой. «Что я даю, с позволения сказать, и какую ценность имеет мое усердие?» Лесоторговец был рад излить свое сердце перед достойным евреем. Слепой проповедник для каждого находил слово утешения, может быть, и для Рахмиэла Севека оно у него найдется? «Ой, ребе, мне нужна чаша сострадания!» Севек со стонами рассказал всю историю про невестку-христианку и добавил в заключение, что сердце у него разрывается от жалости к брошенной сыном жене, хотя она и дочь необрезанных.

– Гвалд! Гвалд! – Слепой принялся стучать по полу палкой, которую он всегда держал в руке. – Как мог молодой еврей вести себя так безответственно? Ведь не оставляют в поле в непогоду даже домашнюю скотину, тем более человека и к тому же собственную жену.

Сначала Рахмиэл Севек обрадовался: сам Б-гобоязненный проповедник согласен с ним, а не с этими святошами и якобы добрыми евреями, которые не питали к его брошенной невестке никакого сочувствия. Но потом он еще больше озаботился, ибо в глубине души лесоторговец надеялся, что проповедник найдет оправдание его сыну Хаче, а не ему, отцу. Рахмиэл Севек потер свой острый кадык и спросил не без задней мысли:

– Разве я могу, ребе, требовать от сына, чтобы он вернул эту иноверку?

Но реб Мануш Мац стоял на своем: «Гвалд! Гвалд! Такую мерзость нельзя простить даже собственному сыну. Помимо обиды брошенной жены возрастает и ненависть к евреям». Слепой так разволновался, что встал и снова начал стучать своей палкой о пол: «Скандал! Скандал!»

Однако отцу не хотелось, чтобы проповедник считал его сына конченным нечестивцем. Он принялся говорить со стоном: с другой стороны, ведь и христианка не из чистого золота. С тех пор как она поняла, что муж к ней не вернется, она все время говорит ему, свекру: «Ваш сын ведет себя со мной как любой еврейский лавочник». Исключение из всех евреев она делает только для него, свекра; его она не считает обманщиком, потому что он содержит ее с дочерью. То есть его Хаче не совсем не прав. Его грех состоит только в том, что он не подумал обо всем этом прежде, чем женился на Хеленке. Теперь он вернулся к своей прежней, еврейской невесте – а там тоже неприятности. Невеста все еще готова выйти за него замуж, но ее родители говорят, что волей-неволей Хаче будет должен заботиться о ребенке иноверки всю жизнь, а то и забрать его в свой дом. А главное, говорят родители девушки, мы не доверяем молодому человеку, который сначала бросает еврейскую невесту ради деревенской шиксы, а потом бросает свою деревенскую жену с ребенком ради прежней еврейской невесты. Даже его собственный отец, говорят они, не хочет вмешиваться.

– Хаче и его невеста предлагают мне пойти к ее родителям и пообещать, что он будет верным мужем, хорошим зятем и будет вести себя по-людски. Так что вы скажете, ребе? В конце концов, я отец, и я хотел бы дожить до радости посадить еврейского внука себе на колени. Одна женщина, умная и почтенная женщина – вы ведь знаете Хану-Этл Песелес! – сказала мне верные слова, что, если я не помогу своему сыну выйти на верную дорогу, он может от горечи и назло мне вторично жениться на какой-нибудь христианке. Так что вы скажете, ребе?

– Я уже ничего не говорю, – вздохнул слепой проповедник, снова усаживаясь на скамью. – Но постарайтесь по возможности, отсылая бывшую жену назад к ее народу и ее вере, чтобы она не страдала с ребенком от нужды.

И обе головы, слепого проповедника и лесоторговца, еще долго качались в печальном молчании, словно голая ветка поздней осенью, которая устало и медленно качается вместе со своей тенью.

□ Иноверка (идиш).

ПАВЕЛ ГРУШКО

От поры до времени некоторые воспоминания становятся стихами. Порой даже кажется, что ничего и не было, кроме оставшегося в стихах и на фотографиях.

И зачастую стихи эти, прямо или косвенно, связаны с моей еврейской сутью.

Из подобных произведений я мог бы составить объемистый сборник, куда вошли бы и стихи о погибших родственниках, и переложение в стихах «Блуждающих звезд», и почти дописанные киносценарии «Дело Дрейфуса на Моховой» (о московских пятидесятых) и «Книга Эсфирей» (о еврейских девушках, спасаемых «детьми разных народов» в разные погромные времена), и перевод с испанского «Назиданий» жившего в XIV веке раввина Шем-Това из Карриона, и перевод поэмы американца – не еврея – Тино Вильянуэвы «В Вашингтонском музее Холокоста».

При всем при том я – поэт, принадлежащий русской культуре (кстати, время от времени пишу стихи и на испанском). Между тем, стихотворные тексты – не бабочки-однодневки, не бегущая строка на телеэкране: они рассчитаны надолго и, значит, должны быть изделиями добротными. Эта трудно достижимая цель понуждает многое оставаться доспевать в столе. К примеру, стихотворение о самой, по-видимому, старой в Латинской Америке синагоге на голландском острове Кюрасао – небогатой постройке, возведенной немногими уцелевшими беглецами из Испании.

Этот мой, почти болезненный, перфекционизм – от безмерной ответственности перед словесностью, перед моими наставниками Савичем, Зенкевичем, Левиком, Тарковским, Штейнбергом.

Рекомендовавший меня в Союз писателей в 1965 году Ярослав Смеляков говаривал: «Я пишу на языке, на котором плакала моя мать». Возможно, броская фраза глубоко почитаемого мной поэта, автора замечательного стихотворения о Любке Фейгельман, немного смущала меня как юношу «с пятым пунктом». Сегодня я понимаю: я пишу на языке, на котором плачет и смеется русская поэзия, но если говорить о еврейской теме, то повторю сказанное в моем интервью «Лехаиму»: я отношу к ней стихи о тех, кого меньше, – не только о евреях. О тех, кого угнетают и убивают. О тех, кого почему-то унижают.

ВРЕМЯ ДЯДИ АРОНА

Дядю Арона знала чуть ли не вся Одесса.
Он был похож на толстенную букву эф,
заявляясь с арбузами рекордного веса, –
когда он их уминал, то рычал, аки лев.
Дядя Арон был директором комиссионки,
маме он привозил много пёстрого барахла.
Этот шумный толстяк был по-своему
тонкий:
деньги нам оставлял под ножкой стола.

Стол хромал, и мама конфузилась: «Снова!
Этот Арончик! Приедет – назад заберёт».
И косилась на сутулое молчанье отцово, –
отец на «Калибре» был простой счетовод.

Арона в Одессе больше всех уважал дворник.
Перед приходом немцев справился он:
«Арон Якыч, сколько на твоих червонных?»
«Три», – отметил час своей смерти Арон.

Дворник убил его молотком без зазрения –
не оставлять же такую луковицу
немчуре...
Где теперь золотое дяди-Ароново время,
неужто тикает на том же самом дворе?
Ещё возьмёт да и отмстит кому-то
жестоко,
ещё остановит сердце дворникова внучка...

Только вряд ли оно унижится до
ока за око,
время дяди Арона, пошедшее с молотка.

КОШЁЛКА ОСЕНЬЮ

Ń, ñòðàì Ĩ äëë è Bìéíá

Осенняя горечь, устлала дороги листва.
Неймётся дождям утвердить свою власть
над округой.
Заметнее стали дремавшие с лета дрова,
и стала слышнее ворон заурядная ругань.

По лужам бредёт, улыбаясь чему-то,
отец
с почти невесою, но не с пустою
кошёлкой.
Он так основательно худ, так нескладно
одет
томительной осенью той, ослепительно
жёлтой.

К отцовской кошёлке за мамою сёстры
спешат.
В кошёлке щенок. А продукты?
С продуктами плохо.
Зато собачонок ушастый смешит
малышат.
Потерпим. Есть луковица и полчашки
гороха.

Отец благодарно понятливой маме
кивнёт,
он в сумерках долго дрова за поленницей
колет.

Кленовый листок могоендовидом к лацкану
льнёт.
На бабушке с дедушкой в Киеве был
не такой ли?

ВСТУПЛЕНИЕ К ЗАВТРАКУ

Мама работала на воинском пищеблоке.
Новобранцы звали её Тётя Каша.
И хотя у нас провалились от голода
щёки,
пустая домой приходила кормилица
наша.

Она не умела – ей от этого было бы хуже.
А всё же соседки ей вслед шипели:
«Жульё!..»
Промерив за день все окрестные лужи,
по вечерам у калитки мы ждали её.
Она приносила сытные запахи кухни,
мы её и в жару стерегли, и в слякоть
и, как щенята, подробно её обнюхивали –
ей, наверно, трудно было не плакать.
Она дотрагивалась до наших щёк
и, улыбаясь, молчала о чём-то
тоскливо...

Только раз принесла она с кухни кулёк
с худющими косточками чернослива.

Это было здорово и довоенно,
и горько было до нежной сладости!
Но даже это, сказать откровенно,
мы сочли за признаки маминой слабости.
В ту пору тучи шли тяжело и низко,
но военное небо уже румянилось краем...
Вообще-то, наша мама была пианистка.

Она и сейчас ещё (иногда) играет.

ПАМЯТИ ИОСИФА ГРУШКО, МОЕГО ДЕДА

Ты старым был, но не от ветхих лет
утратил жизнь, а от визжащей пули,
как многие в том гибельном июле.

И до сих пор меня терзает, дед,
не смерть, а то последнее мгновенье,
когда чужое рвение сочло
излишней роскошью твоё тепло
на белом свете, – пред-исчезновенье,
которое уводит от людей
полней, чем смерть.

(Кто знает, что творится
в душе растерянного очевидца
расчетливо обдуманных страстей?)

Не может этот ужас не остаться –
прозренье гибнущего бытия,
в котором ты и жертва –
и судья
нечеловеческого святотатства.

Наверно, даже дети в этот миг
молниеносно старились в надежде
уйти естественною смертью, прежде
чем рёв свинцовый оборвёт их крик.

Чем остаётся этот сгусток боли,
обида мыслящего существа?

Какой туман, ручей или трава –
приют последних мыслей в чистом поле?

Чем одолеть виденье это, дед?

Куда я спрячу этот ужас вечный –
то, как ты ждёшь отправки на конечный
тот свет, где неизвестно, есть ли свет?

ВСЁ ЕЩЁ СВЫКАЮТСЯ...

Àèèòîðó Èüüü

Всё ещё свыкаются со смертью Бродского,
сокрушаются: на чужбине лежит,
поди ж ты...

Не было в нём ничего такого уж броского,
разве что цветаевский задор, но потише.
В пору сутулой оглядки на главные лица
кому-то надо было быть прямее и строже.

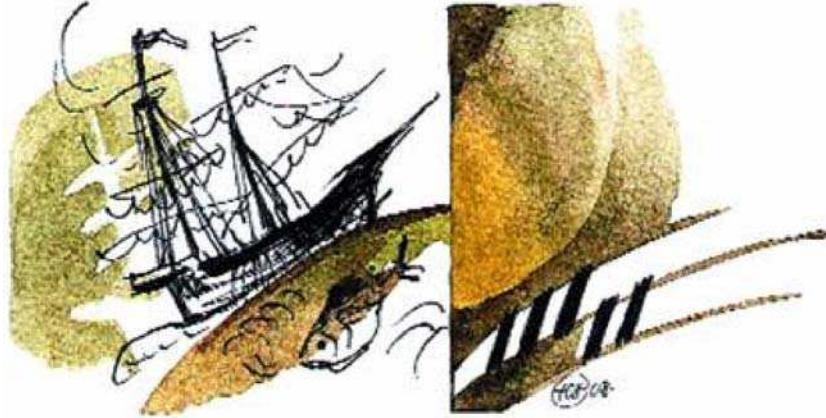
Вот ведь: столько обид – и всерьёз
не озлиться,

впрочем, озлиться – себе дороже.

Бытие для мыслящей плоти мгновенно,
перед уходом не успевают порой
и присесть.

Он тот, кто должен был быть

непрерывно,
без него мы не поняли бы, кто мы есть.
Уж так наловчились бить Музу
в подвздошь,
но славный язык не устал поэтами
дорожить.
Нобелевские лауреаты обычно живут
дольше,
а этот – с вечностью пустился дружить.

ВИНА

Помню: мне тринадцать,
на улице чья-то рука бьёт меня
по затылку.
Падая, я запомнил холодные глаза,
живой интерес сероватого взгляда:
больно ли мне, смекаю ли я,
что он рассчитывает на преимущество
ушлого своего образа жизни
на земле, где родился и я?..
До сих пор ищу его мурашками
на затылке,
готов упасть, обливаясь кровью, –
только бы ему стало легче.

КАЖДУЮ ПОЛНОЧЬ...

Каждую полночь под окном
я слышу цокот копыт по асфальту.
Знаю: две лошади возвращаются
с заработков на Тверском бульваре
в конюшню стадиона «Динамо».
Но сегодня они впряжены
в тарантас дяди Шлёмы
в Чуднове-Волынском,
что на реке Тетерев.
Тем предвоенным летом...

ЗЕМЛЯ НА СНЕГУ

Ī ài ŷòè ì ài ū -

Θείε Βεγαία ή Εαία οοάει

Она ушла от нас. Её дыханье
в январском растворяется тумане.
Земля могилы брошена на снег.
Гроб на сугробе синем легче вдвое.
Лицо её – почти совсем живое.

Так может спать уставший человек.

Ладья уходит в океан земли.
Смеркается, уже исчезли птицы,
на холмике – еловые косицы.
Она осталась. Это мы ушли.

Так завершился тёплый путь. За ним –
ещё один, без осеней и зим,
и этот новый возраст, проще – вечность,
отныне будет укорять беспечность,
с которой мы во времени сквозим.
И если даже это просто яма,
и нет за этим мраком ни души,
я говорю ей: «До свиданья, мама».
И слышу тихий голос: «Не спеши».

ЗАКАТ НА ТРЕСКОВОМ МЫСЕ

Ί αδειά ε Νάσα Σαϊϊόηϊά

Съезжаются ближе к вечеру снимать
недолгий закат,
глушат моторы, ставят камеры
на откосе у океана,
откупоривают вино, целуются
и смотрят за так
спектакль, – он развивается
сиренево-лилово-багряно.

Он такой же почти, каким был
до звероподобных орд,
до эволюций, революций, зондеркоманд
и озона,
и целоваться при нём, косясь на запад, –
тихий восторг,
и вино при нём – не мерло, а не хуже
«Дом Периньона».

Это длится недолго, и снова всё,
что окрест,
обретает сиюминутность,
и над Тресковым мысом
вихляется рэп, и вновь от мерло не пьян
и не трезв.
Лишь поцелуи всё так же наделены
особенным смыслом.

МИНЬЯН

Подмосковье. Зима. Сорок пятый.
Мне неполных четырнадцать лет.
Я в молитвенном доме десятый.
«Посиди», – попросил наш сосед.

Вносят свиток. Тревожные лица.
В серебристых узорах окно.
Без меня девять взрослых молиться
почему-то не могут. Чудно!

Приобщенье к высокому плачу –
то ли к жалобе, то ли к мольбе –
я до смерти теперь не утрачу,
домогаясь еврея в себе.

Это было так горько пропето,
так пронзительно (Борух... Ато...
Ад-ной...). Мне запомнилось это
как общенье со Всей Полнотой.

Та надрывная чистая нота
в неземную влекла чистоту.
Я там был лишь для ровного счёта.

Всё же, думается, – на счету.

ГОЛДА И НАУМ

Глаза были на мокром месте у тёти Голды,
она плакала, даже когда смеялась.
Война давно окончилась, шли годы,
а она со своей бедой не смирялась.

Она плакала потому, что осталась
живая,
а её Наум погиб у неё на глазах.
И они слезились не переставая:
топили его гибель в горьких слезах.

Обрывки её шёпота нас смущали,
она всё ещё продолжала за ним ходить:
«Наум... захвати плащ... обещали...
до вечера не перестанет дождить...»

У неё был глухой голос, она причитала,
в её жестах был один и тот же вопрос.
Той осенью тётя Голда плакать устала.
Её мёртвые щеки были мокры от слёз.

Когда страдалицу принимала могила,
внучка Рашелка, спрятав ради тепла
руки за пазуху маме, громко спросила:
«Баба Голда знает, что она умерла?»

КВАРТЕРОНКА

Когда ты стала сниться мне, твои
возникновения в пространствах дрёмных
уже не находил я в бытии
ни на людях, ни в уголках укромных.
Порою память, забредая в сны,
ведёт себя несносной фантазёркой.
Но память я свою считаю зоркой,
твои обыкновенья в ней верны.

А в этом сне, как никогда мила,
на каблуках высоких, в лёгком платье,
ты по Тверской-Ямской упруго шла,
похоже, дело было на закате.
Твой спутник смело обнимал тебя.
Вглядевшись, был я удивлён немало,
что этот долговязый спутник – я,
я что-то говорил, а ты внимала.

Я вспоминал о бабушке твоей
по материнской линии – о гордой
еврейке незапамятных кровей,
Марии Рафаиловне, истёртой
ГУЛАГом за любовь к сибиряку,
которого лубянцы умертвили.
В твоих глазах – во сне, подобном
были, –
увидел я безмерную тоску.

В который раз благодарю Того,
Кто сотворил из житнетворных струек
твоё особенное естество, –
Того, Кто радость мне тобой дарует,
и эту голограмму в виде сна
мне подарил, в которой ты так тонко
моей душой была воплощена,
моя пожизненная кварталонка.

Í áíéééàòèþ í î ä ä ò î ä è Ä ñ ð Ý î ä ü

«БРАТИК МОЙ, ЛЕХАИМ!»

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Allegretto

Тринк, бру- дэр, тринк ойс дос гле-зл бис цум грунт,
вс- ту вэ- рн фриш ун мун-тэр, фрэй-лэх ун гэ- зунт. Ой,
бру- дэ- рл, ле- ха- им! тринк а би- сэ-лэ вайн,
дос фар- трайбт ди мой- рэ- шхой- рэ, е- дэ зорг ун пайн. ой,
бру- дэ- рл, ле- ха- им! Тринк а би- сэ- лэ вайн,
дос фар- трайбт ди мой- рэ- шхой- рэ, е- дэ зорг ун пайн.

Ой, брудэрл, лехаим!

**Тринк, брудэр, тринк ойс
дос глезл бис цум грунт,
вэсту вэрн фриш ун мунтэр,
фрэйлэх ун гэзунт.
припев: bis Ой, брудэрл, лехаим!
Тринк а бисэлэ вайн,
дос фартрайбт ди мойрэ-
шхойрэ,
едэ зорг ун пайн.**

**Мир из ойх с'лэбн
амол гевэн а ласт
х'ноб¹¹ ви ду Г-тс нариш вэлтл,
ви дэм тойт геһаст.
припев: bis Ой, брудэрл, лехаим!..**

Ицт, брудэр, тринк их

ун фил зих фриш, гезунт,
вэн мэн шлэфт дэм кранкн айн,
дан шмерцт им ништ ди вунд.
припев: bis Ой, брудэрл, лехаим!..

Ицт, брудэр, тринк их,
ун вос фэлт мир ацинд?
Х'фил зих гликлэх ви а киниг,
фрэйлех ви а кинд.
припев: bis Ой, брудэрл, лехаим!..

Ицт, брудэр, тринк их,
ун вэн эс ройшт ин коп,
файф их ойф дэр ганцэр вэлт
ун танц мир hop, hop, hop.
припев: Ой, брудэрл, лехаим!..
тринк а бисэлэ вайн,
дос фартрайбт ди мойрэ-шхойрэ,
едэ зорг ун пайн.
ой, брудэрл, лехаим!
вэн эс ройшт ин коп,
файф их ойф дэр ганцэр вэлт
ун танц мир hop, hop, hop.

Ой, братик мой, лехаим!

Пей, брат, выпивай
рюмочку до дна,
будешь свежий и здоровый,
бодрый и веселый.
Ой, братик мой, лехаим!
Выпей немножко вина,
и прогонишь охи-вздохи,
всякую заботу и муку.

Мне тоже жизнь
была когда-то в тягость,
пуще смерти страшил
глупый Б-жий мирок.
Ой, братик мой, лехаим!.. (и т. д.)

Сейчас я, брат, пью
и чувствую себя свежим,
здоровым;
если хворого усыпишь,
рана ему не докучает.
Ой, братик мой, лехаим!.. (и т. д.)
Сейчас я, брат, пью,
и мне всего хватает!
Я счастлив, как король,
и весел, как ребенок.
Ой, братик мой, лехаим!.. (и т. д.)

Сейчас я, брат, пью,
а когда шумит в голове,
плюю на целый свет

**и танцую – гоп, гоп, гоп.
Ой, братик мой, лехаим!
Выпей немножко вина,
И прогонишь охи-вздохи,
всякую заботу и муку.
Ой, братик мой, лехаим!
Когда шумит в голове,
я плюю на целый свет
и танцую – гоп, гоп, гоп.**

[\[1\]](#) h произносится как в английском have.

ЭКСПЕДИЦИЯ АН-СКОГО: ВИТЕБСК – КУЛЬТУР-ЛИГА

Ėait ėä Ėäöëĭ

Центр «Петербургская иудаика» завершил издание цикла из пяти альбомов-каталогов, в которых представлена значительная часть фотоархива знаменитой экспедиции Семена Акимовича Ан-ского (Шлойме-Занвля Раппопорта)^[1]. Вошедшие в альбомы 320 фотографий сохранились в мастерской художника и активного деятеля Культур-лиги Натана Альтмана. К нему фотографии попали (не позднее середины 1950-х годов, так как Альтман использовал их для своих иллюстраций к «Избранному» Шолом-Алейхема 1957 года), видимо, от их автора, тоже выдающегося еврейского художника Соломона Юдовина, главного хранителя Музея петербургского еврейского историко-этнографического общества, располагавшегося в здании Еврейской богадельни А.М. Гинзбурга (там хранились материалы экспедиций Ан-ского, в том числе и фотографии). В 1929 году Еврейское историко-этнографическое общество и его музей были закрыты, а фотоколлекция частично пропала, частично оказалась рассеяна по различным музеям и частным коллекциям России, Израиля, США. Полный объем фотоархива оценивается примерно в полторы-две тысячи фотографий.

Сами фотографии должны были составить пять выпусков альбома еврейской старины. Это число, совпадающее с количеством книг Торы, было, по-видимому, изначально заложено в замысел Ан-ского, и оно же реализовано, в память не вышедшего в свет альбома, в пяти выпусках нынешнего каталога. Не раз предпринимались попытки реконструкции и издания относительно сохранившегося первого выпуска альбома^[2], однако целостной картины мы до сих пор не видели.

Выпуски каталога построены таким образом, чтобы отразить разные стороны как самой экспедиции Ан-ского, так и личных интересов ее участников.

Первый выпуск, «Опыты “молодого человека для фотографических работ”. Соломон Юдовин и русский пикторализм», посвящен, как это ни удивительно для архива этнографической экспедиции, творчеству Юдовина-фотохудожника. Составитель

Александр Иванов демонстрирует зрителю и читателю, что молодой белорусский фотограф работал в русле самых актуальных для своего времени поисков превращения фотографии в произведение искусства путем обработки ее кистью в процессе проявления снимка.

Однако Юдовин, явно развиваясь как художник, оставался при этом и штатным фотографом экспедиции. Поэтому рядом с художественно обработанными вариантами снимков составитель приводит и непосредственные результаты этнографической съемки. Кроме того, тезис о позднейшем использовании Юдовиным и Альтманом этих фотографий в работе над книжными иллюстрациями оказывается подтвержден соответствующими примерами из графики фотографа.

Все это позволяет не только более конкретно и предметно рассмотреть влияние увиденного на творцов еврейского художественного авангарда, но и проследить трансформацию основной авангардной идеи – избавления от сюжетности и литературности в живописи – в процессе вполне «дословного» отражения этнографической реальности в экспедиционных фотографиях с последующим преобразованием ее в пиктореалистических работах и в иллюстрациях к литературным произведениям о еврейской жизни.

Второй выпуск серии, «“Братья и сестры во имя труда!” Еврейские ремесленники и рабочие накануне революции», закономерно открывается «пролетарским» гимном «Ди Швуэ» («Клятва», перевод с идиша Валерия Дымшица, ему же принадлежит вступительная статья), сочиненным русским народником и эсером и еврейским этнографом Ан-ским. Оправданно и то, что каталог с изображением еврейского кузнеца на обложке сопровождается строчкой из гимна Бунда. Оставаясь народником, Ан-ский занимал, как говорит Дымшиц, «правозащитную» позицию в борьбе еврейских партий, стремясь к тому, чтобы евреи «в борьбе обретали» не только общечеловеческое «счастье свое», но и национальное достоинство.

Выпуск, посвященный еврейскому ремесленнику, ярко демонстрирует изменение даже внешнего его вида: от типичного местечкового портного или кузнеца к работнику спичечной фабрики или швейной мастерской, внешне практически не отличающемуся от современного ему русского пролетария. Нет сомнений, что будь подобный альбом в свое время выпущен в свет, его идеологическое воздействие на читателя-зрителя было бы весьма значительным.

Как известно, экспедиция Ан-ского привела к созданию знаменитой пьесы «Диббук». Но Дымшиц с изрядной пронизательностью сопровождает фотографии цитатами из повести Ан-ского «В новом русле», о революции 1905 года на еврейской улице, написанной еще до начала экспедиций. Тем самым как бы подчеркивается, что общий характер экспедиции был куда более «прикладной» и социологический, нежели можно представить по авангардно-символистскому «Диббуку».

Приведенное Дымшицем замечательное письмо охранки, призывающее разобраться в деятельности по добыванию фотопластин эсерами Ан-ским и Юдовиным, ярко оттеняет общеполитическую обстановку, в которой жили евреи вообще и работали участники экспедиции в частности. Впрочем, охранка была не так уж и не права. Достаточно вспомнить главку об эсеровской «семье Синани» из мандельштамовского «Шума времени», с упоминанием приездов Ан-ского, и тот немаловажный факт, что переписка экспедиции шла через дом Синани (это стало известным после предпринятого И. Сергеевой описания архива Ан-ского). Ведь Ан-ский не имел права жительства в

Петербурге. Другое дело, что в данном случае пластинки шли на еврейское дело, а не на русскую революцию.

Третий выпуск, «Еврейская детская». Музеефикация религии для воспитания народа», подготовленный Александром Львовым, посвящен педагогическому значению собранных экспедицией материалов, которые, по мнению автора статьи, призваны были служить делу национального воспитания оторванных от реальной еврейской жизни детей из больших городов, вроде Санкт-Петербурга. Однако и этот выпуск демонстрирует существенные перемены – даже в той традиционной еврейской жизни, что протекала в хедерах и талмуд торах. Невозможно не заметить, как меняется внешний вид учеников, как на смену большому столу, за которым дети во главе с меламедом изучают святыи книги, приходят гимназические парты, а группы попечителей талмуд тор теперь лишь наброшенными на плечи талесами отличаются от своих нееврейских современников. Остается констатировать, что и в этом случае работа руководителя экспедиции была ничуть не менее осмысленна, чем при фотографировании еврейских рабочих.

Два заключительных выпуска каталога, «Фотографические снимки в “Альбом Еврейской художественной старины”», подготовленные Аллой Соколовой, призваны продемонстрировать примерный состав невышедшего альбома (сохранились списки иллюстраций ко всем пяти предполагавшимся выпускам). Здесь представлены «Каменные синагоги» (вып. 4) и «Деревянные синагоги. Обыкновенные улицы. Кладбища» (вып. 5). Автор вступительной статьи исследует попытки описания этого материала русскими путешественниками, вспоминает видного русского художественного критика Василия Стасова, стоявшего у истоков работы еврейских исследователей над национальным наследием.

С. Юдовин. Мальчик с папиросой.

Однако особенно интересны сопоставления экспедиционных фотографий с рисунками из книг историка архитектуры Георгия Лукомского о вольнской и галицийской старине, вышедших в 1913 и 1915 годах, т. е. практически одновременно с экспедицией Ан-ского. Нет никаких сомнений в том, что и эти книги повлияли на развитие еврейских художников, ранний этап творчества которых совпал с этнографической работой под руководством Ан-ского. Как, собственно, повлиял на них и сам факт участия в экспедиции. Ведь известные зарисовки Эль Лисицким украшений и орнаментов синагог западного края всегда печатаются в работах о нем для демонстрации стилистических истоков «Хад Гадьи» или «Пражской легенды»^[3].

У любого зрителя, интересующегося историей еврейского искусства, не может не екнуть сердце при виде снимка «Синагога в Могилеве. <Первая половина XVIII в.>». Ведь именно здесь Шагал искал своего легендарного предка Хаима Сегала, расписавшего эту синагогу, и именно здесь нашел истоки нового еврейского искусства Эль Лисицкий, чья статья «Воспоминание о Могилевской синагоге», написанная на идише и опубликованная в берлинском журнале «Rimon-Milgroim» в 1923 году, стала манифестом и философией нового еврейского искусства. Изображение могилевской синагоги можно найти на многих вещах художника. Кстати, эта же синагога, дополненная деталями синагог из других местечек, попала и на гравюры Рыбака из серии «Штетл», ставшие классикой еврейской графики.

К сожалению, этот аспект лишь затронут в 4-м и 5-м выпусках каталога. Между тем, введение подобных сопоставлений позволило бы формально «закольцевать» серию, в первом из выпусков которой, как мы помним, развернуто сопоставление фотографий Юдовина и его графики. Ведь работы Эль Лисицкого, использовавшего экспедиционные материалы в своей работе, предшествовали аналогичной практике Юдовина и Альтмана.

Графическая заставка к повести Л. Раковского «Блудный бес». 1931 год.

Разумеется, каждый из составителей каталога был куратором своего раздела выставки и до известной степени отражал в экспозиции собственные профессиональные интересы. Поэтому, помимо всего прочего, читатель-зритель этих пяти выпусков получает представление и о тех людях, которые сегодня в Петербурге продолжают дело Ан-ского и его коллег, о контексте возрожденной еврейской этнографической науки XXI века.

Если альбомы экспедиции Ан-ского были счастливо обретены лишь в последние годы, то работы учителя витебских авангардистов Юдея Пэна давно и хорошо известны исследователям и любителям еврейского искусства. Однако, попадая в контекст пикторализма Юдовина предреволюционных лет, картины из нового альбома художника^[4] начинают выглядеть репликой старого художника в его диалоге со своим учеником.

Почти фотографическая точность поздних работ Пэна с их часовщиками, сапожниками и т. д. удивительным образом противостоит полуавангардным обработкам Юдовиным своих снимков на гравюрах 1920-х годов, заставляя вспомнить теперь доступный нам пикторалистический период творчества последнего. В свою очередь, как известно, тот же Юдовин выпустил и знаменитый этнографический альбом «Еврейский орнамент», который не связать с экспедицией Ан-ского невозможно. А вот Пэн от полуимпрессионистических работ все более сдвигался едва ли не к обманкам.

Сам альбом имеет одно большое и неожиданное достоинство вкупе с традиционным недостатком. О втором – вступительной статье А. Шацких – лишь упомянем, т. к. внятная ее оценка уже дана в питерском журнале «Народ книги в мире книг»^[5]. А вот о радостном – подробнее.

В особом разделе опубликована переписка Пэна с его учениками. Есть здесь и письмо от Юдовина с просьбой прислать работы Пэна в Музей еврейского историко-этнографического общества – тот самый, где хранились фотографии, представленные в каталоге.

Еще интереснее история о том, как ученики Пэна пытались организовать рецензию Якова Тугендхольда, немало писавшего о еврейском искусстве, в том числе об ученике Пэна Марке Шагале, на работы своего мэтра. Однако все закончилось парой репродукций и маленькой заметкой в «Красной нови», что обидело Пэна, отмечавшего полвека творческой деятельности. Неудивительно поэтому, что в следующем письме, передавая привет своим ученикам-авангардистам, старый художник просил не передавать привет кубистам и футуристам.

Ю.М. Пэн. За газетой.

Те, кого волнует вопрос, «существует ли еврейское искусство», смогут, анализируя письма Пэна, увидеть, как старый художник специально рассуждает на эту тему и даже сознательно отбирает для публикации картины, соответствующие его трактовке понятия «еврейский художник».

Есть у этого альбома и еще одна черта, требующая обсуждения. Около репродукций часто приводится несколько вариантов названия, дававшихся картинам в разные периоды. Разумеется, все они заслуживают упоминания, однако, по нашему мнению, всё, кроме авторского (или наиболее адекватного) названия работы, стоит отправлять в примечания. В противном случае некоторые последовательности названий выглядят как плохой еврейский анекдот: «Старик с корзиной. [Шамеш собирает свечи на субботу; Шамес]».

Но, несмотря на эти мелкие недостатки, альбом Пэна может – и должен – стать поводом для серьезного разговора о еврейском искусстве вообще и в частности о творчестве этого мастера и учителя, воспитавшего и будущих учеников Казимира Малевича из витебского УНОВИСа (Утвердители нового искусства), и Шагала с Эль Лисицким. (Последний, кстати, находился в многолетнем плодотворном диалоге с Малевичем, который, в свою очередь, перетянул к себе витебских учеников Шагала. Но это уже другая история.)

Мы же из Витебска перенесемся в Киев, где в самом начале 2008 года состоялась научная конференция, посвященная истории Культур-лиги, и где в издательстве «Дух и литера» вышел в свет альбом (на украинском и английском языках) «Культур-лига. Художественный авангард 1910–1920-х годов».

Здесь, наряду со статьями Гилеля Казовского, Ольги Лагутенко и Марины Дмитриевой, осмысляющих феномен Культур-лиги, помещены тексты И.-Б. Рыбака и Бориса Аронсона «Пути еврейской живописи», «Что такое Культур-лига» и «Предисловие к каталогу первой выставки Культур-лиги», переведенные с идиша. Здесь же обильно представлены фотографии участников этого художественного объединения или, вернее, художественной секции этой большой и даже международной еврейской организации. Здесь же биографические справки о художниках и репродукции многих работ, как классиков (Шагала, Тышлера, Эль Лисицкого), так и куда менее известных мастеров. Ведь

в такого рода альбомах (как и на подобных выставках) важна не столько конкретная роль каждого из художников, сколько атмосфера общей работы по созданию нового еврейского искусства. Это вполне адекватно отражает и альбом Культур-лиги.

Рассматривая его, ловишь себя на сожалении, что выставка и альбом появились чуть позже того момента, когда отношения Украины с Россией стали похожи на отношения собаки и палки (это не политический намек, а аллюзия на один из рисунков Эль Лисицкого к его знаменитой «Козочке» – «Хад Гадье», которая делалась вначале в Витебске, а в свет вышла уже в издании Культур-лиги). В иных условиях и выставка, и альбом включали бы работы, хранящиеся в российских музеях и коллекциях. Пока же приходится довольствоваться тем, что есть в Украине или привезено из Израиля. В этих условиях «звездной» частью экспозиции оказались десятки подлинников иллюстраций Рыбака к книжке Мириам Марголиной «Майселех фун кляйникте киндерлех» («Сказочки для маленьких детей») из частного собрания Яарона Лавитца (Неве Ярак, Израиль).

И.-Б. Рыбак. Иллюстрации к книге Мириам Марголиной «Майселех фун кляйникте киндерлех» («Сказочки для маленьких детей»).

Кроме того, альбом естественно дополняется иллюстративным и документальным рядом известной книги Г. Казовского о художниках Культур-лиги^[6], где контекст выведен далеко за пределы Киева. Поэтому и вступительная статья Казовского, опубликованная на украинском и английском языках, словно бы дополняет и обрамляет тот англо-русский текст, которым сопровождается рассказ о еврейских художниках в его монографии.

И еще один важный момент: статья М. Дмитриевой «От этнографии до эстетики: теоретическое наследие Культур-лиги и еврейский художественный дискурс» удивительно точно переводит на язык актуальных искусствоведческих терминов тот базис, который заложили в основание нового еврейского искусства экспедиции в Западный край.

Альбом Культур-лиги лучше смотреть, тексты манифестов и теоретические материалы 1920-х годов предпочтительнее, конечно, читать в подлиннике. Но сегодня основным языком исследований по еврейскому искусству является английский. Поэтому и работу Эль Лисицкого о Могилевской синагоге проще прочесть в израильском альбоме «Традиция и революция. Еврейский ренессанс в искусстве русского авангарда»^[7], а статья Рыбака и Аронсона «Пути еврейской живописи», фрагмент которой был опубликован по-английски в иерусалимском каталоге, есть теперь в новых полных английском и украинском переводах. А подзаголовок к этой статье важен для всех еврейских художников и их многонационального зрителя и сегодня: «Да здравствует абстрактная форма, если она выявляет специфический материал – она национальна!»

Те, о ком шла речь, хотели создать всемирное еврейское искусство. Сегодня их работы раскиданы по всему миру. Быть может, это не так уж и плохо. Главное, чтобы работы эти были доступны тем, кому они интересны. А уж с языком теоретических работ пусть разберется время.

^[1] Фотоархив экспедиций Ан-ского. Волынь. Подолия. Киевщина. 1912–1914. Вып. 1–5. СПб., 2005–2008.

^[2] См.: Semyon An-sky. The Jewish Artistic Heritage. An Album. Ed. by A. Kantsedikas. M., 1994, и др.

^[3] См., например, статью: Seth L. Wolitz. The Jewish National Art Renaissance in Russia // Tradition and Revolution. The Jewish Renaissance in Russian Avant-Garde Art. 1912–1928. Jerusalem, 1989, и др.

^[4] Ю.М. Пэн. Минск, 2006.

^[5] Френкель А. Некие искусствоведческие обертоны (реплика) // Народ книги в мире книг. 2007. № 69. Ср.: Дымшиц А. Шагал пополам // Там же. 2005. № 59, а также рецензию А. Зельцера на кн.: Шацких А. Витебск. Жизнь искусства 1917–1922 // Там же. 2002. № 40.

^[6] Казовский Г. Художники Культур-лиги. М., 2003.

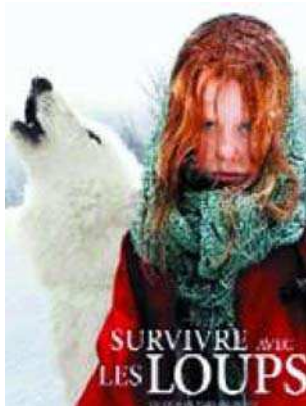
^[7] Tradition and Revolution. The Jewish Renaissance in Russian Avant-Garde Art. 1912–1928. Ed. by R. Apter-Gabriel. Jerusalem, 1989.

ВЫЖИТЬ С ВОЛКАМИ

Î éœà Ááôîîîœà

Несколько месяцев назад литературный мир шокировала скандальная новость: проживающая в Массачусетсе бельгийка Миша Дефонсека под давлением историков и журналистов призналась, что выдумала от начала до конца душераздирающую историю, легшую в основу ее квазимемуарного бестселлера (оригинальное название – «Миша: Воспоминания о годах Холокоста»), впервые изданного в 1997 году. Рассказ о четырехлетней еврейской девочке, идущей в поисках своих погибших от рук нацистов родителей через всю Европу и «удочеренной» по дороге волчьей стаей, был переведен на 18 языков и экранизирован (кстати, именно фильм дал начало традиции переводить «Мишу» как «Выжить с волками»). История без преувеличения потрясла. И вдруг оказалось, что автор не еврейка, а баптистка, и в описанное время вовсе не блуждала по Европе, а посещала школу в одном из бельгийских городков. Общественность громко негодовала, одураченная издательница подала на писательницу в суд – разбирательство продолжается до сих пор. Впрочем, Дефонсека, настоящее имя которой, как выяснилось, Моник де Вель, вину свою признала лишь частично. Извинившись перед всеми, кто почувствовал себя обманутым, она пояснила, что ее родители – участники Сопротивления – действительно были казнены оккупантами, а потому она с детства ощущала себя еврейкой. И если правде фактов она и не следовала, то против психологической достоверности ни в чем не погрешила... Вся эта история заставляет лишний раз задуматься как о зыбкости границ между беллетристикой и нон-фикшн, так и о том, насколько травматичным оказалось событие Холокоста для современного нам европейского сознания.

Книга «Выжить с волками» готовится к печати в издательстве «Рипол классик» в переводе Е. Колядиной. «Лехаим» публикует фрагмент шестой главы – эпизод встречи девочки с волчицей Мамой Ритой.

Я услышала рычание совсем близко и увидела, что большая «собака» идет за мной. Ее присутствие утешило меня. Она останется со мной, не бросит, и я смогу спать рядом с ней. Я так долго была одна, что иногда по ночам, думая о маме, держала себя за ухо, чтобы заснуть, но меня больше не окружало уютное облако ее ароматных волос, в которое я так любила зарываться носом. На ферме собачья шерсть почти так же успокаивала меня. Я сохранила эту любовь к меху животных. Сейчас я знаю, что он приносил мне временное облегчение, как будто я снова прикасаюсь к маминым волосам.

А тогда я всего лишь хотела, чтобы эта «собака» осталась со мной, чтобы она стала моей и была рядом. Я чувствовала себя такой несчастной. И она действительно двигалась параллельно со мной, на небольшом расстоянии, пробираясь через густой кустарник. Иногда «собака» пропадала из виду, но я продолжала слышать ее. Должно быть, она учуяла запах моего мешка.

Наступил вечер, я выбрала дерево с широким стволом, чтобы аккуратно прислонить к нему спину. Я была уже достаточно далеко от того ужасного человека и не могла идти дальше. Рядом с собой я положила маленькие кусочки еды (немного сыра, немного сала) и закрыла глаза. Должно быть, я задремала, потому что не заметила, как животное приблизилось, но, когда я открыла глаза, еды уже не было.

Эта «собака» на самом деле так же одинока, как и я, поэтому мы сможем жить вместе. Я искала ее взглядом – она была довольно далеко, я видела ее не полностью: она опять наблюдала за мной, стоя на худых лапах и слегка опустив голову. На следующий день она по-прежнему была рядом, и на следующий – тоже. Я шла, напрягая больную спину, медленно двигалась вперед, чтобы больше не чувствовать режущую боль в пояснице. И «собака» шла рядом со мной.

Сначала я поняла, что это не самец. Потом она начала выть, и я стала сомневаться в том, что это животное – собака. Дедушкины собаки время от времени выли, задирая морду к небу, но это было совсем не то. Это животное выло долго и по-другому. Я поняла, что это волк.

Папа приносил мне маленькие книжки про животных, а мама показывала картинки, на которых были собаки, зайцы, лошади, бараны, львы, змеи, слоны и, конечно, волки. К счастью, мама никогда не внушала мне страх перед этими животными. Она ограничивалась тем, что читала мне надписи, которые сопровождали картинки, никак не комментируя то, что было на них нарисовано. Волк живет в лесу, лев – в джунглях, орел летает по небу... и так далее. В моих воспоминаниях они никому не причиняли зла, поэтому не были опасны. Я воспринимала этого волка как собаку, которая была взрослее меня, и не считала его злым зверем. Никто не рассказывал мне сказку о Красной Шапочке или что-то подобное. Напротив, я словно играла с окружающими животными. Они могли быть только друзьями, спутниками в дороге. Некоторые позволяли мне приблизиться, другие нет, и я по-своему понимала их поведение. Они, как и я, боялись людей.

В моей голове был рай животных, и мне всегда было шесть лет, там время останавливалось. Даже сегодня я убеждена, что поведение зверя зависит от того, как с ним обращается человек. Если он агрессивен или испуган, то животное будет реагировать соответствующим образом. Если он спокоен и дружелюбен, то он может наладить контакт. Связь между мной и волчицей установилась через два-три дня. Я пыталась привлечь ее, подвывая, будто разговаривала на ее языке. Она медленно приближалась, чтобы потом осторожно идти рядом со мной. Я всегда спала, свернувшись калачиком, потому что только так могла облегчить боль в спине. В последний раз волчица была рядом так долго, что я не могла в это поверить, я говорила себе: «Должно быть, это потерявшееся животное, люди причинили ему зло, как и мне». В конце концов она улеглась рядом, прижавшись к моей спине. Тепло, которое я вскоре почувствовала, было очень приятным – оно сделало меня счастливой. Мне было хорошо, и я старалась не шевелиться.

Так как это была самка, я назвала ее Мамой Ритой, как дедушкину собаку. Она шла за мной легко и неслышно на своих худых лапах, а я разговаривала с ней тихим,

спокойным голосом. Приручить животное имело для меня только одно значение: я хотела, чтобы она осталась со мной, чтобы я больше не была одна. Теперь, когда по ночам она согревала мою спину, спать было так хорошо. Если я двигалась на четвереньках, она тыкала меня мордой, и я катилась по земле. Волчица облизывала меня, я стала ее малышом, между нами установились отношения мать–дитя, вместо дружеских, на которые я изначально рассчитывала. Для меня так было даже лучше. Когда ей не нравилось то, что я делаю, она показывала зубы. Например, мне захотелось обнять ее за шею, а она подняла губы и обнажила клыки, я убрала руки – и она успокоилась. Я быстро усвоила урок, несмотря на то что это приводило меня в замешательство. Как только ей не нравилось что-то в моем отношении к ней или в поведении, она с рычанием бросалась на меня и швыряла на землю. Я всегда немного пугалась, когда она прижимала меня к земле, но то был страх наказания, как у ребенка, которого собирается отшлепать взрослый. Хотя меня никогда прежде не наказывали. Все происходило очень быстро: она толкала меня, роняла на землю, ставила лапы по бокам и смотрела на меня сверху вниз. Я инстинктивно падала на спину и тихонько скулила, как щенок, чтобы объяснить ей: «Я ничего не делаю, я больше не двигаюсь!..» И на этом все заканчивалось. Я не всегда понимала, что именно делаю не так, но ее присутствие, ее душистый серый мех утешали меня: я снова чувствовала, будто засыпаю, укрытая мамиными волосами.

Боль в спине поутихла, но однажды Мама Рита что-то услышала и скрылась в кустах. Так как я не двигалась с места, она подскочила ко мне, схватила за верх одежды и довольно долго грубо тащила по лесу. Мимо мелькали ветки и кусты, они хлестали меня по спине, которая снова заболела. Я даже не подозревала, что волчица была настолько сильной. Пробежав еще немного, она отпустила меня, но продолжала присматривать. Я задыхалась, на этот раз от смеси боли и счастья. Она защитила меня, я не знаю от чего, потому что только она это слышала. Я на самом деле была ее малышом, она приняла меня.

Она могла сильно ранить меня, когда хватала за шею, если бы мои лохмотья не защищали тело от ее клыков. Она могла покусать меня, но мне это даже в голову не приходило.

Я должна была воровать еду, но так боялась потерять Маму Риту, что никуда не отходила. У меня больше ничего не было, я снова жевала листья, грызла все, что находила, в то время как сама волчица пропадала на охоте. И я решила поступать так же, потому что делать было нечего. На этот раз я так осторожно подбиралась к человеческому жилью, что провела возле него часть дня и ночи. Когда я вернулась на место, которое мы с волчицей считали своим, Мамы Риты там не было. Я завывала, чтобы она услышала меня, и она почти сразу откликнулась издалека. Я ждала со своей жалкой пищей, а потом съела все сама, потому что очень хотела есть. Я решила, что она добывает еду сама, а я сама. Но однажды она принесла зайца или кролика (не знаю, кто болтался в ее пасти) и положила передо мной. Я была поражена: «Ты принесла мне поесть?»

Добыча была почти полностью съедена, там остались только небольшие кусочки мяса. Я соскребла что могла – немного. Но это было счастье: она принесла мне еду, я глотала кости у нее под носом, как животное, а она внимательно наблюдала за мной, и я говорила:

– Я очень рада, спасибо. Ты меня накормила. Ты моя мама, да? Конечно, ты моя мама... Мама Рита...

Как приятно было говорить это слово «мама», это животное было благословением, подарком неба, который сделали мне родители. Я была такой невинной,

действовала инстинктивно и непонятно как обходила опасности. Если бы я испугалась волчицы, если бы убежала, увидев ее, то и она повела бы себя по-другому. И уж точно не пошла бы за мной. Это была молодая одинокая волчица, возможно изгнанная из стаи – классическое поведение волков, как я узнала позже, заинтересовавшись ими. Теперь она должна была создавать свою семью. Я была наивной и совсем не думала, что однажды появится самец, который ей приглянется!

Убедившись со временем, что она без труда меня выследит и найдет, я снова начала двигаться вперед. Иногда волчица не возвращалась, ночь или две я проводила без нее, без меха, в который можно уткнуться носом. Ее отлучки становились все длиннее и длиннее, и однажды я решила, что она ушла навсегда. И все равно продолжала ждать ее, тревожилась и звала каждый раз, когда возвращалась из походов. Теперь поблизости были дома, где я могла воровать яйца. Я брала ровно столько, чтобы не умереть с голоду, потому что нигде не находила такого изобилия, как на той польской ферме, где я попала. Помню, что я чаще всего питалась останками животных и корешками. Это время отмечено для меня присутствием и отсутствием Мама Риты. Я долгое время оставалась на одном месте, чтобы быть рядом с ней, несмотря на то что близость людей была ощутимой. Когда моя волчица возвращалась из своих походов и я могла ночью прижаться к ней, у меня голова кружилась от счастья. Я нашла того, кто заменил мне маму, она была всем для меня.

А однажды она появилась вместе с большим волком черной масти. Увидев меня, он немедленно показал зубы... Этот самец, в отличие от Мама Риты, не стал присматриваться, он сразу бросился на меня, угрожающе выставив клыки. И тут-то... я думала, что все кончено. Я рефлекторно упала на спину, как делала с волчицей. Я ждала, что меня загрызут и утащат в лес, но Мама Рита заворчала и встала между волком и мной. Большой черный волк заколебался, он все еще хотел броситься на меня, и я сказала себе: «Черт возьми, если бы мама за меня не вступилась, он бы меня разорвал». В моей памяти эта сцена осталась одновременно невероятной и величественной. Мама Рита стала нежно ворчать на самца и сантиметр за сантиметром вынуждала его отступать. Ворчание, опущенная книзу морда – волчица делала шаг вперед, а волк пятился назад.

Я не осмеливалась пошевелиться, я ждала, что же они решат насчет меня, но постепенно убеждалась, что Мама Рита выиграла. В конце концов она облила меня, словно сказала ему: «Это мое, ты должен понять». Она вытянулась рядом со мной, все еще наблюдая за ним. Волк подходил то с одной стороны, то с другой, с трудом признавая поражение, этот танец продолжался некоторое время – может быть, больше часа, я не знаю точно, – и в результате он смирился, всем своим видом показывая: «Если все так, то я больше ничего не скажу». И больше не обращал на меня внимания.

А я сказала себе, что если он снова начнет, то Мама Рита будет рядом и защитит меня.

Некоторое время волк держался на расстоянии. Волчица вылизывала меня, тыкалась мордой, очевидно доказывая ему, что она тут главная. Потом она подошла к нему, чтобы сделать то же самое. Слабые толчки мордой, чтобы раздражить его, уткнуться носом ему в шею, – и вот они принялись играть, будто меня здесь нет. Игра продолжалась недолго, а потом они ушли вдвоем, оставив меня одну.

Наступила ночь, и я боялась, что вернется волк. Он был черным, я не смогла бы его различить в темноте и не знала, где спрятаться, чтобы поспать. Так что я не сомкнула глаз, пока они оба не вернулись и не легли рядом друг с другом. У меня было право на то, чтобы меня пару раз лизнули в лицо и в шею. Мама Рита шумно обнюхала меня. Еще несколько тычков мордой, чтобы я покатила по земле и присоединилась к ним.

Так мы начали жить вместе и следовать определенным правилам. Если я вставала, волчица относилась к этому нормально, она знала, что я не опасна, но самец тут же вскакивал и рычал, как будто я представляла угрозу. Его зубы произвели на меня впечатление. Рядом с ним лучше было сидеть или лежать. Несколько раз я пугалась до такой степени, что лежала с замирающим сердцем до тех пор, пока Мама Рита не вмешивалась.

Я не должна была ни в коем случае смотреть волку в глаза, он не любил этого, но если я опускала голову, он прекращал рычать и уходил. Это был знак покорности, который он понимал, а я делала это инстинктивно, как раньше с волчицей. Это другой способ обучения, но он похож на тот, что применяют люди, только является более прямым. Я понимала, что если кто-то из них рычит на меня, то я должна наклонить голову, как наказанный ребенок. Когда мне было необходимо встать, волк тут же бросался на меня, я припадала к земле, тихонько поскуливая, как делала с Мамой Ритой, и он замирал в замешательстве. Выл он совсем не так, как волчица, и я сказала себе: «Я тоже вою по-другому, я маленькая, и это нормально, у каждого свой вой».

Это звучит странно, но они были счастливы, они играли вместе, а потом спаривались. Я им не мешала. Я понимала, что происходит, я видела, как это делали собаки на ферме, а потом у собаки Риты появились щенки, так что все было нормально. Я любовалась замечательными животными, у меня была возможность с близкого расстояния наблюдать за тем, как они скачут, прыгают вместе, играют, как влюбленные, – это было похоже на танец. Их скачки были полны огромной силы. Волки прыгали с места в воздух так, как не может ни одна собака. А я могла видеть пену в уголке пасти, как маленькие капли слюны разлетаются в воздухе во время прыжка, это было просто волшебно. Я совсем забыла про войну и больше ничего не знала о мире людей. Когда я наблюдала за таким великолепием, то у меня пропадала и боязнь остаться единственной выжившей, и боль в спине.

Другое правило нашего совместного жительство касалось еды. Когда Рита принесла добычу (наверное, барсука, не могу сказать точно), волк запретил мне подходить к пище. Я протянула руку к мясу, и его клыки прошли совсем близко от моих пальцев. Сначала должен был насытиться он, потом Рита, а остатки предназначались мне. Если я приносила овощи, собранные в саду, волки не проявляли к ним никакого интереса. Если

мне улыбалась удача и я находила мясо, то, пока волков не было рядом, я делила кусок на три части, а потом каждый ел в своем углу.

Однажды они, как обычно, ушли на охоту, и спустя некоторое время я услышала звук выстрела. Рита вернулась очень взволнованная, она крутилась вокруг меня, ставила уши торчком, принюхивалась и снова начинала крутиться. Я ясно видела, что она встревожена. Иногда она поджимала лапу и неподвижно прислушивалась к звукам, доносившимся из леса. Я попыталась подойти к ней, но волчица не могла сидеть на одном месте. Я спрашивала себя: что произошло, почему она вернулась одна, без своего черного волка?

Она облизывала меня, толкала мордой, но внимание ее было сосредоточено не на мне, ее беспокоило что-то другое, и она ушла. Волчица явно хотела, чтобы я последовала за ней, но я не могла долго идти, она бежала слишком быстро.

Я снова услышала выстрел, на этот раз гораздо ближе, потом еще один. Инстинктивно я спряталась в высокой траве и подумала о немцах и о мужчине, который преследовал меня. Когда шаги приблизились, я распласталась по земле. Я была совсем близко к тропинке, на уровне моих глаз прошли ноги в сапогах. Подняв голову, я увидела свою волчицу на спине мужчины.

Это могла быть только она, ее серый мех. Сначала я застыла, не понимая, что произошло. А потом меня охватила ярость, подобной которой я больше никогда не испытывала, безграничная ненависть, и я произнесла: «Я пойду за ним и убью его!»

Я лежала, распластавшись по земле, слезы бежали по лицу. Мне было так больно видеть это – мою волчицу на спине человека! Я видела следы тележек и капканов, люди здесь занимались охотой, но меня это недостаточно насторожило. Понятие «охоты» для меня не было связано с ружьем. Я никогда прежде не сталкивалась с таким убийством.

И я тоже решила убить. Он забрал у меня мою маму! У меня опять забрали маму! Это чудесное животное защищало меня, согревало мою спину, оно кормило меня... Это моя мама, а он убил ее.

Я иду по тропинке в тумане слез, останавливаюсь, когда выхожу на открытую местность, и наблюдаю. Мужчина подвешивает добычу на крюк, вбитый в стену хижины, потом спокойно заходит в свое жилище, выносит стул. Устраивается и раскуривает трубку. Вот он отдыхает, покачивается на стуле, большая голова прислонилась к стене хижины. Он счастлив.

Я вижу колодец, ведро, прикрепленное к вороту. Больше ничего. Я совершаю обходной маневр, оказываюсь позади хижины. Я ищу что-нибудь тяжелое, чем можно причинить ему боль. Куча деревянных брусков, инструменты, я натываюсь на что-то вроде лома. Очень тяжелый и очень крепкий. Я выбрала его, потому что на самом деле собиралась убить того мужчину, заставить его страдать, хотела, чтобы он разлетелся на кусочки.

Если бы там были вилы, кирка или лопата, я бы взяла их. Но у меня только железный лом, и я тихо крадусь вдоль хижины. Мужчина сидит впереди, рядом с дверью, а моя волчица висит с левой стороны. Я знаю, что плачу, но ни один звук не вырывается из моего горла. Я на самом деле плачу, слезы текут от ярости. Думаю, что в тот момент я действительно была на грани безумия, но мой ум был достаточно ясен, чтобы принять

решение, куда бить: мужчина может побежать за мной, несмотря на атаку, – значит, надо бить по ногам. Я сказала себе: «Ты сломаешь ему ноги!»

И вот я появляюсь перед ним и с невероятной силой бью по ногам один раз – он взывает от боли – и получает второй удар. Он бросается на меня, но падает.

Не знаю, действительно ли я сломала ему ноги, но я очень этого хотела. Мужчина пополз к своему ружью, но я добралась до оружия раньше и побежала к колодцу, чтобы сбросить его туда, потом увидела ведро, подвешенное на веревке, и тоже скинула его вниз. Не знаю, сказала ли я это или только подумала:

– Ты сдохнешь от жажды! Там есть вода, но ты не сможешь до нее добраться. Никто не придет к тебе на помощь.

Я видела, как он полз, стонал и проклинал меня, потому что я была сильнее, а он лежал на земле! Не знаю, откуда у меня взялись силы, чтобы совершить все то, что я сделала потом. Ненависть была такой же сильной, как и чувство всемогущества, которое охватило меня.

Я сняла с крюка добычу человека и взвалила волчицу себе на плечи. Да, это была очень тяжелая ноша, у меня подгибались ноги, но ярость укрепила мою волю. Я смогла идти, и я дошла до леса. Смесь огромного горя и желания отомстить сделали меня почти сверхъестественно сильной. Как будто я сказала себе: «Хватит! У меня все отняли, у меня забрали даже мою волчицу – единственное существо, которое любило меня и защищало с тех пор, как пропала моя мама».

Так человек стал для меня по-настоящему универсальным врагом. Не только немец, не только фриц – любой человек. Моя философия сложилась. Человек – трус,

потому что он убивает из ружья. Он – лжец, потому что его словам нельзя верить. Человек приручает, а потом бросает. А животное дерется зубами, не может лгать и никогда не предает.

Я скребла землю руками, ножом, но так и не смогла вырыть достаточно большую яму. Потом положила туда волчицу и в последний раз заснула рядом с ней, зарывшись в ее мех. Ночь была ужасной: больше не чувствовать, как движется ее тело, как она дышит, – это было невыносимо. Я много плакала и горевала, что эта смерть обошла меня. Мама Рита была моим спасением, все смешалось, земля на моих руках, слезы. Я укрыла тело волчицы, как в могиле. Мне было больно покидать ее. Я крутилась рядом и никак не могла уйти от этого места.

И я поняла, что она делала то же самое после первого выстрела. Этот охотник или другой застрелил самца, и она это знала. Кажется, я провела три дня на этой могиле, оплакивая Маму Риту, большого черного волка и себя. Я не могла ее бросить. У меня нет слов, чтобы выразить, насколько одинокой я чувствовала себя в тот момент. Одна и не такая, как все. Я чувствовала себя животным, мне было нечего делать среди людей. Я была как щенок, покинутый малыш, мать которого убили.

Со мной навсегда остался образ этого великолепного животного, подвешенного на крюк. Спустя годы я сказала себе: то, что люди делают с животными, они делают и друг с другом, и это уже было – человека также подвешивали на крюк. Человек – проклятый хищник. Он ничего не понимает и разрушает прекрасный мир из зависти. Он уничтожает животных, потому что не может бежать так же быстро, у него нет их чутья, их слуха. Он завидует деревьям, большим и красивым. Человек бесцветен. Все пороки сопровождают его. Неужели я тоже очеловечусь? Это невозможно, я так и не смогла излечиться от этого.

В тот момент я ничего не боялась, ослепленная ненавистью, яростью и жаждой мести, я даже не спрашивала себя: есть ли поблизости кто-то еще, могут ли сюда прийти люди? Потом пришла грусть. Мысль о смерти единственного существа, к которому я была привязана, ставшего мне второй матерью, до сих пор причиняет мне боль. Когда я решила отправиться в путь, я сказала ей на прощанье:

– Я отомстила за тебя, Мама Рита, я отомстила за тебя, ты знаешь. Я никогда тебя не забуду.

КОНЕЦ СВЕТА В ПОЛИЦЕЙСКОМ УЧАСТКЕ

Αἴ ἰὰ Ἐπιείαι

Илья-пророк прибывает на огненной колеснице в бастион падших ангелов и, изничтожив молнией несколько вооруженных до зубов охранников, а также энное количество современной огненосной техники, сообщает главе банды, опальному серафиму Шемхазая, что Б-жественный вердикт может быть пересмотрен и небесные врата готовы открыться, то есть грядет Армагеддон.

По так и не открывшейся мне причине возвращение падших ангелов на небеса зависит от заклятия семи дев из ордена Лилит, ввиду чего девы пропадают при загадочных обстоятельствах, сопровождаемых дополнительными смертоубийствами охранников, и к списку действующих лиц подключается полицейский участок в лице красотки Мази и влюбленного в нее офицера Ярива.

Красотка Мази непроста. Она – дочь ведуньи Рахель и бессмертного старца по имени Израэль. Никакими сверхъестественными способностями Мази не обладает, а если и обладает, то знать об этом не хочет, но при этом возглавляет особый отдел полицейского участка, ведущий расследования при помощи гадания на картах Таро, каббалы, нумерологии и считывания ауры посредством кристаллов. Если прибавить к этому воинство матери Рахель, гадающее на кофейной гуще, на внутренностях животных и знакомое с друидской магией, становится даже неловко от того, что расследование длится столь долго.

Однако придется признать, что падшие ангелы – не фунт изюму, и даже Ниро Вульф не осмелился бы с ходу и с маху предположить, что именно эти пернатые являются искомыми серийными убийцами. Да что там обжора Ниро с его орхидеями! Сама мисс Марпл, находясь в трезвом состоянии, не смогла бы продвинуться в расследовании подобного дела на основании птичьего пера, которое нумеролог-каббалист велел искать на месте преступления, где оно, разумеется, немедленно обнаружилось. И что дальше?

А дальше еще более крутой поворот: тайный орден Лилит, ответственный за все достижения феминизма в подлунном мире, поначалу скрывает принадлежность похищенных дев именно к нему, но со временем приходит на помощь полицейскому участку. Происходит это по той причине, что сей воинственный орден, ведущий борьбу с

падшими ангелами с незапамятных времен, потерял список истинных имен ненавистных бандитов, в связи с чем финальная битва добра со злом может превратиться в простое побоище. Ведь только истинное и тайное имя, данное ангелам еще до создания человека, может обезоружить эти летающие крепости. Однако отважная красотка Мази с помощью своих колдунов и матери Рахель все же ухитряется выяснить тайну ангельских имен и спасти мир.

Отмечу, что обозреваемая книга^[1] построена по всем законам правильного «ужастика» и читается легко, а поэтому чрезвычайно подходит для преодоления травмы транспортных зastoев. Применять к полицейскому детективу иные критерии оценки смысла не имеет. Вместе с тем этот предмет массового потребления сегодня широко изучается как показатель вкуса времени. Рассмотренный с этой позиции, наш полицейский детектив является весьма интересным текстом, поскольку нарушает большое количество израильских секулярных культурных табу. И то, что нарушителем принятой традиции становится именно маргинальный литературный жанр, возможно, не случайность. Революция в мейнстриме – дело серьезное и кровавое даже для маститых авторов. А уж для молодого и малоизвестного писателя подобная забава – верный путь к гильотине. Даже если найдется издательство, согласное выпустить подобную книгу, критика не оставит от нее камня на камне и слова на слове.

Что же такого табуированного в падших ангелах, Илье-пророке и девицах из ордена Лилит? А все. Начнем с того, что использование сюжетов Танаха, а тем более Талмуда считается сегодня плохим литературным тоном. Меир Шалев, один из немногих маститых авторов, позволяющий себе подобные эксцессы, достаточно пространно говорил об этом явлении в недавнем телевизионном интервью. Позволю себе положиться на его авторитет, поскольку развить эту тему формат статьи, к сожалению, не позволяет.

Табуированное отношение к Танаху и Талмуду – израильская проблема последних двух-трех десятилетий. Так было не всегда, но так есть. Более того, молодым авторам непросто нарушить табу, поскольку незнание двух упомянутых основополагающих собраний еврейских текстов стало знаком времени. Молодой израильтянин, прекрасно ориентирующийся в родословных фей и троллей, с трудом припоминает, сколько детей было у праотца Яакова и как их звали.

Меир Шалев обвиняет в этом систему просвещения, ухитряющуюся преподавать Танах и еврейскую историю так, что молодое поколение ненавидит этот предмет. Можно пойти дальше и вспомнить о том, что Министерство просвещения длительное время находилось в руках яркой антирелигиозной оппозиции крайне левого толка. Вместе с тем этим министерством управляли и правые, и даже религиозные министры, поэтому обвинять следует, скорее, общий антирелигиозный настрой секулярного сектора и в особенности его элитистской части. Замечу, что антирелигиозный пыл этого сектора, вполне реально управляющего культурным вкусом посредством СМИ и издательской инвективы, не распространяется ни на христианство, ни на ислам, ни на дзен, ни тем более на синтоизм. Остракизму подвергаются только иудаизм и его представители.

Это – одна сторона проблемы. Второе табу касается еврейского фольклора, естественным образом связанного и с Танахом, и с Талмудом. Если библейские герои еще могут просочиться в современную израильскую прозу в том или ином виде, то у фольклорных героев такого шанса нет. Да и не знает молодой израильтянин этого фольклора. Его в израильской школе не проходят даже факультативно, а современные

детские писатели бойкотируют намеренно или по незнанию. Но наш автор использует в своем детективе именно фольклор и даже манипулирует им, что само по себе занятно.

Мне не удалось понять, зачем ему понадобилось превращать в кровожадное чудовище добрейшего пророка Илью, ответственного в еврейском фольклоре за пропитание бедняков и за приданое для невест-сироток, как не удалось оценить и феминистский потенциал демонессы Лилит. Кстати сказать, амулеты-обереги против посягательств Лилит на грудных младенцев включают имя ангела-хранителя Шемхазая, про падение которого фольклору, очевидно, все еще неизвестно.

Таким образом все фольклорные герои оказываются перевернутыми в нашем детективе с ног на голову, что могло бы вызвать интерес широкого читателя, буде этот читатель был бы знаком с народным творчеством. Однако рассчитывать на такое знакомство не приходится. Еврейский фольклор все еще имеет хождение в религиозных и традиционных кругах, но там полицейских детективов не читают. Значит, сюжет обращен именно к читателю, с еврейским фольклором незнакомому. Для чего? Подразнить, вызвать интерес, показать, что не обязательно прибегать к чужеземным феям и троллям, когда есть собственная фольклорная шкатулка, набитая сюжетными возможностями?

Не могу утверждать, что намерения автора именно таковы, но должна отметить, что книга вызвала легкое сотрясение в интеллектуальных кругах. Это и есть та причина, по которой я решила рассказать о ней читателю.

^[1] Асаф Ашри. Симантов. Издательство «Змора-Бейтан», 2008.

АМИНАДАВ ДИКМАН: С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ У НАС РОМАН ПОСТОЯННЫЙ»

Аליאב אמינאדאב דיקמאן

Александра-Аминадава Дикмана называют одним из самых влиятельных и авторитетных людей в израильском переводческом мире. Он директор программы по переводу Иерусалимского университета, член-корреспондент Академии языка Израиля, член Национальной комиссии Израиля по переводу мировой классики. Ему принадлежат многочисленные переводы с русского, французского, латинского языков, он участвовал в составлении англоязычной антологии переводов Гомера. В 2003 году событием в книжной жизни Израиля стал сборник восьми русских поэтов XX века в его переводах «Век мой, зверь мой».

С Аминадавом Дикманом, которому в этом году исполнилось 50 лет, мы побеседовали на Московской международной книжной выставке-ярмарке, куда он прибыл в составе небольшого израильского десанта (см. об этом подробнее: [Лехаим, 2008, № 10](#)).

– Как обстоит дело с переводами русской литературы на иврит? Что сделано, что предстоит сделать? Насколько полное и адекватное впечатление о русской литературе создается сегодня у ивритоязычного читателя?

– Здесь, конечно, сразу несколько вопросов, самый интересный из них – последний.

– Давайте с него и начнем.

– Нет, не получится. Поступим наоборот.

Важно понять, что с русской литературой у нас уже весьма длительные отношения, существует целая переводческая традиция. Более того, когда мы в Израиле говорим о переводческой школе, речь идет в основном именно о переводах с русского.

Даже американские евреи, которые переводили Шекспира, существовали под знаком этой «русской» школы.

Это началось чуть ли не сто лет назад. В свое время выходил, скажем, авторизованный (!) перевод на иврит рассказов Бабеля. Первый перевод стихотворений Ахматовой на иностранный язык – это был именно ивритский перевод, в середине 1920-х. В иврите 1920–1940-х годов было большое количество не только идишизмов, но и русизмов.

Русская поэзия повлияла – всего через одну книгу – на целое поколение, так называемое «поколение государства». Я говорю о знаменитейшей антологии русской поэзии, которая была издана в Тель-Авиве в 1942 году под редакцией Авраама Шленского и Леи Гольдберг. Когда пальмаховцы сражались, у них за пазухой была именно эта книга, вместе с поэзией Натана Альтермана, тех же Шленского и Гольдберг. Кстати, у каждого из этих поэтов есть свой русский «прототип», сразу очевидны сближения: Альтерман – и Пастернак, Рахель – и Ахматова, Шленский – отчасти Блок, отчасти футуризм. Александр Пэн просто переписывал жизненный текст Маяковского – все, кроме самоубийства.

Вот что интересно: прочие моды в израильской словесности возникают и исчезают, но с русской литературой у нас роман постоянный. В 1940–1960-х годах в Израиле работали очень усердные переводчики. Например, Мордехай Вольфовски перевел Тургенева, Пушкина, семь или восемь центральных произведений Достоевского. Достоевский в его переводах входил в школьную программу, все читали «Преступление и наказание», а некоторые умненькие – еще и «Карамазовых». Когда-то я встречался с таким переводчиком – Цви Арадом, он был очень старым, а я очень молодым. Я ему задал вопрос (это надо показывать руками, но я постараюсь словами): «Господин Арад, сколько вы перевели?» Он сказал: «Ну, шкаф». – «А какой шкаф?» – «Ну, такой» (разводит руки. – М. Э.). Арад сделал первый перевод «Доктора Живаго», того же Тургенева переводил, «Петербург» Белого. Кстати, очень много переводилось советской литературы, трудно представить себе какую-то другую некоммунистическую страну, где ее переводили бы в таком количестве, как в Израиле в 1950-х годах. К сожалению, у нас нет полной библиографии переводов с русского на иврит. Сейчас мои студенты ее собирают, это будет очень серьезный томище.

Теперь мы живем в другую эпоху, коммерция и все дела. Но, слава Б-гу, у нас есть Национальная комиссия по переводу мировой классики, она выдает небольшие гранты. Издатели предлагают туда свои проекты.

– Они действительно занимаются классикой или в эту структуру реально вписаться и с чем-то современным?

– Вы знаете, издатели – это же хитрый народ. Начинаются дискуссии, кого считать классиком... Кстати, в этой комиссии есть список дезидерат, желательных к заполнению. Там значатся, среди прочего, «Слово о полку Игореве», серьезная антология русской поэзии XIX века...

– А та антология, о которой вы рассказывали, – это только XX век?

– Да, она начинается с Фофанова, кажется, и заканчивается каким-то вообще неизвестным поэтом, Николаем Незлобиным, которого даже Роман Давыдович Тименчик не сразу вспомнил... А вот поэзия XIX века, кроме Пушкина и Лермонтова, практически отсутствует. Пушкин переведен уже и по второму разу, кроме «Онегина», существующего

в классическом переводе Шленского, Лермонтов – по третьему. Но других поэтов – Баратынского, Фета, декабристов – мало кто знает, и это жалко. Я даже себя часто проклинаю, что не взялся за это дело всерьез.

Так что, несмотря на все богатство, у нас есть большие пробелы. И здесь я не слишком оптимистичен. Мне сложно представить, кто сейчас возьмется за Гончарова или за более полного Щедрина, к примеру. Надежда, впрочем, существует, потому что репутация русской литературы в издательской среде хорошая. Издателей не очень сложно уговорить заняться тем или иным русским романом.

– А какие-то переводы за последнее время событиями становились?

– Да, безусловно. Прежде всего, впервые появился большой сборник рассказов Платонова плюс «Котлован». Переводила Нили Мирски, которая получила в этом году высшую литературную награду, Премию Израиля, за переводы, по совокупности. Далее, мой приятель и ученик Ронен Сонис перевел «Защиту Лужина». Тель-авивский прозаик Рои Хен перевел «Темные аллеи» Бунина и до того – прекрасный сборник рассказов Шаламова.

– Это попадает в поле зрения журналистов, рецензируется?

– Да, все эти книги получили довольно большую прессу.

– А насколько развита критика перевода именно как перевода?

– Вот это реальная проблема. До серьезного уровня анализа мало кто из рецензентов доходит. Это у нас просто не принято. Обычно в нескольких строчках говорят «удачно – неудачно» или «мне кажется, что...». Но серьезный анализ – признаюсь честно, хотя и со слезой – довольно редок.

– Есть мнение, что русский язык – это язык устоявшийся, а иврит, напротив, развивающийся и меняющийся, поэтому старые переводы быстро устаревают и русские авторы должны постоянно переводиться заново. Вы согласны с этим?

– Я в этом вопросе выступаю чуть ли не один против всех. Понимаете, есть проблема, филологи могут ее обсуждать, доказывать, опровергать. Трагедия начинается тогда, когда мысль превращается в клише. Мнение о необходимости перепереводов, о том, что последнее *ipso facto* лучше вчерашнего, – это именно клише. Мне кажется, надо каждый случай рассматривать отдельно: действительно ли предыдущий перевод так устарел, что уже никуда не годен? Я думаю, во многих случаях это абсолютно не так.

Здесь есть две опасности, это я говорю как член Академии языка Израиля. Первое: переводчики будут льстить читателю, чтобы ему было легко и приятно читать, потому что это его язык и он при чтении нигде не спотыкается. Но это же монструозная идея! А ну-ка попробуйте проделать такое с тем же Платоновым. А что, русские его просто так читают, в ванне?

Второе: получается смешная циклическая идея – весь наш труд переводческий впустую, и мы будем каждые 15 лет, как некий странный Сизиф, начинать с нуля. К тому же такой подход аннулирует идею классики перевода. Я же всегда думал, думаю и, кажется, уже иначе думать не буду, что как есть классика литературы, так есть классика

перевода. И ее надо сохранять. Можно, к примеру, переиздать старые – даже очень старые – переводы с новым предисловием, с комментарием, то есть подойти к ним как к оригинальному тексту.

– Насколько вообще, с вашей точки зрения, иврит «пригоден» для переводов с русского? Не слишком ли велика разница между языками? Есть ли специфические трудности у переводчика с русского на иврит, по сравнению, скажем, с переводчиком на английский?

– Так принято говорить, но я и в это не верю.

– То есть вы не считаете, что есть пропасть между языками, не позволяющая что-то – скорее в поэзии, чем в прозе – адекватно передать?

– Что-то, конечно, теряется, порой очень важное. Но что-то и приобретается взамен, потому что резонанс языковой ивритский – он ни с чем не сравним. Так же как и английский. Если к этому отнестись не столь романтично, можно сказать, что у нас есть небольшая проблема интерференции: опасно при переводе опираться на готовые модели. Допустим, при переводе русской романтической поэзии на иврит соответствующие ивритские модели сразу превратят ее в пастиш. Но подобная проблема есть и в английском мире, достаточно вспомнить, как Бродский бился со всеми буквально переводчиками и сам переводил Цветаеву так, как считал нужным. И замечательный английский критик, тонкий стиховед, прекрасно знающий русский язык, Доналд Дейви, написал в «Times Literary Supplement», что переводы Бродского – это пастиш английского XIX века.

– Вы руководите кафедрой перевода Иерусалимского университета. Расскажите о ней. Как велика группа, какой процент выпускников потом реально занимается переводом?

– Дорогой коллега, это же совершенно секретная информация. Я вам расскажу, сколько у нас студентов, а потом начальство скажет мне: маловато...

Студентов у нас относительно немного, я, кстати, не всех ориентирую на переводческую работу. Мне очень важно, чтобы мы готовили критиков перевода, исследователей перевода.

Принципиальное отличие нашей кафедры от других – а в Израиле четыре или пять подобных кафедр – в том, что мы занимаемся историей перевода на иврит как важнейшей частью истории ивритской литературы. Этим, насколько я знаю, на других кафедрах мало интересуются, там занимаются теорией перевода, практикой. Все это есть и у нас, но на первом плане история переводческой традиции.

– Какие из своих переводов вы больше всего любите?

– Должно быть, Овидия. Это такое семейно-сентиментальное дело, мой покойный отец перевел некогда «Метаморфозы». Он был узник Сиона, с 1942 по 1955 год просидел в Воркуте. И должно быть, думая и о его судьбе, я перевел – не целиком – «Скорбные элегии» и «Письма с Понта». Это было в 2000 году. Кроме того, упомяну две антологии: русской поэзии Серебряного века и поэзии французского Ренессанса.

– И последнее: ваши творческие планы?

– Прежде всего выпустить то, что уже валяется дома: Верлен, «Медный всадник», небольшая подборка Маяковского.

ПАМЯТНИК УШЕДШИМ В НИКУДА

Юрек Бекер

Яков-лжец

Пер. с нем. Ю. Фрадкиной

М.: Текст, 2008 (серия «Проза еврейской жизни»). – 378 с.

Казалось бы, незначительная для обычной жизни ситуация: подставил правдоподобную ложь вместо абсурдной правды, чтобы удержать товарища от самоубийственного безрассудства. Какой уж тут героизм – сказать, что у тебя есть радио... Но это в обычной жизни. А здесь можно разгружать вагоны за тарелку супа – или устроить себе выходной и остаться голодным. Можно мечтать, но только о том, чего уже не вернуть. Болтать о чем угодно, но только не о действительно важном. Здесь нельзя появляться на улице без желтой звезды на одежде и приближаться к колючей проволоке...

Юрек Бекер видел отчаяние изнутри: ребенком прошел через польское гетто, лагеря Равенсбрюк, Заксенхаузен... «В нашем гетто сопротивления не было», – говорит рассказчик в первом и самом известном романе Бекера, «Яков-лжец». А это беспощадный приговор самим себе. Тот случай, когда четверо солдат ведут тысячную толпу на расстрел.

Людьми обитатели гетто стали только благодаря Якову Гейму, маленькому человеку, в прошлом хозяину уютной кафешки. Благодаря Якову и его лжи.

Кто же он, этот человек? Этаким еврейский Лука-утешитель («во что веришь, то и есть» – вспомним «На дне» Горького)? Или пророк поневоле, а скорее, «пророк наизнанку»: говорил заведомую ложь, и люди слушали его с радостью? Один из неприметных героев войны – Яков взвалил на свои тщедушные плечи чаяния всего гетто. И ноша оказалась слишком тяжелой – миг сомнения в этой пытке одиночеством стоил жизни лучшему другу Гейма. Ложь – подвиг. Правда – убийство? При всей своей почти публицистической документальности «Яков-лжец» – роман-притча, где за простотой сюжета скрыта иррациональная задачка сплошь из моральных иксов: невесомая тропка между равно невозможными вариантами поведения, липкая паутина обмана, хрустальное бремя чужой надежды. И грусть.

Проблемами национальной идентичности Бекер не увлекается. Не до них. Как и в любой военной прозе, главная тема здесь – человек в нечеловеческих условиях. В гетто «чистота эксперимента» предельная: все как на ладонке, одинаково униженные и

дрожащие. На этом сходство заканчивается. Кто-то прячет под шапкой пейсы, а кто-то надевает полученный в первую мировую Железный крест. Доктор Киришбаум, в прошлом – известный кардиолог, один из действительно героических персонажей романа, бьется над неразрешимой загадкой:

...немцы заставляют человека быть евреем, а сам ты не имеешь никакого представления о том, что такое еврей. Теперь вокруг одни только евреи, впервые в его жизни никого, кроме евреев, он ломает себе голову над вопросом, чем они схожи между собой. Напрасно. Он не может найти видимого сходства, а с ним у них и вовсе ничего общего.

Когда существование сводится к уловкам, уверткам, привычкам выживания (вспомним «Один день Ивана Денисовича»), вместе с человеком выпцветает и предметный мир. Когда отнимают и свободу, и время, – и даже деревья, настойчиво подчеркивает рассказчик, – на последнем клочке жизни цепляются друг за друга убогие мелочи: деталь не гоголевская, старосветская, роскошная, и не хемингуэвская, органично-скупая. Ничего-то, кроме этой детали жалкой, в романном мире и не осталось. Да что ни слово, то ли от постоянного голода, то ли назойливым призраком прошлого маячат картофельные оладьи, что подавались в геймовском кафе.

Писатель обращается с текстом по-постмодернистски вольно. Придумывает рассказчика (alter ego самого Бекера – скорее восьмилетняя сирота Лина, о которой заботится Яков) – обитателя того же гетто, который выжил и передал эту историю со слов главного ее «виновника». Вместе с рассказчиком скрупулезно восстанавливает или осторожно домысливает недостающие фактические звенья. Переплетает времена – настоящее рассказчика, настоящее гетто. Это настоящее гипнотизирует, творит живую картинку – недаром «Яков-лжец» изначально писался как сценарий (каковым впоследствии и стал; фильм с Робинсом Уильямсом в главной роли вышел уже после смерти Бекера, в 1999-м).

Заметим, книга была написана в том же 1969 году, что и фаулзовская «Любовница французского лейтенанта». У обоих романов три варианта развязки – в случае Фаулза это обычно рассматривается как постмодернистское новаторство. Первый – леденцовый и с ходу отвергаемый читателем «хэппи-энд»; второй – в духе сурового реализма – итоговое счастье со слезами на глазах. И наконец, наиболее правдоподобный третий финал: экзистенциальная пустота у Фаулза; безнадежный отъезд в никуда у Бекера.

Из этого «никуда» не вернулись ни Яков, ни Лина. Рассказчик по-своему тоже. Из «никуда» нельзя вернуться, видимо, в этом еще одна причина совпадения времен. «Никуда» всегда рядом, сколько бы ни прошло лет и сколько бы ни выросло деревьев. Писать об этом очень тяжело, но очень нужно. Превозмогая боль, как Бекер в его романе-памятнике.

Àěěà Ñĩĩĩáí ěĩ

НЕЖНАЯ МАТЕМАТИКА

И. Грекова

Свежо предание

М.: Текст: Книжники, 2008 (серия «Проза еврейской жизни»). – 416 с.

Первый рассказ И. Грековой, «За проходной», появился на страницах «Нового мира» в 1962 году и сразу привлек к себе внимание: легкий, оптимистично-советский, прекрасно написанный. Дебютантке, ученому-математику, доктору технических наук, преподавательнице Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского Елене Вентцель (именно она скрывалась за математическим игрек-псевдонимом) на тот момент было уже пятьдесят пять.

А вот ее роман «Свежо предание» оказался из разряда тех книг, которым пророчили публикацию лишь «через двести-триста лет». На этом параллели с «Жизнью и судьбой» Василия Гроссмана не заканчиваются: с разницей в год – тот же «Новый мир», тот же Твардовский, тот же сейф... Эпопея Гроссмана была напечатана за границей через 19 лет, в России – через 27. Роман И. Грековой увидел свет через 33 года (на родине – через 35 лет), к счастью, при жизни автора. Потому выпал из бурного общественно-литературного контекста конца 1980-х – начала 1990-х, когда страна буквально бредила Солженицыным, возвращенными Платоновым и Булгаковым, Мандельштамом и Ахматовой, писателями и философами-эмигрантами. Потому и читается сегодня уютным анахронизмом: острота стерта, в остатке – хорошая, честная проза.

Елена Вентцель, русская женщина с немецкой фамилией, коснулась невозможного, для своего времени непрогнозируемого: сталинского антисемитизма. Первыми в начале 1990-х опубликовались с историей «дела врачей» братья Вайнеры, их жесткий роман «Евангелие от палача» стал настоящей бомбой. И на этом фоне книга И. Грековой вновь проскользнула незамеченной. Отчасти потому, что дело у нее не в идейности и не в политике. Писательница забила тревогу, как всякий порядочный человек, когда на глазах у него ни за что гибнут достойные люди. Это беда и боль не только их, но и того народа, который такое допустил. И именно русский человек в романе перечисляет основные черты еврейской нации: «Вековые-то преследования даром не прошли, выковали и характер, и волю, и сплоченность. Любовь к детям. Любовь к родичам... И мудрость <...> Горькая такая, спокойная... с юмором».

Главный герой романа – ровесник Октября, совсем по-толстовски названный Константин Левин, только вот по батюшке – Исаакович. Тут-то и начинаются все беды, от

непонятного и обидного, школьного еще «жид пархатый» – и до «пышного бреда виновности». Стремительная сюжетная спираль: от ясного детства, с годами все запутаннее и безысходнее, через все вехи тяжелого, жуткого времени – аресты 1937-го, война, борьба с космополитизмом – к сумасшедшему дому (сколько героев русской классики заканчивали именно так – в своей «палате № 6»). Мать стала революционеркой, чтобы никогда больше не было еврейских погромов. А сына, который и языка-то своего народа не знает, загубила политизированная версия первородного греха. Бред? Вот герой и сходит с ума – видимо, в полном соответствии с партийными сверхзадачами.

Однако история в романе – скорее жесткий контекст, в котором персонажи стараются и все не могут жить по-человечески. Успокоительная форма классического семейного романа вызывает в памяти целый ряд предшественников – от Аксакова и Толстого до Горького, Бунина, Пастернака – и смягчает резкость содержания.

Проза И. Грековой не просто женская – материнская, от посвящения (памяти сына, Михаила Дмитриевича Вентцеля) до всей манеры письма, мягкой, лирической. Материнская любовь и умение поставить все на свои места становятся единственной спасительной силой, хрупким укрытием от любых бед и эпохальных вихрей. Самые проникновенные и убедительные страницы романа (куда убедительней, чем о трафаретно-подлых эмгэбэшниках) – о детях, «младенчиках», как говорит одна из героинь. Ребенок здесь – «мера всех вещей», главный индикатор человечности. А вечная материнская невысказанность выплескивается явно вставным эпизодом о родах. Многие авторы симпатизируют и сочувствуют своим героям. И. Грекова их любит – открыто, ненавязчиво, горько. И при всем том всегда – ну, почти всегда – удерживается от сентиментальности.

Предание И. Грековой действительно свежо: переливчатая легкость бабочкиного крыла, размашистые тройные определения («сухая, теплая, колючая земля», «мелкое, ручное, смиренное» море), вкусные детали, живые диалоги. Притом четко выверенные, идеально ожидаемые – дает о себе знать авторская «математика». И все же это чтение на одном дыхании, навзрыд.

По учебнику Елены Вентцель студенты до сих пор изучают теорию вероятностей. А вот проза И. Грековой известна, увы, далеко не всем. Жаль: в ней есть то, чего порой так не хватает современной, посткакой-то, пластмассовой литературе – простая, теплая, внеисторическая человечность.

Àëëà Ñîëüüáíéí

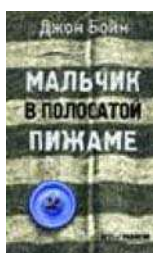
ИГРЫ У ПРОВОЛОКИ

Джон Бойн

Мальчик в полосатой пижаме

Пер. с англ. Елены Полецкой

М.: Фантом Пресс, 2008. – 288 с.

«Тебя ждет увлекательное приключение», – пообещала мама сыну, и девятилетний Бруно переезжает из Берлина в странное место с неприветливыми одноэтажными зданиями, высокими печными трубами и колючей проволокой по периметру. Мама ошиблась: ничего интересного здесь нет. Ребенок даже не может запомнить нелепое название того места, куда он угодил. Что-то вроде «Аж-Вись»...

Чуть больше десяти лет назад картина Роберто Бениньи «Жизнь прекрасна» была удостоена сразу нескольких «Оскаров». Итальянский режиссер, актер и сценарист рассказал миру историю про то, как еврейский папа, попавший в фашистский концлагерь вместе с сыном-полукровкой, спасает ребенка невероятными сказами об окружающем мире. Мальчик уверен, будто бы все происходящее с ним – веселая игра, и если точно соблюдать ее правила, можно получить в награду настоящий танк. Сюжет романа «Мальчик в полосатой пижаме» напоминает о фильме Бениньи. Тут тоже главным для фабулы оказывается взгляд ребенка на окружающую его ужасную реальность и изначальная уверенность малыша в ее игровом, «невсамделишном» характере. Но есть существенная разница: Бруно находится по другую сторону колючей проволоки. Поскольку он – сын не заключенного, но коменданта концлагеря.

«Дети жались друг к другу, на них кричали солдаты. И чем больше на них кричали, тем теснее они прижимались к товарищам, но затем один из солдат бросился к ним, и они отцепились друг от друга, наконец сделав то, чего, похоже, от них добивались, – выстроились в ряд...» Глядя на обитателей Аж-Виси, одетых в грязные полосатые пижамы с нашивками в виде шестиконечных звезд, Бруно простодушно интересуется у папы: «Кто эти люди, что тут живут?» Отец, шеголяющий в прекрасно сшитой форме со свастикой на рукаве, с улыбкой отвечает: «Ах, эти! Эти люди... Видишь ли, Бруно, они и не люди вовсе». Как это – «не люди»? Мальчик не понимает.

Сестра Бруно, тринадцатилетняя рассудительная Гретель, пытается – в меру своего разума – объяснить брату, что на этих существ за проволокой попросту не стоит обращать внимания. Это евреи. «“Их держат всех вместе, чтобы они не смешивались с нами”. “Евреи, – Бруно опробовал слово на языке. – Значит, все люди на той стороне ограды – евреи?” “Совершенно верно”, – подтвердила Гретель. “Но почему? И кто же мы тогда?” “Мы... – отозвалась Гретель и умолкла, засомневавшись, как следует отвечать на этот вопрос. – Мы... – начала она снова, но верного ответа так и не нашла. – Мы – не евреи”, – сказала она наконец. “Да знаю я, – отмахнулся Бруно, тупость сестры стала его раздражать. – Я спрашиваю, если мы не евреи, то кто же мы?” “Мы – их противоположность, – нашла Гретель. К ней постепенно возвращалась уверенность в себе. – Да, именно так, мы – их противоположность...”»

Но малыш упрямо не понимает: что значит – «противоположность»? Он-то видит, что старик Павел, работающий на кухне, ничем, кроме одежды, цвета лица и худобы, не отличается от обычных людей: отца, мамы, лейтенанта Котлера. Бруно не может взять в толк, отчего Павел, врач по специальности, не имеет права лечить людей. В какие дурацкие, однако, игры играют эти странные взрослые!

Прогуливаясь вдоль проволоки, мальчик знакомится со своим ровесником – с той стороны – по имени Шмуэль. Бруно проводит много времени в разговорах со своим новым другом, носит ему еду из дома, не понимая, отчего его приятеля там плохо кормят. Однажды он решает сам посмотреть, как живет Шмуэль. Бруно подлезает под проволоку, переодевается в такую же полосатую одежду и...

Упомянутый фильм Бенини многие критиковали за почти голливудский финал: да, отец погиб, но мальчику все-таки удалось спастись, и мама его благополучно нашла, и даже обещанный отцом танк он в итоге невероятным образом обрел. В книге Бойна финал куда мрачнее. Не для того слово «Аж-Высь» так похоже на «Аушвиц», чтобы автор решился напоследок сыграть в поддавки. Нет, больше никаких игр. Последнее рукопожатие – это все, что останется у двух маленьких друзей. Романист честен с читателем, а потому не дает хэппи-энду ни малейшего шанса.

Di ài Àdàèòì ài

ЖИЗНЬ ПЕРЕВОДЧИЦЫ

Наталья Трауберг

Сама жизнь

СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – 440 с.

«Мемуары – самое ненадежное, что можно написать. Подводит память; меняешься сам; а главное – большая часть айсберга вообще от нас скрыта». По признанию автора книги, мемуарного жанра она изначально побаивалась по нескольким причинам: «это и соблазн беспощадности, и соблазн самохвальства...»

Впрочем, большинство этих соблазнов Наталье Трауберг удалось преодолеть. Хотя ее книга внешне – притом весьма формально – и смахивает на мемуары, она таковыми в полном смысле слова не является. Дух дышит, где хочет: перед нами – сложенная то в хронологическом порядке, то в намеренно-живописном беспорядке причудливая импрессионистская мозаика из вспышек-воспоминаний, а также из авторских журнальных колонок, разнообразных заметок по поводу и без, притч-анекдотов, интервью, рецензий, маргиналий.

Дочери соратника Григория Козинцева по легендарному ФЭКСу и сорежиссера многих известных фильмов, от «Похождений Октябрины» и «Шинели» до знаменитой кинотрилогии о Максиме с Борисом Чирковым в главной роли, была уготована непростая судьба. «Моя семья долго принадлежала к тому, что Андрей Семенович Немзер назвал “прикормленной верхушкой”», – безжалостно признается автор. Однако пора счастливого детства 1930-х годов – заботливая няня, прогулки по Большой Пушкарской, ощущение рая – не могла не завершиться.

«Как-то Эйзенштейн вздумал снять меня в роли юной Анастасии. Мама спросила, куда он денет еврейскую скорбь. Он легкомысленно ответил: “Выдадим за византийскую”...» Увы, никакой камуфляж не мог обмануть бдительных кадровиков в стране СССР. Приехавший в Петроград еврей-одессит Трауберг числился в советских киноклассиках примерно до середины 1940-х, а затем идиллия закончилась.

Вместе с Сергеем Юткевичем, Михаилом Блейманом и многими другими кинодеятелями с неарийскими фамилиями Леонид Захарович был объявлен

космополитом. Его, как вспоминает Наталья Леонидовна, «называли в газетах “смердяковым” (с маленькой буквы)». Вчерашние друзья отступались и не здоровались, коллеги публично каялись и отмежевывались («Раздается звонок, вбегает Пудовкин и кричит: “Наталья, я предал Леонида!” Мы плачем навзрыд»). Мама «железно отвергала тех, кто не общался с космополитами», пишет мемуаристка; росло число людей, с которыми разрывались всякие отношения.

Год 1949-й запомнился автору окончанием ЛГУ, сдаваемыми в полубреду госэкзаменами и арестом братьев Гуковских, Григория и Матвея. «Как дочь космополита, ни в какую аспирантуру я пойти не могла». Летом 1950-го Наталью выгнали с работы, она стала с мамой делать абажуры для заработка. Именно в эти годы она всерьез увлеклась поэзией – благодаря Ефиму Эткинду и Руфи Зерновой ей в руки попали стихи Мандельштама. Позже, с 1959 года, она начала переводить для самиздата (первыми были Борхес и Ионеско): пишущая машинка, по Галичу, «брала четыре копии», и перевод «был для нас единственной возможностью говорить то, что мы хотели».

Наталье Трауберг посчастливилось отгородиться от советской действительности, обретя свое триединое «Телемское аббатство»: искренняя, не напоказ, вера стала ее духовным убежищем, маленькая Литва («северная Таврида, куда нас беда занесла») – многолетним пристанищем, а переводы с английского – профессиональным поприщем. Почему именно с английского? «Я страшно романтизировала Англию. Она стала для меня символом той трогательной жизни, когда маленькие, милые люди способны одолеть огромное зло. Собственно, они это и сделали».

Благодаря Наталье Леонидовне мы прочли по-русски многие произведения Гилберта Честертона, Клайва Льюиса, Пелема Вудхауза. Цитаты из любимых британцев, не раз «спасавших от сумасшествия или отчаяния», обильно рассыпаны по тексту книги. А еще здесь присутствуют люди, дорогие сердцу автора: священник Александр Мень и Сергей Аверинцев, Томас Венцлова и Борис Шрагин, Михаил Агурский и Николай Томашевский, Елеазар Мелетинский и отец Георгий Чистяков... Хотя Наталья Трауберг не только их современница, но и во многом «соучастница», она старательно убирает авторское «я» в тень, отводя себе скромную роль свидетельницы, хроникера. Многим ли нынешним мемуаристам присуща подобная кротость?

КАК ПРЕВРАТИТЬСЯ В НАСТОЯЩЕГО ИУДЕЯ

Марк Королинский

Год жизни иудея

СПб.: Вектор, 2007. – 251 с.

Итак, увидела свет еще одна книга, рассказывающая о еврейских традициях. С учетом того, что число таких книг скоро превысит количество российских евреев, авторам приходится все больше задумываться о той изюминке или «фишке», как принято ныне выражаться, которая позволила бы их книге выделиться из ряда ей подобных.

Что отличает книгу Марка Королинского? Прежде всего наличие теоретической подкладки, предшествующей описанию еврейского года, праздников, дней траура и порядка их соблюдения. Автор рассказывает об особенностях солнечно-лунного календаря, иногда даже перегружая читателя излишними подробностями. Но главный недостаток этого рассказа – в некоторой суховатости изложения. Текст можно было бы значительно оживить, рассказав о спорах мудрецов относительно календарных установлений, да и – все-таки книга не для детей написана – об их неизбежных заблуждениях, которые исправлялись в последующие эпохи.

Зато интересен раздел об астрологии и планетах, где автор отмечает важный факт: мудрецы всегда признавали эффективность хиромантии, разных гаданий и астрологических прогнозов, но «еврею обращаться к ним абсолютно невозможно». Истины ради отметим, что ранние строгие запреты на подобные действия так и не достигли цели: заклинания и чародейство были широко распространены, особенно при лечении болезней.

Раздел о праздниках и памятных датах написан вполне традиционно. Привлекает внимание главка о Хануке, дополненная рецептами приготовления семи видов пончиков. Особенно соблазнительными представляются «пончики на коньяке», где в качестве одного из ингредиентов используется коньяк в объеме двух столовых ложек.

Почему-то еще один, восьмой, вид пончиков с джемом назван «суфганийот с джемом», хотя «суфганийот» – те же пончики, что подтверждает и сам автор.

Но настоящая «фишка» книги заключена в разделе «Особые годы жизни». Евреям, ставшим носить нееврейские имена «после многих лет насильственной ассимиляции» (отмечу, отнюдь не только «насильственной»), автор рекомендует подобрать соответствующее по смыслу или звучанию еврейское имя и предлагает подробный список таких имен. Жаль, Королинский не рассказал при этом старый анекдот, когда принимающему гиюр Акакию предлагается взять имя Сруль.

Но удивительнее другое. Вопреки собственным рекомендациям, сам автор доньше носит имя Марк, широко распространенное среди евреев диаспоры, но имеющее греко-римское происхождение. Предлагаю это исправить. Поскольку одна из этимологических версий возводит имя к латинскому «маркус», что означает «молоток», то ивритским аналогом имени Марк будет Патиш, которое ныне, как и слово «молоток» в русском сленге, имеет коннотативное значение «молодец». Так, Шарона порой называли «патиш». Имя Патиш Королинский мне кажется очень ярким и запоминающимся.

Р'д'е' О'а'а'е'

О ФИЛОСОФИИ ДЛЯ ПРОСТЫХ

Ноа бен Шиа

Лестница Иакова. Простая мудрость для сложного мира

М.: Рипол Классик, 2007. – 192 с.

Мне уже приходилось говорить (см.: «Лехаим», 2007, № 7) о книге под тем же названием, написанной успешным американским бизнесменом Ноа бен Шиа – ведущим рейтинговых телеканалов, поэтом, философом и автором афоризмов, появившихся на 25 тысячах кофейных чашек. Тогда я еще посетовал на вкус и интеллектуальный уровень американцев, которым нравятся банальные до убогости афоризмы и истории, сочиненные автором. И вот на тебе: издательство «Рипол Классик» не удовлетворилось изданием одной книги и выпустило «второй том культовой трилогии про мудрого пекаря».

В результате меня занимает социологическая проблема: кто читает такие книги? Допустим, я не большой любитель российских детективов: уж очень они (за исключением разве что Акунина) примитивны по сюжету в сравнении с западными образцами жанра. Да и русский язык их кажется не вполне русским. Однако я могу понять усталых людей, по дороге с работы погружающихся в подобную литературу. Но вот вопрос с Ноа бен Шиа для меня остается открытым. В самом деле, кто может заинтересоваться цепочкой афоризмов вроде следующих: «Чтобы идти вперед, нужно не сворачивать с дороги», «Время – это не запертая комната, но бесконечный коридор», «Хотя мы часто думаем, что одиноки, мы никогда не одиноки настолько, как нам кажется»?

Может быть, у издательства уже сверстан план на ближайшие годы, закуплены права, и российский читатель поневоле ознакомится со всем творчеством Ноа бен Шиа? Или же это действительно кому-то нравится? Если верно второе предположение, значит, Россия подпала под обаяние американской масс-культуры. И даже не всяких там фастфудов, голливудских боевиков и дешевой эротики, а такой облегченной «культурки», содержание которой, в общем, идеологически выдержанное (автор был номинирован на Пулитцеровскую премию «за идеи, которые служат миру»), но предельно пресное, банальное и упрощенное для понимания. Философия «для простых», так сказать. Что и подтверждается подзаголовком книги.

Не могу сказать, что меня очень радует подобное положение дел. Слишком мощным культурным наследием мы обладаем, чтобы наслаждаться импортом Ноа бен Шиа. Но видимо, никуда не деться. Цивилизованность с культурностью – понятия не синонимичные. Выбираем путь среднего добропорядочного американца – работать с полной самоотдачей, ходить в бассейн, не пить, не драться, не хулиганить в подъездах и читать Ноа бен Шиа. Не так уж плохо, если вдуматься.

Рддд Оаааа

КУЛЬТУРОЦИД

Арно Люстигер

Сталин и евреи: Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев

М.: Росспэн, 2008. – 478 с.

Хотя на первом месте в названии стоит Сталин, самого его в книге довольно мало. Евреи имеют дело как бы с системой в целом, поначалу мысля себя ее частью и вдруг, против воли, выпав из нее, оказавшись врагами, которые должны быть уничтожены. Изложение ведется хроникально, почти сухо, с постоянной опорой на документы, но оттого происходящее видится еще более драматичным. Тут же – фотографии: до и после ареста. Почтенные члены общества, мастера культуры, обладатели чинов и регалий, и рядом они же – растерянные, подавленные, сломленные...

Хорошо бы почитать эту книгу тем, кто ностальгирует по советской империи и сталинскому порядку, каковая ностальгия сейчас в моде. Историческая наука и публицистика, отдавшие в последние десятилетия немало сил реабилитации жертв режима и раскрытию сталинских преступлений, переключились теперь на прямо противоположное занятие – реабилитацию режима и оправдание действий Сталина, признание за сталинскими трибуналами если не юридической, то политической правоты.

Но вряд ли апологеты сталинизма будут читать работу Люстигера – ведь к ее автору прочно приклеен ярлык бундовца. Что ж, Люстигер действительно отнюдь не бесстрастный наблюдатель: его личная судьба, куда входит не только давнее, еще до войны, членство в юношеском отделении Бунда, но и гитлеровские концлагеря, и многое другое, неотделима от тематики и духа его исследований. Сам это прекрасно сознавая, он избегает обобщений, предоставляя слово фактам, документам, историческим событиям, в основной своей массе известным, но излагаемым максимально структурировано.

О ХОЛОКОСТЕ, ЭФИФИОРИЙЦАХ, ДЕНАЦИФИКЦИИ И БЛАГИХ НАМЕРЕНИЯХ

Израэль Гутман

Катастрофа и память

Киев: «СН-Столичные новости», 2008. – 372 с.

Жаль. Жаль, что речь пойдет о книге, которая могла бы стать лучшим пособием по истории Холокоста, изданным в СНГ. Рассказы для детей из «Дер Штюмер», множество потрясающих свидетельств, редкие (действительно редкие) фото и карикатуры, четкая структура, оптимальное соотношение сухих фактов и их эмоциональных трактовок, компактность изложения – все это выгодно отличает книгу главного историка музея «Яд ва-Шем» и редактора четырехтомной энциклопедии «Шоа» от трудов отечественных «холокостоведов».

Единственный недостаток издания, сводящий на нет все его достоинства, – книгу... невозможно читать. Переводчик и редактор, по-видимому, не имеют ни малейшего понятия о предмете исследования. Такие анекдотические ошибки и полная некомпетентность не встречались с середины 1990-х. Интересно, в каком направлении двинутся мысли читателя, обнаружившего на с. 19 упоминание о загадочных эфифиорийцах. Вряд ли ему придет в голову, что эфифиорийцы – это всего лишь... римские папы (от ивр. «афифиор» – «Папа Римский»). Споткнется ли учитель на с. 183, узнав, что Януш Корчак – «выходец из еврейской семьи из Таволетет»? Нет, даже на самой подробной карте Польши не найдет он города со столь странным для славянского уха названием. Потому что Таволетет – не более чем не понятное переводчиком и искаженное митболелет (ивр. «ассимилированная») – Корчак действительно родился в ассимилированной еврейской семье. Придется поломать голову и над таинственной кфутой – непременно деталью одежды религиозного еврея. Не мучься, студент, – речь идет о капоте, или лапсердаке. Порой создается впечатление, что редакторы использовали все возможности, предоставленные им текстом для совершения ошибок. Отец современного антисемитизма Вильгельм Марр почему-то превратился в Меера, лидер

восстания в Варшавском гетто Мордехай Анилевич – в Анилбича, румынская «Железная гвардия» – в «Железную охрану», денацификация – в денацификацию, Рауль Валленберг – в Веленберга, венгерский диктатор Миклош Хорти – в Горти, Тель-Авив – в Телль-Авив, Ванзее, где было принято решение (тавтология неизбежна) об «окончательном решении», – в Ванзу, Терезиенштадт – в Тразинштат, знаменитый лагерь Дранси под Парижем вообще выступает под разными названиями – Дрэнси, Дарсани, Дерсени.

О чудовищном языке изложения, перлах вроде «Центральное объединение граждан Германии крови Моисея» или «Орган по передаче взрослым наследия еврейского образования» и десятках банальных орфографических ошибок и говорить не приходится. Исключение составляет лишь глава «Евреи Украины в годы второй мировой войны», явно (судя по стилю и пристойному русскому языку) не являющаяся частью переведенного труда.

Особенно горько, что речь идет об учебнике, из которого ученик (часто юный ученик) получает первую в своей жизни информацию о столь сложном и многогранном феномене, как Холокост.

Все это больше чем непрофессионализм, это полное пренебрежение к читателю, ведь большинства ошибок в именах собственных удалось бы избежать (в отличие от середины 1990-х), просто обратившись к Google или Еврейской энциклопедии. Но видимо задача формулировалась проще – книгу надо было издать. Любой ценой. Хотя на беду заказчика – Всеукраинского еврейского конгресса – еще год назад «Яд ва-Шем» уже презентовал роскошный альбом-пособие «Катастрофа и память о ней» Израэля Гутмана и Наамы Галиль в прекрасном переводе, со словарем основных терминов и понятий, цветными иллюстрациями и картами. На его фоне уродливый брат-близнец, изданный в Киеве, смотрится еще безобразней.

Не проще ли было приобрести для распространения в Украине это прекрасное издание или профинансировать дополнительный тираж, особенно в свете заявлений спонсора о том, что он «не мог пройти мимо возможности ознакомить Украину с тем материалом, который собран авторами этой книги»? Видимо, не проще. Хотелось бы верить, впрочем, что дело не в неумном (и неумном) стремлении быть «первым в песочнице», а в элементарном отсутствии мониторинга еврейских изданий и легкомысленном отношении к поставленной задаче. Хотелось бы верить...

Пока же хотели, как лучше, а получилась... Катастрофа.

Михаил Гольд

Аннотации

Ричард Д. Банк, Джулия Гутин.

История и наследие еврейского народа.

От Авраама до сегодняшнего дня

М.: АСТ; Астрель, 2007 (серия «The Everything»). – 320 с.

При первом взгляде на обложку привычно ожидаешь знакомства с очередной бойкой компиляцией из цикла «все, что вы хотели знать о евреях, но боялись спросить». Чтение книги, однако, внушает скорее оптимизм: наконец-то на русском языке появилась конспективная история еврейства, которую не стыдно рекомендовать читателю, жаждущему узнать за минимальный промежуток времени максимальное количество фактов. Редактура, конечно, местами оставляет желать: «Спиноза был отлучен от церкви по приговору раввинов», да и с именами по традиции изрядная путаница: Гилель превращен в Иллеля, Бешт «дешифруется» как «Баал Шем Тов», а Моше из Леона – как «Моисей Шем-Тоб», да к тому же «де Лион». Но было бы снобизмом утверждать, что это полезное издание целиком загублено десятком-другим подобных блох.

Марк Львовский. О тех, кого люблю, о тех, кого никогда не забуду.

Книга интервью и очерков

Иерусалим, 2007. – 447 с.

Марк Львовский, сам много лет проведший в «отказе», создал книгу о тех, кого он называет «великими отказниками», – о людях, возглавлявших сионистское движение в Советском Союзе в 1970-х годах. Персонажей своих автор любит – и не скрывает этого. Все мужчины у него – герои и интеллектуалы, все женщины – умницы и красавицы. Впрочем, укорять Львовского в идеализации и требовать от него объективности было бы неправильно – он на первых же страницах честно описывает свой подход: «Вы не найдете в этой книге “замочных скважин”. Не найдете, кто с кем кому изменял и кто, найдя на дороге кошелек, не вернул его милиции». Тем самым автор изрядно усложнил свою задачу – рисовать идеального героя, как известно, много труднее, нежели обычного человека, с его слабостями и недостатками. Однако Львовский преуспел: созданные им портреты получились живыми и индивидуализированными, Абрамович вовсе не похож на Бегуна, тот на Таратуту, а Таратута на Кочубиевского. Не скрывает интервьюер и разногласий между героями книги: Слепак заочно спорит с Воронелем о роли израильского правительства в принятии знаменитой поправки Джексона–Вэнника, Престин не соглашается с Лунцем. Что не мешает автору относиться ко всем ним с равной

симпатией и сообщать свои чувства читателю. По слухам, за первым томом должен последовать второй, который сейчас в работе.

Ī ää äí ĭ ĩ ò äö èy ì è ää ĭ ò ä è Ī è ö ä è Ī ä è ĭ ä

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2008 ХЕШВАН 5769 - 11(199)

ЧТО ХОРОШЕГО В МУСОРЕ

Ä ö ä ã ö è é D ä ä ç è ĭ

В Венеции проходила архитектурная биеннале. «Лехаим» попросил меня рассказать о павильоне Израиля. В том смысле, что не так много в мире всемирных выставок, где у Израиля есть постоянный павильон. А это к тому же необычный павильон, построил его Зеэв Рихтер в 1956 году – вещь довольно героическая, а сам Рихтер изначально из Украины. В Израиле он построил довольно много, в том числе знаменитое здание Бейт-Энгель на бульваре Ротшильда в Тель-Авиве: дом на сваях, который надолго определил типологию строительства подобных зданий в стране.

Повторяю, его павильон с изысканной спиральной лестницей – один из самых эффектных на биеннале. Но я сразу сказал, что совсем необязательно в этом году в павильоне Израиля будет что-то сногшибательно интересное. Журнал, однако, был непреклонен: «Все, что Израиль захочет выставить в своем павильоне в Венеции, в любом случае достойно внимания». Как я в этот момент позавидовал Израилю! Сам-то я работал куратором павильона России, а у нас ситуация прямо противоположная: как-то так

получилось, что чего бы ни выставили в павильоне, в любом случае это станет предметом самого неприязненного отношения со стороны критиков и заинтересованной общественности. Разные культурные традиции.

Выставка в израильском павильоне называется «Архитектура в континууме». Начинается она с картины художника Йорама Амира «Иерусалим развивается». Это, в общем-то, даже не картина, а фотография Иерусалима, панорама, – но на ней нарисовано несколько небоскребов. В свободной, даже, я бы сказал, неаккуратной графической манере. Смысл картины в том, что современное строительство совершенно случайно и произвольно меняет характер города. Действительно, нарисовано все как-то случайно и произвольно.

Далее выставка архитектора Яная Тойстера. Она называется «Достройки». Он сфотографировал несколько зданий 1930–1970-х годов в разных городах так, что видно: есть старая часть, а есть достроенная. Эта выставка очень нравилась экскурсоводу Миле, она рассказывала о ней с видимым увлечением. Там, например, одна семья в Хайфе немного разбогатела. У них был сначала одноэтажный дом, миленький, но маленький, а потом они достроили себе второй этаж с красной крышей, тоже вообще-то небольшой, но вместе два этажа лучше, чем один. И все это считается незаконным. Вместе с тем в Иерусалиме есть башня Шалом Меир, которая в свое время воспринималась даже как один из символов Израиля. И вы представляете, сверху этой башни один богатый человек построил себе пентхауз! И вот это законно. Ему все это разрешили делать. И где справедливость?

К этому моменту я чувствовал себя как-то растерянно. С одной стороны, сами по себе эти истории (всего их на выставке шесть) вызывали у меня живое сочувствие. В них было что-то от простеньких притч, их неплохо рассказывать на базаре, ну и в качестве темы для колонок в журнале они тоже годятся. В огороде бузина, в Киеве дядька – и где справедливость? С другой стороны, это простовато для мировой архитектурной выставки. Нет, история семьи в Хайфе при правильной постановке вопроса способна, конечно, потрясти мир. Но это еще надо его правильно поставить, и я не представляю себе, кто за это возьмется. А так – кому какое дело до мелких неурядиц с законодательством?..

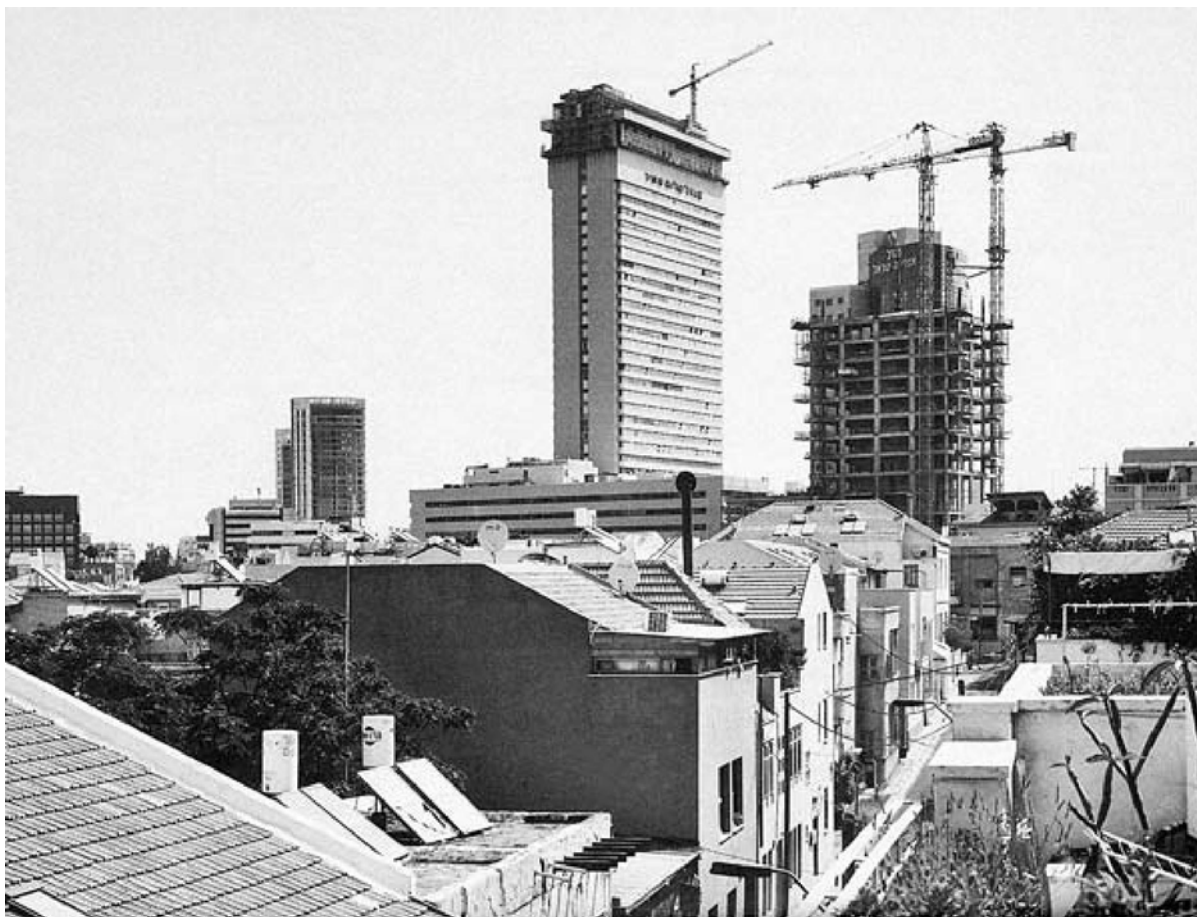
Дальше был довольно радикальный проект. В центре Тель-Авива четыре молодых архитектора – Йонатан Рокем, Альма Цур, Йонатан Коэн и Дэн Хендель – взяли некий район для исследования. Это означает, что им разрешили об этом думать, но пока еще ничего не делать. Я вообще-то считаю, что и это было опрометчиво – разрешать им об этом думать. Они придумали, что жилье в Тель-Авиве все время дорожает и молодым людям жить негде, а аспирантам и студентам тем более. Я не совсем понял, но, по-моему, это они и так знали, еще до исследования. А исследование у них было такое, что, если в данном районе во всех квартирах произвести уплотнение, а еще построить несколько домов над парковками и немного пристроить по бокам, а всех жителей выселить и вместо них населить студентов, то туда влезет в четыре раза больше студентов, чем тех людей, которые сейчас там проживают. «Какие способные молодые люди! – сказала моя жена, рассматривая этот проект. – Всех выселить и населить в четыре раза больше студентов! Интересно, кто их родители?..»

Я. Тойстер. Достройки.

Надстроенный дом в Хайфе.

Гвоздем павильона считался проект Яна Тичи «Инсталляция №3». Этот художник очень знаменит в Израиле, в прошлом году он получил звание «лучшего художника года» (уж не знаю, как и за что в Израиле его дают), поэтому заслуженно был гвоздем. Ян Тичи представил инсталляцию из кубика с металлической сеткой внутри, похожую на проволочный ящик для бутылок. Сквозь эту сеточку он светил фонарем, причем луч был сложный и менял траекторию. Там была такая мысль, что любое здание, в сущности, представляет собой кубик с сеткой внутри, а движение луча показывает: во времени эта структура может обживаться по-разному. Не очень красивая вещь, но многозначительная.

Я. Тойстер. Достройки.

Надстроенная башня Шалом Меир в Иерусалиме.

Ну и, наконец, верхний этаж павильона украшали еще два проекта. Один из них сделал Роми Ахитув. Он сфотографировал с самолета территорию от Иерусалима до Мертвого моря, а потом с помощью специально изобретенной им компьютерной программы стал ее всячески искривлять. Получилось похоже на геологический рельеф. Причем в самом Иерусалиме было еще не очень похоже на рельеф, и там даже в искривленном виде можно было заметить некоторые здания и мост Калатравы, а ближе к Мертвому морю уже совсем не было видно никаких зданий и бедуинские деревни сливались с ландшафтом целиком и полностью. Это было показано в нескольких телевизорах – сначала наплывала картинка неискривленная, а потом все искривлялось. Рядом была другая инсталляция – Тома Тлалина и Лирана Чечика. Эти ребята, как я понял, в большей степени социологи: они считали разные показатели – количество населения, его половозрастные, образовательные и разные другие характеристики – и из всего этого делали диаграммы. А потом все эти диаграммы они вылепили в виде скульптур, и опять получилось похоже на геологический рельеф. Как бы получилось, что и люди, и их постройки в некотором смысле тоже земная оболочка.

Однако вы не подумайте, что это только в павильоне Израиля была такая странная экспозиция. Нет, ни в коем случае. Даже, пожалуй, наоборот. Дело в том, что тема венецианской архитектурной биеннале в этом году – «Архитектура помимо зданий». И чего там только не было! У немцев, скажем, госпиталь для растений: растения росли в горшках, горшки стояли на специальных подставках, как бы хирургических столах, и в каждый горшок шла капельница с водой и капельница с физраствором, а сверху еще была яркая лампочка, излучавшая живительный для растений, но несколько неприятный для

глаза ультрафиолетовый свет. Очень значительное произведение. А у чехов были холодильники с продуктами, и туда все заглядывали, действительно ли там продукты или нет, и это были они. Словом, много чего было, но все помимо зданий. А зданий совсем немного – только у тех, кто не послушался главного куратора, ну вот, например, как в российском павильоне. Израиль не хотел не слушаться главного куратора – главного куратора звали Арон Бецки, родители у него из Одессы, сам он родился в Голландии, а сейчас живет в США, и все, что он придумал, рассматривалось куратором израильского павильона Арадом Тургеманом как априорно достойное самого позитивного отношения.

Я-то изрядно злился на главного куратора. Я – архитектурной критик, мне очень важно видеть какие-нибудь здания, а тут все как-то помимо них. Но с другой стороны, сколько ни злись, а надо как-то к этому относиться. И должен сказать, именно павильон Израиля позволил мне понять что-то такое, от чего я стал относиться к самой биеннале немного лучше.

Проект Р. Ахитува с искривленными ландшафтами.

Вот в чем дело. Израиль – очень древняя страна, но она в духовном смысле древняя. А в материальном не очень древняя. Застроена она недавно.

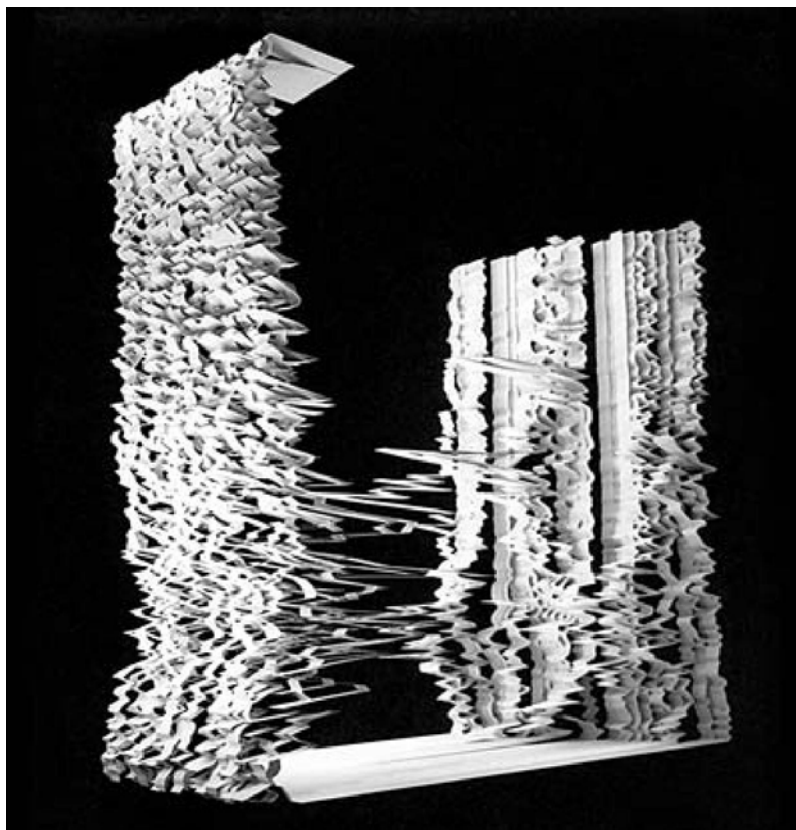
Тот же центр Тель-Авива, откуда предприимчивые молодые люди предложили выселить всех, кто там живет, для решения бытовых проблем еврейского студенчества, объявлен ЮНЕСКО в 2003 году всемирным достоянием человечества, потому что застраивали его в 1930-х годах студенты «Баухауза», немецкого центра авангардной архитектуры, переехавшие сюда после прихода к власти нацистов. Помимо Зеэва Рихтера, про которого я уже рассказывал, это Арье Шарон, Дов Гарми, Пинхас Хюет, Йосеф Нойфельд, Геня Авербух, Ричард Кауфман и Эрих Мендельсон. Вообще, в Израиле очень много старой функционалистской архитектуры 1930-х годов – времени, когда в стране был строительный бум, потому что шла массовая иммиграция, – и много послевоенной архитектуры. Но это кварталы для рабочих. Очень скромная, очень аскетичная архитектура, про которую только специалист может понять, что она – всемирное наследие человечества. А так ужас какой-то – как русский конструктивизм, бараки для рабочих в Нижнем Новгороде или Норильске.

Еще в Израиле много традиционной архитектуры, одно-двухэтажной, которая невесть когда построена и которая в общем-то арабская. Это даже не архитектура, а какие-то строительные массивы, поселения, в которых не всегда понятно, где отдельный дом, – это какие-то перетекающие заборы, строения, жилые и хозяйственные блоки.

Про современную архитектуру давно замечено, что она плохо стареет. Вот всякие ренессансные палаццо или здания XIX века – они чем старше, тем значительнее, тем лучше как-то, и даже когда разваливаются, они превращаются в полные меланхолической красоты руины. А здания из стекла и бетона, как только бетон начинает выкрашиваться и трескаться, а стекло пылиться, приобретают какой-то неблагополучный и неопрятный вид, а если разваливаются – так это вообще безобразный мусор.

Я бы и про арабскую жилую архитектуру (не мечети) сказал то же самое. Даже еще больше – она с самого начала, даже когда совсем новая, все равно кажется немного неблагополучной и неопрятной. А уж потом и говорить нечего. И так везде – в Ливане, в Сирии, в Египте, даже в сравнительно благополучной и богатой Иордании. В Бейруте разрушенные взрывами и бомбами районы XIX – начала XX века, французские районы, выглядят достойнее и чище, чем арабские, которые никто не разрушал.

Но это с европейской точки зрения. Или с русской. То есть с точки зрения стран, где много исторической архитектуры. Это в Москве можно ругать кварталы пятиэтажек за то, как бедно и убого они выглядят спустя тридцать лет после того, как их построили, и сравнивать их с историческим городом, который, хотя и старше, а вот приличнее. Вернее сказать – можно было ругать, потому что кварталы пятиэтажек в Москве уже снесли, а исторический город потихоньку сносят и строят заново с увеличением инвестиционной привлекательности. А вот как быть в стране, где вся архитектура – современная, где сама идентичность страны связана с этими героическими ребятами из «Баухауза», добравшимися до Тель-Авива и создавшими всемирное достояние человечества?

Т. Глалин, Л. Чечик. Инсталляция с диаграммами.

Надо как-то полюбить эту строительную массу, найти в ней что-то хорошее, свое. И вот они ищут. Ищут и считают процесс ее постоянного изменения, достроек,

уплотнений, изменений конфигураций чем-то страшно интересным. Каким-то спонтанным формообразовательным процессом, отчасти похожим на геологический рельеф, отчасти на диаграмму социологического состояния той человеческой общности, которая здесь располагается. Я бы даже это обобщил. В постоянных изменениях, достройках, сносах они видят жизнь. А жизнь – она ведь ценнее любой застывшей формы. И позитивнее.

Это странное отношение к архитектуре, когда важна не столько она сама, сколько жизнь, в ней протекающая. Но с другой стороны, именно она позволяет пережить старение зданий и их достройку не как неприятность, а как что-то хорошее. Ведь приятнее, если ты пережил дом, нежели дом пережил тебя. В этом даже есть что-то жизнеутверждающее.

Так я размышлял, пока осматривал павильон Израиля. А потом подумал: вот Арон Бецки... Может, он тоже... Ну, в этом направлении думает. Потому что у него есть такое свойство, что он вообще не выносит исторической архитектуры. Я-то, честно сказать, не вижу ничего плохого в том, чтобы взять и построить сегодня ренессансное палаццо. Более того, я всячески стараюсь, чтобы они были построены, и даже немного преуспел. Но когда я показывал Бецки «Римский дом» Михаила Филиппова в Москве, то он сначала не верил, что это построено сегодня, а когда поверил, увидел в этом преступление против прогресса и наступление сил реакции.

Но он же не может не видеть, что современная архитектура плохо стареет! Он ее очень любит, но она безобразно старится, превращается в мусор, которому единственное место – на свалке. И он, вероятно, должен искать в этом процессе что-то хорошее. Почему бы не счесть, что именно поэтому он и интересуется архитектурой помимо зданий? Почему бы не счесть, что именно об этом вся биеннале?

Район Тель-Авива, выбранный для «исследования» четырьмя молодыми архитекторами.

И когда я понял это, я стал по-другому относиться к затее Арона Бецкого. Вообще-то она довольно остроумная, иногда забавная, местами очень красивая. Не знаю, понял ли сам Арон Бецки, что лучше всего тему его биеннале раскрыл израильский павильон, но уверен: израильский павильон лучше всех понял Арона. И в связи с этим я хотел бы дать вам один практический совет.

Предположим, что вы, читатель, – русскоговорящий еврей. Это легко предположить, раз вы читаете этот журнал. Тогда весьма вероятно, что все происходящее вокруг вызывает в вас живое чувство раздражения своей бессмысленностью, глупостью, нецивилизованностью, непорядочностью, неумением людей понять, что для них хорошо, а что плохо, и неумением слушать тех, кто понимает. Это весьма распространенное умонастроение в среде русскоговорящих евреев. Я и сам такой, именно поэтому, вероятно, много лет работаю критиком, то есть буквально черпаю из своего раздражения свой хлеб. Я, кстати, и жене говорю, когда она ругается на мой характер, что этот характер – главный источник наших заработков. Так вот, когда это живое чувство раздражения начнет как-то раздражать вас самих (а это тоже бывает), мысленно представьте себе: здесь, где-то рядом, есть израильский павильон. Ну, не знаю чего – просто израильский павильон того же самого, что вас так раздражает. И взгляните на все как бы изнутри израильского павильона. Памятуя о том, что все выставленное там априори достойно самого лучшего отношения.

С некоторой долей вероятности вам станет легче. Как мне.

ИЗРАИЛЬСКИЙ ДОМ «БАУХАУЗА»

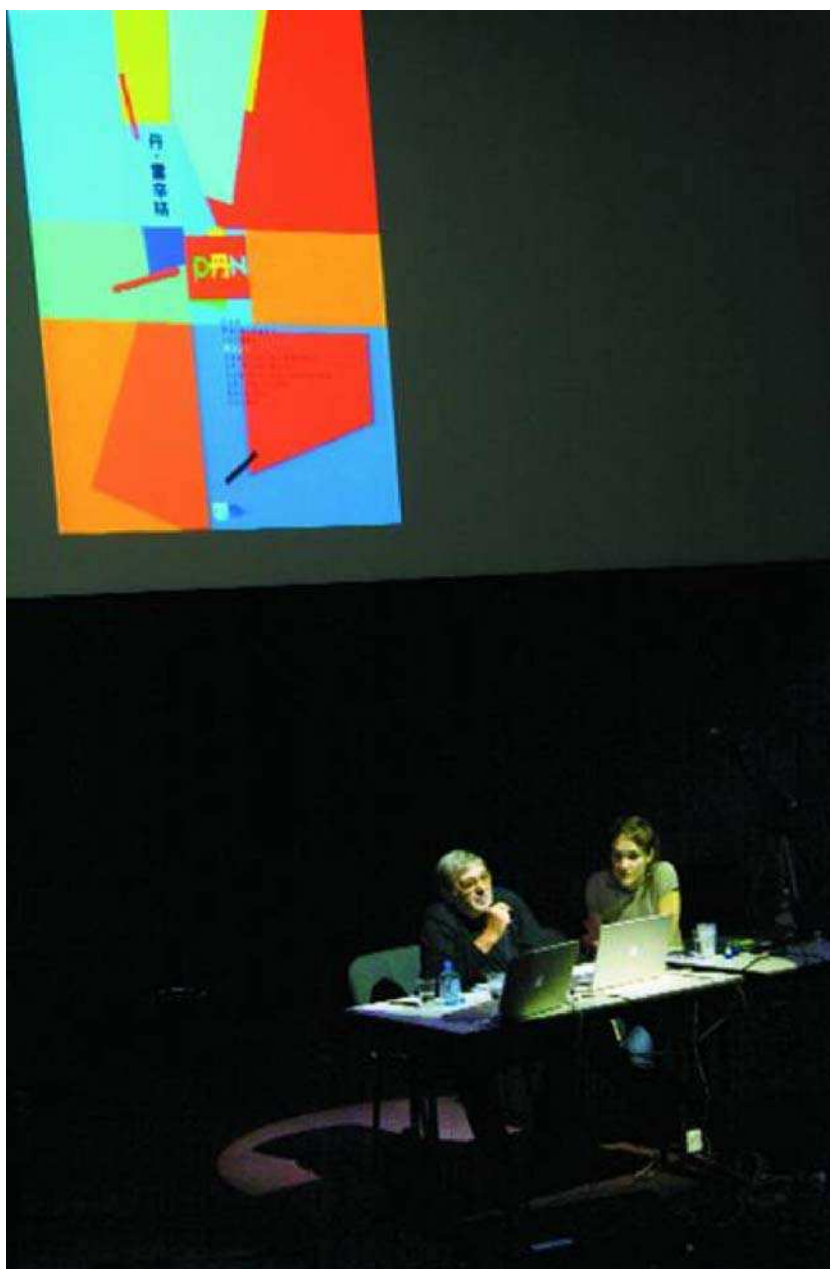
Биеннале «Золотая пчела» в Москве

Азתי עץ אדומים

Плакаты – никакого изображения, только цвет и шрифт, но это работает: работает как ритм, который подчиняет твоё внимание заданной автором иерархии смыслов, отстраивая структуры восприятия, отношений с миром... Плакат как событие, как то, что вступает с тобой в настойчивый диалог, диалог со вновь созданным пространством, заставляя человека меняться.

Собственно, всего лишь шрифт, цвет, геометрическая форма. Дизайн. Или искусство?

В основном на биеннале «Золотая пчела» были представлены постеры и плакаты.

Биеннале проводится в Москве в восьмой раз, первая состоялась в 1992 году. Усилиями международного жюри под бесменным председательством знаменитого израильского дизайнера Дана Райзингера на выставку были отобраны лучшие работы художников-графиков из 43 стран мира: от Австралии до Японии, от Германии до Малайзии...

Акцент был сделан на шрифтовых работах и на развитии той линии графического искусства, что была заложена в свое время русскими футуристами. Как видно из экспозиции, открытия 10–20-х годов прошлого века и сегодня не утратили своей актуальности. Маяковский, Родченко, а значит, Малевич с его супрематизмом, Кандинский, Татлин на годы вперед определили не только советский дизайн – они повлияли на немцев с их «Баухаузом», на французов. Следы этого влияния ощутимы до сих пор, более того, выставка как бы настойчиво их подчеркивает.

Не в последнюю очередь это связано с художественными интересами председателя жюри Дана Райзингера – художника, обостренно чувствующего свою связь с дизайнерской школой «Баухауз», возникшей в 1920-х годах в Германии и в начале 1930-х

разогнанной нацистами, чтобы... сохраниться в Израиле, который иногда называют «заповедником “Баухауза”»...

У истоков «Баухауза» стоял архитектор Вальтер Гропиус, поставивший своей задачей в век массового производства не дать бездушному конвейеру убить в человеке все живое. Как? А просто объединить производство с искусством. Промышленный дизайн как своего рода панацея от бед современного мира? Почему бы и нет. Почти утопия, но сколь же притягательная...

Гропиусу удалось создать систему обучения дизайнеров и архитекторов, когда человек начинал совершенно иначе смотреть на окружающий его мир. Достаточно сказать, что в школе у Гропиуса, получившей название «Баухауз» – «дом строительства» по-немецки, основы живописи и рисунка преподавали Пауль Клее и Василий Кандинский...

Всякой утопии суждено закончиться трагически – и «Баухауз» не стал исключением. Школа несла в себе идею создания среды, соразмерной человеку, позволяя ему раскрыться, развернуться во всей полноте своего «быть». Гропиус хотел, чтобы архитектура была одновременно функциональной – и гуманистичной. «Баухауз» сильно отличался от конструктивизма – стиля, который был еще популярен в то время. Если сравнить, например, Дом на набережной или Лондонский университет с домами, выстроенными в эстетике «Баухауза», то разница очевидна. Конструктивизм подавляет человеческое «я», диктует свои законы, то есть фактически является тоталитарным стилем. «Баухауз» же идет от обратного: дать человеку максимум функциональности, при этом не перегружать своим «я», оставить человеку свободу собственного выражения в предлагаемом пространстве.

По сути, создатели «Баухауза» надеялись изменить мир. Но проект оказался нереализуемым, и не в последнюю очередь еще и потому, что оппонентом его стало время – прямо скажем, весьма неласковое. Немецкое общество 1920-х было истерзано и вымотано не только проигранной войной, революцией, сопутствующим им голодом, кризисом производства и прочими «радостями», сопровождающими подобные катаклизмы. Кроме этого, оно еще устало от ощущения неустойчивости, зыбкости всех ценностей – и фантастически быстрой смены культурных течений за предыдущие тридцать лет: импрессионизм, декаданс, символизм, экспрессионизм, футуризм, кубизм...

Общество устало от культуры как таковой, – оно хотело витальности, примитивной силы: тон в Германии стали задавать чернорубашечники, нацистские штурмовики.

В 1933 году «Баухауз» был закрыт, преподавательский и ученический состав распущен.

Сродни осколкам взорвавшейся звезды, выпускники «Баухауза» были занесены в самые разные уголки земного шара, где преподавали. Девятнадцать человек эмигрировали в Израиль.

Именно их усилиями был создан облик Тель-Авива – города, который в 2003-м ЮНЕСКО признало городом – памятником архитектуры в стиле «Баухауза»: с характерной простотой объемов, асимметричностью форм, громадными окнами, лаконичностью линий...

Архитектурные и цветографические рельефы для школы менеджмента

Университета Бар-Илан.

Иерусалим. 1994 год.

Своего рода ирония истории: немецкий стиль, созданный, не в последнюю очередь, под влиянием революции и сложной ситуации в Германии в 1920-х годах (когда происходящее в стране было «началом конца»), смог прижиться в... Израиле, у народа, который нацисты стремились уничтожить. В этом смысле искусство победило, и это стало свободой, на которую не могла повлиять ни одна политика, пусть даже самая жесткая.

На примере «Баухауза» видно, что дизайн – это способ взаимодействия с миром, попытка строить с ним отношения. Вот почему подобное направление не могло существовать в системе, созданной Гитлером. Зато с успехом прижилось в Израиле.

В 1949 году израильтянин Дан Райзингер поступил в Академию художеств «Бецалель» в Иерусалиме, где в ту пору преподавали выходцы из «Баухауза». Райзингер впитал их идеи, отношения с реальностью – чтобы его усилиями стиль «Баухауза» воскрес, как феникс из пепла, «иным и тем же». Сегодня за Райзингером стоит целая дизайнерская школа – иногда ее называют «школой современного израильского дизайна». Живая, динамичная, проникнутая стремлением насытить любой объект, выходящий из мастерской дизайнера, культурной памятью.

Московская биеннале, во многом спроектированная Даном Райзингером, стремилась представить графический дизайн как некую живую материю, которая существует в своем измерении и по своим законам. Это попытка перестроить отношения между человеком и пространством так, чтобы заставить нас мыслить по-другому, видеть вокруг иное пространство, во многом – непривычное, поражающее своей неожиданностью. Это провокация, «подаренная» Даном Райзингером российскому зрителю.

При этом забавно, что дизайн, с которым нам приходится сталкиваться в повседневной жизни, смотрится во много раз хуже, чем объекты, явленные на выставке. Да, работы проходили конкурсный отбор и «реализация» проекта зависела от профессионального жюри, а не от мнения «заказчика». Но не удается отделаться от тягостного чувства, что нынешний российский дизайн хорош лишь в дозированных и тщательно отобранных проявлениях – на выставках и т. д. Он совершенно не работает вне этой, «дизайнерской», среды. Хороший, интересный дизайн (неважно, графический, интерьерный или средовой) остается чем-то вроде междусобойчика. Междусобойчика, в целом недоступного широкому кругу потребителей – и даже зрителям выставочной экспозиции. Вообще, для нашего зрителя дизайнерские выставки покуда еще в новинку. Даже само понятие «дизайн» в русском языке сравнительно новое. Вначале было не очень ясно, где его стоит употреблять, зато теперь оно мелькает к месту и не к месту.

Стоит задуматься: что же есть «дизайн» – продукт потребления, рассчитанный на массовый спрос, или все-таки искусство, но – в его современном прочтении?

Может статься, что Дан Райзингер своими работами дает ответ на этот вопрос.

Если сегодня искусство оказывается либо «социальным актом» (для многих художников концепция стоит на первом месте), либо чистым декором, то дизайн Дана Райзингера (и некоторых других участников выставки) предельно нагружен культурными аллюзиями: он создает вокруг человека культурную оболочку, позволяет поддерживать память об иных эпохах, подталкивая зрителя к образному мышлению, когда каждая фигура, каждый штрих или мазок кисти когда-то и где-то уже был виден, но здесь и сейчас это смотрится по-новому – перед нами в лучшем смысле слова оригинальное произведение графического искусства, в котором присутствует отсылка к известным художникам.

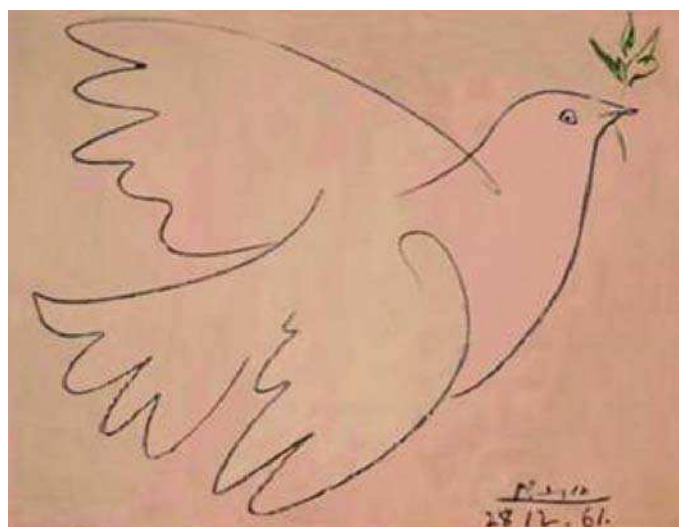
Биеннале «Золотая пчела» наводит на мысль о том, что графический дизайн может (и должен бы) превратиться в искусство, востребованное сегодня. Как простая и лаконичная форма, он может вобрать в себя бесконечное количество смыслов, каждый из

которых разворачивается внутри другого, образуя свое графическое пространство. Пространство, в которое хочется войти.

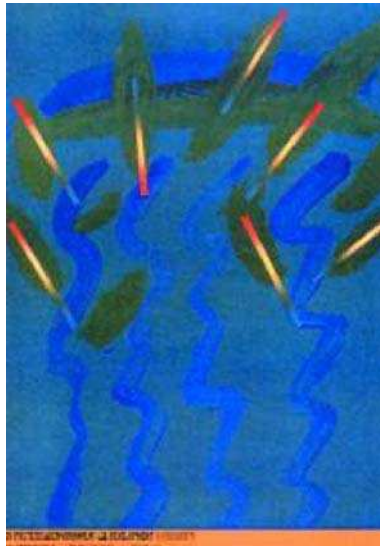

Д. Райзингер. Плакаты «1945–1995».

Международная плакатная акция компании «Линия График».

П. Пикассо. Голубь мира.

Плакат Д. Райзингера на тему «Окружающая среда и развитие», посвященный экологическому саммиту.

Бразилия. 1992 год.

Ритм цвета и формы.

Супрематизм.

К. Малевич.

1915 год.

Плакат к персональной выставке

Д. Райзингера «Магия и логика».

Варшава. 2007 год.

ГИТЛЕР СОБЧАК КСЮША КАПУТ

Ааааа Аааа

Режиссер Марюс Вайсберг

Гитлер капут!

Россия, 2008

Это прибавление в семействе сатирических фильмов о Третьем рейхе, где за дедушку – «Великий диктатор» Чарли Чаплина (1940), а за младшую внучку – прошлогодняя картина Дани Леви «Мой фюрер, или Самая правдивая правда об Адольфе Гитлере». «Гитлер капут!» – этакая Жучка, думается; в конуре во дворе.

Жил да был в Третьем рейхе штандартенфюрер СС Шуренберг, он же – советский разведчик Шура Осечкин (Павел Деревянко), и в один прекрасный день к нему катапультировали радистку Зину (Анна Семенович), и они полюбили друг друга, но вскорости, как раз в преддверии 9 мая, Шуренберг оказался на грани провала, а дальше... Нет уж, увольте меня от пересказа. Фильм этот снят не фабулы ради, думается. Попробуем по-другому.

Картина Марюса Вайсберга намеренно эклектична и гипертрофированно пародийна. Сценарист (если таковой вообще имелся) работал в технике patchwork, чередуя блоки, составленные, в свою очередь, из самых расхожих масскультовых топосов. Центральный тематический блок построен, очевидным образом, на сериале «Семнадцать мгновений весны», но поданном опосредованно – в стилистике анекдотов про Штирлица. На эту основу нанизываются дополнительные элементы из самого минималистического набора сведений о фашизме: конкурс на лучшее исполнение приветствия «хайль Гитлер», «район Хендехохово», фастфудовское блюдо «картофель-фриц» и немного другое. Подобное ограничение самыми непритязательными средствами в построении образной системы картины объясняется не заботой об интеллектуальном комфорте определенной зрительской категории, а решением специфических эстетических задач, думается.

Детальки, составляющие блок «Россия», суть: водка и соленый огурец, портал mail.ru и отдых в Турции, силикон и (нефте)доллары, гала-гламур-tojours и фигурное катание. Пытливый зритель не может не задаться вопросом, почему в список не вошел футбол и сладкоголосое пение победителя Евровидения; беда в том, что фильм был снят до летнего головокружительного вставания с колен. Думается, что подобный набор примет призван представить фьюжн из Руси вневременной и России современной. Нельзя

не обратить внимание и на смелую готовность сценариста к амбивалентным топосам: так, белокурой арийской бестии Эве Браун (Ксения Собчак) противопоставлена русская блондинка, и не одна.

Еврейская тема представлена дорожными знаками с перечеркнутыми звездами Давида и евреем Рабиновичем в полосатой робе и очках. Рабинович расстреливается не как еврей, а как партизан, хотя никакой он не партизан, а трус и музыкант, однако смерти под шквальным огнем ему удастся избежать благодаря своей виртуозной изворотливости. Буквализованной истинно еврейской изворотливости, думается.

Буквализация метафор и фразеологизмов, равно как инсценировка цитат, – важный художественный прием в обсуждаемой картине, если не сказать – центральный, если не сказать – единственный. На красной полосе с белой надписью «Линия фронта» солдаты режутся в карты, а Борман за отсутствием лучших предложений нежно обнимает изгиб гитары желтой.

Проблематика фильма включает и наболевшую тему нынешней бездуховности и падения нравов. Что Третий рейх, что советская разведка для протагонистов являются бизнесом, и нет места подвигу, если он не оговорен в контракте (здесь, думается, можно увидеть и критику наемной армии, которая, безусловно, обогащает общественно-политическое звучание картины). Кульминации эта тема достигает, думается, в сцене, где Шуренбергу предлагают безопасный коридор на родину, но он отправляется, рискуя собой, спасти свою возлюбленную из подвалов гестапо и неуверенно объясняет свой поступок следующим нравственным кредо: «Ну есть же какие-то вещи...»

Нельзя не отметить фрагментарное задействование мифологических пластов и их вовлечение в формирование образа супермена (к прочим профессиональным навыкам Шуренберга добавляется умение плевать смертельно ядовитой слюной), а также игру с концептом пространства (время от времени героям открывается дверца на идеальную родину). В этой последней детали, думается, можно увидеть аллюзию на «Приключения Буратино» или «Хроники Нарнии» и иные шедевры детской литературы, что косвенным образом демонстрирует актуальность картины и для этой категории зрителей.

Все, что написано выше, будучи означаемым, весьма удаленным от означаемого, должно считаться очень хорошей миной при очень плохой игре. Ибо, называя вещи своими именами, этот новый отечественный комедийный боевик – полный капут, ни на секунду не смешная, изнурительно несмотрительная Чудовищная Галиматъя, которая оставляет зрителя с самыми тяжелыми мыслями – и даже не о разрушительной трансформации национальной памяти о ВОВ, Б-г уж с ней, а о душевном и интеллектуальном здоровье нации вообще.

ХАСИДСКИЙ АНДЕГРАУНД

Аёаён Даі іі ідо

Режиссер Даниил Никулин

Хасиды: жизнь за веру

Россия, 2008

Чистые духом.

Исход.

В августе 2007 года «Лехаим» писал о премьеры первой части этой документальной трилогии: прошлым летом в Центральном доме литераторов был показан фильм «Непокорившийся» – о противостоянии в конце двадцатых большевистской власти и духовного лидера движения хасидов шестого Любавичского Ребе Йосефа-Ицхака Шнеерсона, о его аресте в 1927-м, внезапном освобождении и отъезде из СССР с небольшой группой сторонников. Через год после премьеры съемочная группа под руководством режиссера Даниила Никулина завершила работу над картиной. Общий руководитель проекта «Хасиды: жизнь за веру» – раввин московской синагоги на Большой Бронной Ицхак Коган. Выпуск компакт-диска в августе этого года приурочен был к 15 ава, «дню радости», когда нельзя поститься и предаваться скорби.

«Чистые духом» – второй фильм трилогии. Он рассказывает об истории «катакомбного» хасидского движения в 1921–1938 годах. Об общине «Томхей тмимим», готовившей посланников Ребе для городов СССР, о данной в миньяне «клятве десяти», о

тайных хедерах и подпольных ешивах, об усилиях, которые понадобились для соблюдения религиозных традиций в атеистическом государстве, провозгласившем свободу вероисповедания, и о той смертельной опасности, которой верующие в этом государстве подвергались.

«Тайная деятельность хасидов поражала организованностью, а также бесстрашием и жертвенностью участников», – произносит закадровый голос. Слова эти вполне передают впечатление от увиденного. Второй фильм заканчивается трагически: в 1938 году на Левашовской пустоши под Ленинградом (секретный объект КГБ до 1989 года, ныне мемориальное кладбище) были расстреляны 11 религиозных лидеров Любавичского движения. С возрождением хасидской общины Петербурга их могила – место поклонения. На ней стоит камень из красного гранита.

Третий фильм – «Исход» посвящен обстоятельствам выезда из СССР любавичских хасидов в 1946 году. Вскоре после войны был принят указ, позволявший польским гражданам, находившимся на территории СССР, вернуться в Польшу. В июле 1946 года к сторонникам Ребе пришла телеграмма: «Дедушка очень хочет повидаться с детьми тчк выезжайте к тете поле тчк там все хорошо тчк». Это послужило сигналом к образованию «львовского комитета» и организованной эмиграции. Сегодня по всему миру живет более 40 тыс. потомков тех, кому удалось вырваться на свободу.

История хасидского движения в СССР долгое время не была известна. В СССР власти предрешающие, и сами хасиды, каждый по своим причинам, не стремились к огласке. Лишь в 90-х прошлого века в России появились первые журнальные публикации и были изданы несколько мемуарных книг участников движения. В 2002 году при поддержке раввина Ицхака Когана историк-религиовед Ирина Осипова выпустила книгу «Хасиды: спасая народ свой» (М.: «Формика-С»). Исследование имеет подзаголовок «История хасидского подполья в годы большевистского террора», источником для него послужили материалы отчетов ОГПУ–НКВД– МГБ и следственные дела заключенных. Сценарий документальной трилогии написан на основе этой монографии.

Перед сценаристом и режиссером Даниилом Никулиным стояла непростая задача сделать документальный фильм при полном отсутствии документальной хроники. Разумеется, уроки в подпольных ешивах на кинолентку хасиды не снимали. И не танцевали перед любительской камерой фрейлахс на перроне у поезда «Львов – Варшава». В распоряжении съемочной группы были фото, сделанные тюремным фотографом, служебная переписка «органов», следственные дела осужденных. Но этого вкуче с талантом авторов оказалось достаточно для создания спецэффектов, передающих атмосферу тех лет. Компьютерная графика плюс дозированные постановочные кадры фиксируют зрительское внимание и позволяют эмоционально включиться в происходящее. Автор спецэффектов – Алексей Шугаев, закадровый текст читает Юрий Деркач.

...Стучит пишущая машинка, движется «каретка» Ундервуда, по экрану в разных направлениях плывут строки секретных донесений, зловещий голос за кадром с нажимом сообщает о «возросшей в ряде городов СССР активности участников “банды Шнеерсона”». Наплывом идут фото активистов движения. Силуэты людей возникают на фоне заверенных печатями документов, определяющих судьбу...

Завершается трилогия короткими интервью с молодыми раввинами, приехавшими в Россию для возрождения дела, начатого их предками, хасидами Любавичского Ребе.

ВОЙНА-ОНЛАЙН

Аאֵדֶ-ׁוִי ׁוֹיֵי עֵאִי ׁעֵעֵי

Война с давних пор является излюбленным развлечением человечества, и в этом деле все поводы хороши, войой – не хочу. Хошь – за независимость, хошь – против оной. Хошь – за испанское наследство, а хошь – за результат футбольного матча, как Сальвадор с Гондурасом. Некоторые сражаются недолго (англо-занзибарская война длилась всего 45 минут), а некоторые, наоборот, так увлекаются, что растягивают удовольствие на сто с лишним лет. В общем, войны есть на любые вкусы. И даже онлайн. Точнее, онлайн.орг.

Давайте сегодня заглянем на один сайт. Адресок несложный – <http://waronline.org/>, содержимое интересно, в общем, знакомьтесь: «Waronline», это читатели «Лехаима», читатели «Лехаима», это сайт «Waronline».

Прибыв на сайт, проведем рекогносцировку (или, как говорят штатские штафирки, «осмотримся вокруг») по всем правилам военного искусства. Особо смотреть, честно говоря, нечего: страничка болотного цвета (название цвета звучит не очень, но выглядит вполне по-боевому), на нем новости и анонсы новых материалов. Дизайн сайта прост и ясен как армейский приказ, но ведь мы с вами сюда не смотреть пришли, а читать, правда? Хотя и посмотреть там будет что.

В верхней части страницы расположены разделы сайта: «Новости», «Аналитика», «Терроризм», «ЦАХАЛ», «Ближний Восток», «Форум», «Книги», «Ссылки», «О нас» и «Помочь нам»

Ну, давайте начнем по-еврейски, справа налево. Стремительным броском мышки захватываем территорию раздела «О нас» и, нажав клавишу Enter (вообразите себе, что это Большая Красная Кнопка), откроем новую страницу. Читаем «О нас», то есть о них: «Наш сайт посвящен анализу вооруженных сил и истории войн на Ближнем Востоке.

Один из основных разделов сайта – «ЦАХАЛ» полностью посвящен современному состоянию, истории и вооружению Армии обороны Израиля (АОИ – ЦАХАЛ), а также прочих составляющих Сил безопасности Израиля (полиция, спецслужбы и служба тюрем).

Кроме этого мы публикуем материалы, связанные с военным балансом на Ближнем Востоке, анализ политической и военной ситуации, истории и природы терроризма». Ну что ж, неплохо и очень важно, а то в Мировой паутине полным-полно сайтов с рассказами о преступлениях израильской военщины, а вот про баланс и анализ у этих авторов не очень получается.

Читаем дальше: «Проект War Online строится на добровольческой основе, на собственные средства основателей». Это многое объясняет – и то, что раздел «Фотография недели» на главной странице украшает фото за 7 мая, и то, что в рубрике «Новости» израильские новости датированы 2005 годом, а разделы «Общие новости» и «Сегодня в истории» вообще не работают.

Раздел «Аналитика» тоже не блещет новизной, но в любом случае интервью с офицерами спецназа – это интересно, да и разбор нашумевшей в свое время книги «Еврейские солдаты Гитлера» с «непременным последующим разоблачением», как говорил кот Бегемот, – очень интересный.

Терроризм – тема, на Ближнем Востоке вечнозеленая, и среди материалов одноименной рубрики есть немало интересного и, увы, актуального. Готов поспорить, что мало кто знает о деле Хиндави! Слышать-то о нем, наверное, слышали все: попытка взрыва израильского авиалайнера пластиковой взрывчаткой, вмонтированной в калькулятор. Взрывчатку, кстати, вручил своей невесте лично жених (как она о нем думала). Высокие отношения, что и говорить... Ну не буду пересказывать всю статью, читайте, мы ведь затем сюда и пришли, не так ли?

Самый наполненный раздел сайта – «ЦАХАЛ». Тут, кстати, есть подраздел «Фотографии» с фотографиями по родам войск – сухопутные, ВВС, ВМФ, пограничники, спецназ, фотографии Танкового музея в Латруне и даже раздел «Женщины в армии». Но основные сокровища находятся в подразделе «Статьи». Рекомендую начать сначала (глубокая мысль, не правда ли?), особое внимание уделив статьям «Некоторые сведения о языке иврит», «Численность и комплектование АОИ» и «Иерархия воинских формирований». Ну а дальше смотрите влево (необязательно видеть грудь четвертого) – в имеющиеся рубрики. Отмечу лишь некоторые: «Униформа и символика» (статьи о наградах, знаменах, званиях, кокардах, головных уборах и даже об эмблемах подпольщиков), «Спецназ» (статьи о некоторых спецподразделениях и интересная статья о русских корнях некоторых еврейских героев), «История» (разбивка по каждой из войн), «Разное» (действительно разное) и «Используемые сокращения» (попробуйте без этого, читая статьи, догадаться, что такое ОФАБ, ПАОПП, ПАРСН или РКСН), а также электронный архив ежемесячного приложения газеты «Новости недели» «Военный вестник Израиля».

Раздел «Ближний Восток» посвящен армиям соседних государств, а в рубрике «Ссылки» можно найти сайты военных музеев и фотоархивов, ссылки на статьи о ЦАХАЛ в Википедии (привет из прошлого номера!), ссылки на арабские военные сайты и... изюминка рубрики – ссылки на интернет-дневники («ЖЖ», он же «Live Journal») участников форума.

Ну, вот, пожалуй, и все... Дальше разбирайтесь сами. В случае чего вызывайте подкрепление...

ЮХ МИТ МОНДАЛАХ

Î àðé Áóèì îá

Так в Одессе во времена, когда в еврейских семьях еще разговаривали аф идиш, называлось это блюдо. Уроженцы Литвы и Белоруссии, говорившие на «литовском» диалекте, произносят иначе, чем в Восточной Украине, мне доводилось слышать: юх мит мандлэх. Независимо от вариантов произношения, коих несколько, речь шла о традиционном, а лучше сказать, о классическом для ашкеназской кухни первом блюде – о курином бульоне.

Слово юх пришло в идиш из языков народов Северной Европы, в древнепрусском *juse* – «мясной бульон», в литовском *júse* – «рыбный суп», от индоевропейского корня в русском языке образованы слова «юшка» (мясной или рыбный навар) и «уха».

А мондалах, или мандлэх, происходит от того же слова, что и «миндаль», мужское имя Мендл и такие фамилии, как Мандель, Мандельбаум, Мандельштам, Миндлин, Менделев и Менделеев. Неоднократно миндаль упомянут в Танахе. Так, в одной из книг Торы сказано, что, когда Моше вошел в скинию Завета, жезл первосвященника Аарона пустил почки, расцвел и принес миндаль. В средневековой Европе сладкий миндаль был довольно дорогим удовольствием, заморским деликатесом, поступавшим на столы богачей из стран Средиземноморья и Центральной Азии. Ему приписывали замечательные свойства, многими из которых он обладал, тем более беднякам хотелось заполучить его в качестве собственного имени, фамилии или блюда. По форме и цвету «шарики» из поджаренного теста, подававшиеся в еврейских семьях к куриному бульону, напоминали миндальные орехи, отсюда и название.

Итак, мондалах. В Одессе их готовят следующим образом.

В эмалированной или фарфоровой посуде смешать одно взбитое яйцо, 10 г (2 ст. ложки) очищенного растительного масла, щепотку соли (это необязательно) и не более стакана пшеничной муки. Тесто должно быть однородным, без комочков и не очень крутым. Его раскатывают в жгут диаметром 1,5–2 см, режут по длине также на 1,5–2 см. Противень или сковороду смазывают растительным, а лучше топленным сливочным маслом, в крайнем случае сливочным маргарином, выкладывают мондалах так, чтобы они не соприкасались, и запекают в духовке при температуре 150–170 градусов, переворачивая, до появления золотистой корочки. Не передержите! Другой способ – запекать в раскаленной сковороде с большим количеством подсолнечного масла, в этом случае корочка получается более твердой. Вот такие мондалах плавали в бульоне моего детства.

Приготовление его было делом нешуточным. Ранним утром, чтобы застать свежий, только-только привезенный товар, бабушка Маня Моисеевна отправлялась на Привоз. И ведь не лень было. А все почему? А потому, отвечу я вам, что «ребенок должен хорошо питаться». Это была ее аксиома.

С Привоза бабушка приносила не битую птицу, а двух «живых цыплят» – так называла она юных элегантных курочек не старше полугода (чтобы бульон получился прозрачным, курица не должна быть жирной). На неделю хватало двух. Бабушка привязывала их за ногу к штакетнику забора в дальнем углу палисадника и несколько дней подкармливала пшеничным зерном, рядом с кормушкой ставила и плошку с водой. Вязать прочные морские узлы Маня Моисеевна не умела, и частенько «цыплятам» удавалось отвязаться. Поминая их куриную мать, бабушка гонялась за «цыплятами» по палисаднику, а тот самый ребенок, который «должен хорошо питаться», с идиотским восторгом за погоней наблюдал. Заряда бодрости хватало на весь день.

Сама она никогда не умерщвляла курицу. В нашем дворе жил человек лет сорока по имени Яша; сын резника и работник идеологического фронта, он преподавал атеизм и научный коммунизм в финансово-экономическом техникуме, на службу ходил в строгом цвета морской волны костюме, всегда при галстук. Отец его к тому времени уже успел благоразумно переквалифицироваться, работал воспитателем в детском саду, да и жил далеко; за неимением самого резника Маня Моисеевна вынуждена была обращаться к сыну. Яков любезнейшим образом откликнулся на ее зов, приходил в палисадник и совершал процедуру согласно правилам кашрута. Ощипанную, выпотрошенную и хорошо промытую курицу, отделив шею и лапы, бабушка варила целиком. Вот ее рецепт.

Ингредиенты: 1 курица, 3,5–4 л воды, 1 большая очищенная луковица, 3 неочищенных дольки чеснока, 2 большие сладкие моркови, 1 корень петрушки, 1 корень сельдерея, 4–5 горошин душистого перца, 1 ст. ложка уксуса, 1 ст. ложка соли. Порядок действий: курицу и лук положить в кастрюлю, залить холодной водой, влить ложку уксуса и на малом огне довести до кипения. Убавить огонь до минимума, снять пену шумовкой, а также удалить ее тканевой салфеткой со стенок кастрюли. После этого посолить, положить оставшиеся ингредиенты и варить на минимальном (!) огне 2,5–3 часа. Коренья сельдерея и петрушки обязательны! После выключения огня нужно выловить и вынуть коренья и специи, оставив сваренную курицу и бульон наедине в кастрюле.

Некоторые хозяйки после закипания воду полностью сливают («Она хочет себя показать!» – М. Жванецкий), вытирают от пены стенки кастрюли, вновь заливают холодной водой и варят бульон по тому же рецепту, а для большей прозрачности только-только сваренный бульон еще и процеживают.

Мондалах – классическая приправа к куриному бульону, в таком виде они – уж как минимум! – двести лет вместе. Подается бульон также с лапшой (в словаре у авторитетнейшего Владимира Ивановича Даля встречаем: «юшка с лапшердаками – жидовское») либо с отварной белой фасолью, сваренной в том же бульоне, и порезанной кружками морковкой или с половинкой крутого яйца. Не забудьте добавить щепоть свежей мелко нашинкованной петрушки и укропа.

Тарелка такого бульона – знаю не от В.И. Даля, а по опыту – прекрасно восстанавливает силы, она же – незаменимое лекарство при простуде. За свои целебные свойства куриный бульон называют «еврейским пенициллином».

ПОЗЫВНОЙ – «ЗЕФИР»

יֵאֵפוּי אִיִּרְעָאִיעִי

Есть люди, о которых немного известно, пока они живы, и только после смерти их фигуры постепенно начинают проявляться на фоне мировой истории. Писать о таких людях невероятно сложно – информацию приходится собирать буквально по крупицам, кроме того, многое из того, что становится известным сегодня, может оказаться лишь слухами, вымыслом. Работа с такими биографиями похожа на собирание паззла, среди частей которого затерялись детали из другого набора; каждый факт приходится перепроверять, каждое слово о человеке ставить под сомнение.

М. Мукасей с женой.

Одним из таких людей был легендарный советский разведчик Михаил Исаакович Мукасей. Еще совсем недавно о нем было не принято писать, да и ГРУ не особенно спешило раскрывать подробности его работы. Его смерть всколыхнула волну интереса к его персоне, но сегодня, спустя два месяца, о нем снова стали забывать. А информации как было ничтожное количество, так и осталось. Доподлинно известно лишь, что за всю свою многолетнюю карьеру в разведке Михаил Мукасей не допустил ни единой ошибки, не дал ни одного повода контрразведкам противника заподозрить неладное и так и не был раскрыт. И что, вернувшись на родину, он занялся подготовкой молодых специалистов.

Михаил Исаакович Мукасей родился 13 августа 1907 года в белорусской деревне Замостье, где семья Мукасеев проживала уже не одно поколение. Мукасеи были

потомственными кузнецами. Однако Михаила, по всей видимости, не сильно прельщало кузнецкое ремесло, а может быть, ему просто хотелось вырваться из деревни, – по достижении совершеннолетия он отправился в Ленинград, где для начала устроился на работу на Балтийский судостроительный завод.

По свидетельствам друзей и знакомых, Михаил сразу же влился в трудовой коллектив, принимал активное участие в общественной жизни завода, учился на рабфаке. В 1929 году он подал заявление на вступление в партию и был сразу же принят.

Работа на судостроительном заводе стала лишь первой ступенькой в карьере будущего разведчика: он поступил в Ленинградский университет, после окончания которого его командировали в Ленинградский восточный институт, где Мукасей изучал иностранные языки, в их числе – английский и бенгальский. В эти годы Михаил познакомился со своей будущей женой и соратником по разведывательной работе Елизаветой Емельяновой, в то время студенткой биологического факультета Ленинградского университета. В тридцатилетнем возрасте Мукасей стал сотрудником разведки – известно, что в 1937 году он учился в школе Разведывательного управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Первым ответственным заданием Михаила Мукасея стала работа в Лос-Анджелесе, где он находился с 1939 по 1943 год в качестве советского вице-консула. Голливуд принял разведчика едва ли не с распростертыми объятиями: в то время в среде американской творческой элиты был в моде интерес к советской культуре. Этот интерес следовало использовать, и в советском консульстве стали часто устраивать кинопросмотры, концерты, коктейльные вечеринки. За короткое время Михаил Мукасей свел знакомство со всеми местными знаменитостями, в числе его друзей значились кинозвезды, музыканты и писатели, многие из которых были вхожи в высшие сферы государственной власти Соединенных Штатов – президент Франклин Рузвельт очень гордился своими добрыми отношениями с творческой элитой страны. Мукасей был коротко знаком с мегазвездами американского немого кино Мэри Пикфорд и ее мужем Дугласом Фэрбенксом, Чарльзом Спенсером Чаплином, который не раз поставлял разведчику конфиденциальные сведения, почерпнутые из весьма близких к президенту США источников. Михаил водил дружбу с Уолтом Диснеем, Теодором Драйзером, Сергеем Рахманиновым, кинорежиссером Борисом Морозом, который официально являлся советским резидентом в США, – он сдался ФБР в 1947 году, выдав многих из своих коллег по резидентурной сети. По счастью, Михаила Мукасея к тому времени уже давно не было в Соединенных Штатах.

В Центр из США одно за другим летели донесения с важнейшими сведениями, которые Мукасею удавалось раздобыть через своих знаменитых информаторов. В 1939 году Мукасей шлет в Москву предупреждение о том, что Япония готовится вступить в войну против СССР, но на ближайшее время решимость японских лидеров вызывает большие сомнения. Сведения были самые надежные – Чарли Чаплин, коротко знакомый с Элеонорой Рузвельт, женой президента США, получил эту информацию, что называется, «из первых рук». Несколькими неделями позже сведения подтвердились донесением другого разведчика – Рихарда Зорге, работавшего в то время в Токио. В благодарность за доставленную информацию – хотя официальным поводом стала известная фраза Чаплина о том, что он любит советских людей, советских детей и даже советских животных, – вице-консул с согласия Центра подарил американскому комику бурого медвежонка Чарли, доставленного с первым советским пароходом, причалившим к побережью Северной Америки. Подарок произвел на Чаплина неизгладимое впечатление, и

медвежонок жил в доме актера довольно долго, пока не превратился во взрослого медведя, после чего его отправили в зоопарк.

Однако работа разведчика далеко не всегда была праздником – часто приходилось рисковать. В задачи Михаила Мукасея входила также забота о резидентах: он должен был обеспечивать им беспрепятственный въезд на территорию Соединенных Штатов, а когда требовалось, то и помочь выехать из страны. Однажды для этого пришлось даже организовать на борту советского парохода прием с участием голливудских звезд. Разведчик-нелегал, за которым по пятам шли агенты ФБР, легко затерялся в толпе, а ищейки остались с носом. Расчет Мукасея был верен: не станет же ФБР допрашивать знаменитостей – и без того отношения между Голливудом и секретными службами были крайне натянутыми.

В 1943 году супруги Мукасей вернулись в СССР. Михаила назначили заместителем начальника учебной части разведшколы в Москве, а потом пригласили на Лубянку для «работы в особых условиях». Мукасеи недолго раздумывали над предложением и в 1955 году выехали в одну из западноевропейских стран в качестве теперь уже резидентов. Целью их работы было создание развитой советской резидентской сети в Западной Европе. После предательства Бориса Мороза имя и лицо советского разведчика Михаила Мукасея было хорошо известно не только в США, но и по эту сторону Атлантического океана – в ФБР, руководимом в те годы Эдгаром Гувером, была хорошо налажена информационная связь с европейскими контрразведками. Однако, несмотря ни на что, Мукасей выполнил все поставленные перед ним задачи.

Более двадцати лет, вплоть до 1977 года, супруги Мукасей, скрываясь под позывными «Зефир» и «Эльза», работали в Европе, выполняя задания Москвы. Кроме выполнения сверхсекретных заданий, Михаил и Елизавета осуществляли общее руководство советской региональной резидентурой в Европе: вся информация от резидентов стекалась к ним, обрабатывалась и передавалась в Центр.

За это время несколько раз они были на грани разоблачения. Например, швейцарские газеты много писали о радиопередатчике, который якобы удалось запеленговать контрразведке, не добавляли оптимизма и обыски в домах по соседству, но все обошлось благополучно. После Швейцарии был Париж, где коллега Михаила и Елизаветы умирал от рака. Они несколько лет прожили во Франции, заменив скончавшегося «К.» и выполняя его работу.

Год Мукасеи провели в Израиле. В это время (1967–1968 годы) у СССР не было дипломатической миссии в этой стране, а следовательно, не было и легальной резидентуры КГБ. Супругам пришлось взять на себя ответственность в «сложный переходный период». Претерпели ли они моральный ущерб как евреи, «замечательно справившись с задачей»? Думается, вряд ли: случай Мукасеев не единственный – для советского разведчика, еврея в том числе, таких понятий, как национальность и вероисповедание, должно быть, не существовало.

По возвращении в Москву Михаил и Елизавета Мукасей занялись подготовкой нового поколения резидентов. Их ученики работали – а может быть, работают и сейчас – во многих странах мира, практически на всех континентах планеты.

За выдающиеся заслуги перед страной Михаил Исаакович Мукасей был награжден множеством орденов и медалей. В их числе – ордена Красного Знамени и Красной Звезды, орден святого князя Александра Невского I степени, медаль «За боевые

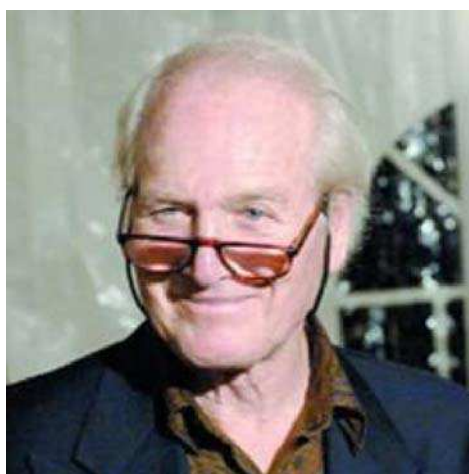
заслуги». Кроме того, за выдающийся вклад в обеспечение безопасности страны Михаил Мукасей был удостоен золотой медали и премии имени Юрия Андропова.

В прошлом году почетный сотрудник госбезопасности, полковник, академик, профессор Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Михаил Исаакович Мукасей справил свой сотый день рождения. На торжественной церемонии чествования патриарха отечественной разведки присутствовал президент Российской Федерации Владимир Путин.

Днем 19 августа этого года информационное агентство ИТАР–ТАСС передало, что легендарный советский разведчик скончался в возрасте ста одного года. Он умер в своей квартире в Москве, в присутствии жены Елизаветы, с которой за семьдесят шесть лет совместной жизни и работы чуть ли не в буквальном смысле прошел огонь, воду и медные трубы.

ПОЛ НЬЮМЕН: САМЫЙ ГОЛУБОГЛАЗЫЙ КОВБОЙ

Один из известнейших актеров американского кино умер 26 сентября в возрасте 83 лет. За время своей карьеры он снялся почти в шестидесяти фильмах и получил два «Оскара», в том числе почетный – за вклад в киноиндустрию.

Пол Леонард Ньюмен родился 26 января 1925 года в престижном кливлендском пригороде Шейкер Хейтс. Его отец, преуспевающий торговец спортивными товарами Артур Ньюмен, был евреем, а мать, Тереза Фетцер, – католичкой со словацкими корнями. Позднее Пол всегда подчеркивал свое еврейство – само слово «еврей» звучит как вызов, утверждал он.

Во время войны Ньюмен был направлен на курсы пилотов, но оказался дальтоником и продолжил службу радистом. Чудом избежав гибели в битве при Окинаве, он вернулся в Огайо, где окончил университет, а потом отправился учиться актерскому мастерству в знаменитую нью-йоркскую школу Ли Страсберга. Там Ньюмен познакомился с Джеймсом Дином и Марлоном Брандо – впоследствии его постоянно сравнивали и с тем и с другим: с Дином он совпадал по амплу, а на Брандо был попросту очень похож внешне.

Вскоре он дебютировал на Бродвее (театральный дебют, впрочем, состоялся куда раньше – в семь лет Ньюмен поучаствовал в школьной постановке «Робин Гуда»). В 1954 году последовал дебют кинематографический: роль в ленте «Серебряный кубок» – псевдодозпической драме на псевдоевангельский сюжет. Фильм был столь чудовищен, что Ньюмен счел своим долгом выкупить целую полосу в газете и извиниться перед зрителями за участие в нем.

Успех пришел к нему после того, как он сыграл боксера Рокки Грациано в ленте 1956 года «Кто-то там наверху любит меня» (первоначально роль предназначалась Джеймсу Дину, но тот погиб незадолго до начала съемок). Вышедший двумя годами позднее фильм «Кошка на раскаленной крыше» (по пьесе Теннесси Уильямса), где Ньюмен сыграл в паре с Элизабет Тейлор, закрепил за ним статус звезды и принес первую

номинацию на «Оскар». В том же 1958-м он получил приз Каннского фестиваля за роль в «Долгом жарком лете» – вольной экранизации фолкнеровского романа «Деревушка».

Это вполне могло оказаться его последним успехом – мало кто из звезд 50-х смог без потерь продолжить карьеру в принципиально ином кинематографе следующих десятилетий. Новое время требовало новых героев. Но Ньюмен словно и не заметил смены киноформаций. Наоборот, именно в 60-х он стал одним из самых востребованных американских актеров, снявшись за десять лет в 18 фильмах. Среди них «Исход» по Леону Юрису (роль Ари бен Канаана), «Сладкоголосая птица юности» все по тому же Теннесси Уильямсу, история провинциального эгоиста «Хад», антисоветский триллер Альфреда Хичкока «Разорванный занавес», невестерн «Омбре», тюремная драма «Хладнокровный Люк» и др.

В 1969 году Ньюмен на пару с другим голубоглазым символом Голливуда Робертом Редфордом изобразили обаятельных грабителей банков в картине Джорджа Роя Хилла «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид». Четыре года спустя Ньюмен и Редфорд вновь появились на экране вместе, в криминальной комедии того же Хилла «Афера». Фильмы Хилла закрепили за Ньюменом статус уже даже не звезды, а живой легенды.

В последующие годы Ньюмен постепенно сокращает свое присутствие в кинематографе, снявшись, впрочем, у Роберта Олтмана в лентах «Буффало Билл и индейцы» (роль Буффало Билла – безусловный шедевр Ньюмена) и «Квintет», в судебной драме Сидни Поллака «Без злого умысла», в «Вердикте» Сидни Люмета, в лучшем фильме братьев Коэнов «Зиц-председатель», в «Проклятом пути» Сэма Мендеса. В 1986 году, с седьмой попытки, он наконец получает «Оскар» за лучшую главную мужскую роль. Любопытно, что награда нашла героя за участие в фильме Мартина Скорсезе «Цвет денег», где Ньюмен сыграл Быстрого Эдди Фелсона. Так же звали героя Ньюмена в фильме «Бильярдист», снятом на четверть века раньше, и за ту роль актер тоже номинировался на премию Американской киноакадемии. Еще любопытнее, что почетный «Оскар» за вклад в кинематограф Ньюмен получил за год до «Оскара» «настоящего». Всего он снялся более чем в полусотне фильмов.

Удача сопутствовала Ньюмену и в других его начинаниях. Его режиссерский дебют «Рейчел, Рейчел» был выдвинут в 1968 году на «Оскар» в четырех основных номинациях. Неизменно хорошую прессу получали и его следующие фильмы, в том числе экранизация «Стеклянного зверинца» Теннесси Уильямса. Всерьез увлекшись автоспортом, он весьма успешно выступал в профессиональных соревнованиях. Его компания «Newman's Own» – производитель кетчупа, лимонада и попкорна – приносила значительную прибыль, целиком направлявшуюся на благотворительность. В начале лета 2008 года стало известно, что Ньюмен болен раком. В августе он вышел из нью-йоркской клиники, где проходил курс химиотерапии, и вернулся домой, в Коннектикут. Там он и умер, окруженный женой, детьми и ближайшими друзьями.

Ї ёйёё Ї аёёіа

БОРИС ЕФИМОВ: И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИЛАСЬ ЖИЗНЬ...

В ночь на 1 октября не стало одного из самых выдающихся людей нашего времени. В возрасте 108 лет скончался знаменитый советский художник-карикатурист, Герой Социалистического Труда, трехкратный лауреат Государственной премии СССР, член Академии художеств СССР, а позже и Российской академии художеств Борис Ефимович Ефимов.

Борис Ефимов – об этом упоминают все, кто знал его лично, – был удивительным человеком. Он умел относиться к жизни так, что складывалось полное впечатление заигрывания с судьбой, а он просто старался дышать полной грудью и каждый день проживать так, как будто бы этот день был последним. «Даже Аллах не может сделать бывшее небывшим» – это была любимая поговорка Бориса Ефимова. Она же стала его жизненным кредо: что толку сожалеть о том, что было? Нужно просто двигаться, не оглядываясь назад. Нужно просто пережить все неприятности, остаться непричастным, не допустить, чтобы что-то плохое завладело мыслями и чувствами. Нужно абстрагироваться от жизни и на все смотреть со слегка циничной полуулыбкой все понимающего человека. Может быть, именно такое отношение к жизни стало главной причиной долголетия художника.

За свою жизнь Борису Ефимову выпало повидать многое: две войны, советскую власть, сталинский террор, крушение империи, становление нового государства. Он был знаком с Лениным, Муссолини, общался со Сталиным – генералиссимус очень любил работы Ефимова и даже иногда лично редактировал их, прося художника внести какие-то изменения в рисунок. Художник неизменно следовал указаниям сверху, хотя искренне считал Сталина посредственностью. Борис Ефимов также поддерживал знакомство со Львом Давидовичем Троцким, которого очень уважал и ценил. Что, однако, совершенно не мешало ему изображать Троцкого и его единомышленников в своих карикатурах.

С нашим журналом Борис Ефимов стал сотрудничать около десяти лет назад. Он пришел в «Лехаим» благодаря знакомству с одним из лучших наших редакторов Мусей Иосифовной Вигдорович. Если внимательно пролистать подшивки журнала номер за номером, то имя Бориса Ефимовича Ефимова не один десяток раз встретится на страницах нашего издания. Сотрудничество с художником было очень плодотворным: на его имя приходили десятки писем – статьи Бориса Ефимова, которые зачастую он сам же и иллюстрировал, вызывали неизменный интерес у читателя.

Однажды Борис Ефимович сделал подарок главному раввину России Берлу Лазару: он преподнес в дар старый женский молитвенник, найденный им в Майданеке во время освобождения этого лагеря смерти советскими войсками. Какая-то неудержимая сила повела Ефимова в женский барак, заставила найти в углу маленькую потрепанную книжицу с переводом на немецкий. Художник привез ее домой с фронта и отдал матери, а когда та умерла, передал в синагогу.

Борис Ефимович Ефимов (настоящая фамилия Фридлянд) родился 28 сентября 1900 года в Киеве. Рисовать начал рано – уже в пять лет его карандаш был довольно бойким. Борис Ефимов неоднократно упоминал, что никогда не учился художественному мастерству, ремесло постигал исключительно на практике. С самого раннего детства юного художника мало привлекало все то, на что обычно обращают внимание дети: гораздо больше щенков, котят и цветов его интересовали люди, их эмоции и характеры. Уже в этом возрасте мальчик научился подмечать смешное в окружающих и мастерски переносить это смешное на бумагу.

В 1914 году семья Фридлянд переехала в польский город Белосток, где Борис и его старший брат – будущий публицист Михаил Кольцов, не переживший репрессий 1937 года, – поступили в реальное училище. Первым более или менее серьезным опытом художественной работы стал рукописный школьный журнал, который братья затеяли выпускать в училище. Михаил взял на себя редакторскую работу, Борис занялся иллюстрированием.

Ему было шестнадцать, когда его первая карикатура вышла в популярном в те годы иллюстрированном журнале «Солнце России». Подросток смастерил из фотографий шарж на председателя Государственной думы Михаила Родзянко и отправил плоды своих трудов в Петербург. Каково же было удивление Бориса, когда в новом номере журнала он увидел свою работу. С этого момента начинается творческий путь знаменитого карикатуриста.

Почувствовав, что его рисунки нравятся окружающим, Борис решил заняться этим всерьез. Он начал рисовать шаржи на знаменитых современниках: поэт Александр Блок, актриса Вера Юренева, режиссер Александр Кугель попадали на страницы его альбомов. Но шаржами дело ограничиться не могло и тогда из-под его карандаша стали выходить острые политические карикатуры. По серии цветных рисунков «Завоеватели»

можно изучать летопись стремительно менявшихся в Киеве властей: немецкой, белогвардейской, петлюровской. С приходом в Украину советской власти Ефимов устроился на работу секретарем Редакционно-издательского отдела в Народном комиссариате по военным делам. Его карикатуры и агитационные рисунки постоянно появляются на страницах местных газет и журналов.

Однако масштаб работы не мог удовлетворить такого деятельного человека, как Борис Ефимов. В 1922 году он переезжает в Москву, и «его» изданиями становятся «Рабочая газета», «Крокодил», «Правда», «Известия», «Огонек», «Прожектор»; стали выходить альбомы с работами художника. Начиная с этого времени специализацией Ефимова стала политическая сатира.

Он выпускает карикатуры на многих западных политических деятелей: в 1920-х годах это были Юз, Деладье, Чемберлен; в 1930–1940-х – Гитлер, Геббельс, Геринг и Муссолини; потом Черчилль, Трумэн и многие другие. Не забывает художник и об отечественных политических фигурах. Во время второй мировой войны имя Бориса Ефимова и его карикатуры на вождей рейха были широко известны в Германии. Он был одним из первых в списке под грифом «Найти и повесить».

Великая Отечественная война стала важной вехой в жизни Бориса Ефимова. Уже на шестой день после нападения Германии на Советский Союз группой писателей и художников, в которую входил и Ефимов, была создана мастерская «Окна ТАСС». Сводки с фронта и последние международные сообщения немедленно превращались в плакаты, которые вывешивались на московских улицах, тиражировались и отправлялись в тыл, поддерживая людей в самые трудные для них времена, вселяя веру в победу.

В 1954 году Бориса Ефимовича избрали членом-корреспондентом Академии художеств СССР, а год спустя он стал членом правления Союза художников СССР. Потом пришли заслуженные звания «Народный художник РСФСР» и «Народный художник СССР».

Свою последнюю политическую карикатуру Борис Ефимов нарисовал на Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Ею закончился XX век и карьера художника – по его собственным словам, в новом веке время войны идеологий прошло, и для его карандаша просто не осталось объектов. Всего за 86 лет своей художественной карьеры Ефимов создал десятки тысяч политических карикатур, агитационных плакатов, юмористических рисунков, иллюстраций, шаржей, а также станковых серий сатирических рисунков для зональных, групповых и всесоюзных художественных выставок. На его счету десятки сатирических альбомов, а также ряд книг воспоминаний, рассказов, очерков, статей, исследований по истории и теории карикатуристики.

В субботу, 4 октября, Москва простилась со знаменитым художником. На гражданскую панихиду и похороны собралось более тысячи человек – сотни друзей и знакомых, которых у Ефимова было просто огромное количество; десятки учеников и последователей провожали художника к месту захоронения на Новодевичьем кладбище столицы. Среди прочих официальных и неофициальных лиц, свои соболезнования родным Бориса Ефимовича выразил главный раввин России Берл Лазар: «Уверен, что чувство скорби разделяют со мной сегодня многие тысячи евреев – причем не только в России, но и во всем мире. Ведь Борис Ефимович был для нас всех живой легендой. Он запечатлел для потомков всю российскую историю XX века, от крушения царского режима до падения коммунизма и обретения долгожданной свободы. Талант художника – явление универсальное, его выразительные средства наднациональны. Но как человек Борис

Ефимович всегда оставался евреем, воплощал в себе все то лучшее, что характеризует российское еврейство, – острый критический ум и теплоту души, способность выразить взгляды всех людей, независимо от происхождения, и одновременно приверженность исторической памяти своего народа. Мы всегда будем помнить Бориса Ефимовича, и я уверен, что его светлый образ сохранится в сердцах еще многих поколений».

Коллектив редакции журнала «Лехаим» присоединяется к словам главного раввина России и выражает свое глубокое соболезнование семье и близким художника.

יְהִי שָׁלוֹם לְרוּחַ אֲבוֹתֵינוּ

ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2008 ХЕШВАН 5769 – 11(199)

ВИКА РУДОВСКАЯ: ЖИЗНЬ И ИГРА

Î àðé Çàé:èé

Виктория Рудовская – ветеран украинского и израильского баскетбола, учитель физкультуры и спорта в поселении Беэр-Товия. Живет с семьей в городе Ашдод на юге страны. Но Рудовская еще и баскетбольный тренер. Точнее, наверное, будет сказать о ней: сначала тренер, затем учитель.

Урожденная киевлянка, она всегда хотела играть в баскетбол, и не где-нибудь, а в киевском «Динамо». Причин тому было несколько, одна из главных – всегда была футбольной болельщицей и всегда болела за «Динамо» Валерия Васильевича Лобановского. Но поскольку в «Динамо» ее сразу не взяли, она начала заниматься в киевской ДЮСШ № 3 в возрасте одиннадцати лет у тренера Леонида Петровича Чернова. Он остался в памяти Вики замечательным человеком и тренером. Никаких недоразумений со своим происхождением у нее не было в Киеве, это была другая страна – СССР.

После школы Вика уехала выступать во Львов, так как в «Динамо» ее не брали. Начала выступать за команду Первой лиги. Неплохо играла и получила несколько предложений из команд Высшей лиги Армении и Казахстана. Из Львова вернулась в Киев. «Динамо» тогда тренировал Владлен Иосифович Морщинин, он и пригласил ее в чаемый клуб. Именно в «Динамо» Рудовская стала последней чемпионкой СССР по баскетболу.

– В Израиль я уехала вместе с семьей 24 марта, а последняя игра плей-офф была 3 апреля 1991 года, так что медаль я свою не получила, но чемпионкой стала заслуженно.

В аэропорту в Лоде ее встречали Менахем Вайнхорен из команды «Элицур» (Холон), председатель израильского общества «Элицур».

Начала Вика играть в Холоне, но там не все сошлось, и Рудовская переходит в Рамле.

Из СССР тогда приехало много девушек-баскетболисток. Олимпийская чемпионка Москвы 1980 года Вида Беселене. Приехали Люда Спиридонова, Инна Гуревич, она играет до сих пор как молодая. Приехала Ира Сероштан, тоже продолжает играть, Инна Бутенко, Лена Осадчая...

Женский баскетбол в Израиле находился в ту пору на уровне значительно более низком, чем мужской. Девочки были невысокими, малоподвижными, с европейскими командами играть было крайне сложно. Что говорить, если сама Рудовская при росте 176 см считалась одной из высоких девушек в сборной.

За сборную Украины она не успела сыграть ни одного матча, что дало ей право выступать за Израиль. «Русский закон», когда на площадке должны обязательно находиться два игрока, уроженцы страны, не распространяется на женский баскетбол.

За полтора-два десятка лет женский баскетбол сильно прибавил в Израиле. Девочки из сборной второй раз подряд пробилась в финальный турнир ЧЕ 2009 года, который должен пройти в Латвии. Наши девушки отлично сыграли отборочный турнир, обыграли всех, в том числе Германию, Литву, Великобританию. Успех невероятный, если учесть, что все начиналось совсем недавно и практически с нуля.

– Я отношу это на счет талантливого нового поколения баскетболисток, – говорит Рудовская с мягким южнорусским произношением, – а также работы умного, интеллигентного тренера Эли Раби, дающего свободно играть девочкам, которые достойны этого. Он опирается на спортсменок, которые умеют и знают в баскетболе больше него, не стесняется принять и понять чужой опыт и знания. Чтобы так себя вести, нужны и такт, и мужество, и отсутствие мужского эгоизма.

Новые девушки в нашей сборной действительно одарены, умны, резки и сильны. Очень талантливое поколение. Катя Абрамзон и Катя Левицкая, Дженифер Фляйшер и Шай Дорон, Лирон Коен...

– С отцом Кати Левицкой Володей мы много раз пересекались в Киеве. Он играл в том самом «Будивельнике», в котором выступал великий баскетболист, прекрасный человек, игрок НБА и олимпийский чемпион 1988 года Александр Волков. Володя Левицкий сейчас работает в Израиле в Национальном банке, дочь играет в баскетбол. Отец Дженифер Стив Фляйшер играл в «Маккаби» в 70-х годах. Преемственность поколений!.. Обе Кати высокие, умные, много умеющие баскетболистки, Шай и Лирон – очень одарены, так что Латвии есть на кого ставить. Я надеюсь поехать в Латвию в будущем году на чемпионат Европы, там должно быть очень интересно.

Сама Рудовская играла на первой и второй позициях на площадке. То есть она разыгрывала и атаковала, была настоящим командным игроком, очень сильным в индивидуальном плане. Вокруг нее во многом строилась игра сборной Израиля.

После завершения игровой карьеры Вика три года работала вторым тренером в команде Первой лиги. Но, по ее словам, никакой стабильности и уверенности в завтрашнем дне у нее не было. Она подтвердила свой диплом Института физкультуры в Киеве и пошла работать в израильскую школу учителем.

– Мне это нравится, я уверена в себе и своей работе. Тренирую, конечно, потому что без баскетбола не могу. Могла бы и играть, как другие девочки, но все-таки решила, что хватит, – говорит Вика.

Ее 15-летний сын баскетболом не интересуется. Вот компьютер, музыка – это да. Однако, чтобы мама и папа не ругались, он ходит в тренажерный зал, бегаёт по берегу моря. Правда, без мяча. Пока без мяча...

– Мальчик говорит по-русски? – спрашиваю я.

– Конечно. Но с сильным акцентом, – отвечает Рудовская.

Акцент – это ничего, Вика, с акцентом жить можно, в Израиле тем более.

В заключение несколько слов о баскетбольной тренерской школе в Израиле. Мы беседовали с Рудовской за день до решающего матча мужской сборной Израиля в отборочном турнире ЧЕ 2009 года. Израильтянам предстояло сыграть с чехами у себя дома. Честно говоря, у нашей команды шансов было мало. Тренера сборной Цви Шерфа критиковали за проваленный отборочный турнир все кому не лень. Не удержался и я. Рудовская была более сдержанна. Израильтяне выиграли со счетом 98:61 у сильной чешской сборной и пробились в финальный турнир. Была большая радость, настоящий праздник.

Отметим, что в Польше на финальном турнире ЧЕ будут четыре (!) национальные сборные, которые тренируют израильские наставники. Это Россия (Дэвид Блат), Болгария (Пини Гершон), Польша (Мули Кацорин) и Израиль (Цви Шерф).

Помимо них есть еще Гади Кейдар и Боб Гонен, которые тренируют сборные Голландии и Австрии. Вот вам баскетбольная школа Израиля, представленная широко и разнообразно.

На мой взгляд, это самое убедительное доказательство уровня израильского баскетбола.

НОЯБРЬ

Агдей Бааейта

1.XI.2005

Три года назад Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла резолюцию 60/7, объявившую 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста. Именно 27 января 1945 года Красная Армия освободила крупнейший нацистский лагерь смерти Освенцим на юге Польши в 60 км к западу от Кракова. Резолюция безоговорочно осудила проявления религиозной нетерпимости, преследований или насилия на основе этнического происхождения или религиозных убеждений, где бы они ни происходили, и призвала государства – члены ООН разработать просветительские программы, чтобы уроки Холокоста навсегда сохранились в памяти последующих поколений и способствовали предотвращению актов геноцида в будущем. Мир содрогнулся, узнав об Освенциме: в центре Европы, давшей человечеству светочей гуманизма, функционировала фабрика смерти, гигантский «комбинат» по промышленному уничтожению людей. Согласно материалам Нюрнбергского трибунала, здесь свой последний скорбный и страшный путь прошли 2,8 миллиона человек, 90% из которых были евреи. Именно трагические последствия второй мировой войны обусловили создание Организации Объединенных Наций. Важнейшей частью ее мандата, закрепленного в Уставе, является защита прав всех людей без различия расы, пола, языка или религии. После принятия резолюции тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан назвал дату 27 января «важным напоминанием об имеющих всеобщее значение уроках Холокоста, этого беспрецедентного проявления зла, которое нельзя просто оставить в прошлом и предать забвению».

4.XI.1908

100 лет назад в Варшаве в семье еврейского торговца бумагой родился Джозеф (Йозеф) Ротблат – выдающийся физик-ядерщик и виднейший общественный деятель, последовательный борец за ядерную безопасность и ликвидацию угрозы третьей мировой войны, лауреат Нобелевской премии мира (1995), член Лондонского королевского общества, удостоенный титула лорда, и ряда других национальных академий и научных обществ, почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Бизнес отца будущего нобелевского лауреата во время первой мировой войны рухнул, и семья зарабатывала на жизнь подпольным производством и продажей водки. Йозеф, освоивший ремесло электрика, в 1933 году получил место в Радиологической лаборатории Варшавского

научного общества. Спустя четыре года он был назначен заместителем директора Института атомной физики Польского свободного университета, а в 1938 году стал доктором физики Варшавского университета. С 1939 года он работал в Англии, где в основном занимался измерениями энергии нейтронов, испускаемых при делении атомных ядер урана. Вызволить жену из оккупированной Польши молодому физику не удалось: подобно огромному числу польских евреев, она стала жертвой Холокоста. Первый брак так и остался для него единственным. В 1944 году Ротблат в составе группы английских ядерщиков был командирован в США, но от непосредственного участия в Манхэттенском проекте (разработка атомной бомбы) уклонился, считая недопустимым использование науки для создания оружия массового уничтожения мирного населения. Ему не давала покоя фраза, как-то услышанная от руководителя проекта – бравого полковника Лесли Гроувза: «Конечно, действительная цель создания атомной бомбы – это обуздать русских». Ротблат вернулся в Англию, где после американских атомных бомбардировок Японии сосредоточился на проблемах биологического действия радиации, атмосферных радиоактивных осадков, границ безопасности потоков ионизирующего излучения. Он доказал, что военные обманывают мировую общественность, на много порядков занижая данные по порождаемому ядерными испытаниями радиоактивному загрязнению. Ротблат стал одним из наиболее авторитетных борцов против гонки вооружений. В 1950 году самым молодым из ученых он поставил свою подпись под знаменитым манифестом Рассела–Эйнштейна. Манифест этот призывал ученых мира объединить усилия по выработке программы действий по предотвращению термоядерной войны, которая неизбежно приведет к исчезновению человечества как биологического вида. Ротблат сыграл центральную роль в организации вызванного манифестом Пагуошского движения. В Пагуоше, живописном поместье в канадской провинции Новая Шотландия, проходят регулярные конференции ученых из передовых в научном отношении стран. Здесь в неформальной обстановке обсуждаются подходы к глобальным проблемам предотвращения использования оружия массового уничтожения, энергетики, экологии, демографии и т. п. В 1957–1973 годах Ротблат был генеральным секретарем Пагуошского движения ученых. В 1988–1997 годах – его президентом, затем – почетным президентом. Именно за эту деятельность Ротблат, как и само Пагуошское движение, и был удостоен Нобелевской премии мира. Он умер в 2005 году, не дожив нескольких месяцев до 96-летия.

10.XI.1938

70 лет назад, ночью, вошедшей в историю под названием «ночи битых стекол» (или «хрустальной»), по всей Германии и ряду городов Австрии прокатилась волна инсценированных как «стихийное выражение народного гнева» еврейских погромов. Поводом к этой акции, давно подготавливавшейся нацистской пропагандой, стала смерть в Париже Эрнста фон Рата, третьего секретаря германского посольства во Франции, в которого двумя днями ранее стрелял находившийся в Париже 17-летний польский еврей Гершель Гриншпан. Со стороны юноши это был отчаянный акт мести. Он получил открытку от престарелых родителей, которые вместе с двенадцатью тысячами других польских евреев в конце октября были изгнаны из Германии и оставлены без крова и пищи умирать на ничьей земле, поскольку польское правительство принять их отказалось. (Альтернативную версию этого убийства см.: М. Финтушал. Тайна «хрустальной ночи»//Лехаим, 2006, №11.) Германию охватила истерия: в школах, на заводах, в учреждениях начались гневные митинги, на улицах и по радио звучал траурный марш из великой бетховенской Героической симфонии. С подстрекательской речью выступил шеф нацистской пропаганды Йозеф Геббельс. За ночь тысячи еврейских домов были разгромлены, 4500 еврейских торговых и коммерческих предприятий оказались разграбленными. Надругательству подверглись еврейские кладбища, 150 синагог были

сожжены и 75 разгромлены, 90 человек убиты, сотни ранены и покалечены, около 600 евреев покончили жизнь самоубийством. 25 тысяч были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря, несколько сотен из них погибли в дороге в результате нечеловеческих издевательств эсэсовцев. Общий материальный ущерб составил порядка 25 млн рейхсмарок, из которых 5 млн пришлось на разбитые витрины, с чем, собственно, и было связано укоренившееся название этого небывалого по масштабам и бесчинству всегерманского погрома, после которого улицы городов были завалены битым стеклом – «хрусталем»... На следующий день «Правда» писала: «По своим размерам и жестокости погром превосходит все происходившее до сих пор. Еврейское население избивается прямо на улицах городов. 10 ноября в 5 часов утра фашисты начали погром еврейских магазинов на Фридрихштрассе, Лейпцигерштрассе и других центральных улицах Берлина».

19.XI.1938

70 лет назад в парижской клинике на 73-м году жизни умер Лев Исаакович Шестов (настоящее имя Лейб-Иеуда Шварцман). В 1920 году он покинул Россию и обосновался во Франции. Сын богатого киевского фабриканта Исаака Моисеевича Шварцмана – основателя и владельца крупнейшей в Киеве торговой фирмы «Товарищество мануфактур Исаак Шварцман», самобытный российский философ-экзистенциалист, литератор обучался в Императорском Московском университете. Сначала на физико-математическом факультете, а затем на юридическом. После защиты диссертации, посвященной рабочему вопросу, опубликовать которую цензура запретила, Шестов несколько лет жил в Киеве. Работая на отцовском предприятии, интенсивно занимался литературой и философией. Однако совмещать бизнес и философию оказалось нелегко. В 1895 году Шестова постигло нервное расстройство и пришлось уехать за границу на лечение. В 1896 году в Риме Шестов женился на православной девушке Анне Елеазаровне Березовской, и, поскольку его отец был ортодоксальным иудеем, мыслитель был вынужден долгие годы хранить этот брак в тайне, основную часть времени проводя в Европе. Один из наиболее крупных отечественных философов начала XX века, предвосхитивший ряд идей западного экзистенциализма, Шестов в качестве главной темы своего дискурса выдвигал трагизм человеческого существования, переживание безнадежности. Человек для него – жертва законов разума и морали, универсального и общеобязательного, а знание – лишь источник грехопадения рода человеческого, оказавшегося под властью «бездушных и необходимых истин» и утратившего свободу. Идеи Шестова развиты как в его немногочисленных специальных философских трудах, так и в блестящих литературно-критических работах, посвященных творчеству Уильяма Шекспира, Льва Толстого, Федора Достоевского, Фридриха Ницше, Блеза Паскаля, средневековых мистиков и схоластов. «Откуда у этого еврея такой блеск русской речи?» – восхищался литературным мастерством Шестова Дмитрий Мережковский. Как писал Николай Бердяев, «Лев Шестов был философом, который философствовал всем своим существом, для которого философия была не академической специальностью, а делом жизни и смерти. Он был однодум. И поразительна была его независимость от

окружающих течений времени. Он искал Б-га, искал освобождения человека от власти необходимости. И это было его личной проблемой».

20.XI.1948

60 лет назад Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР приняли совместное постановление «О Еврейском антифашистском комитете», в котором Министерству государственной безопасности поручалось «немедленно распустить Еврейский антифашистский комитет, так как факты свидетельствуют, что этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки». На следующий день после проведения обыска помещение уже фактически разгромленного ЕАК было закрыто и опечатано, тогда же был прекращен выпуск печатного органа ЕАК – газеты на идише «Эйникайт» («Единство»). А 25 ноября Политбюро ликвидировало, видимо, несколько позабытое второпях издательство «Дер эмес» («Правда»), тесно связанное с ЕАК. Главная задача «Эйникайт», выходявшей с июня 1942 года, была сформулирована председателем ЕАК С.М. Михоэлсом в передовой статье ее первого номера: «Газета... имеет задачей объединить всех евреев в этой священной войне». К 1948 году ее тираж составлял 10 тыс. экземпляров, из которых 800 отправлялись за границу. «Эйникайт» выделялась высоким литературным уровнем публиковавшихся материалов, а также определенной сдержанностью в критике «классово враждебных» еврейских идеологических течений за рубежом, в частности сионизма. Яркими и значительными произведениями была представлена на ее страницах советская еврейская литература, освещались театральные и спортивные события. «Эйникайт» отразила важные стороны еврейской жизни в Советском Союзе накануне ее тотального разгрома, и сотрудники газеты в полной мере разделили печальную судьбу множества других деятелей еврейской культуры, попавших под каток государственного антисемитизма. По версии МГБ, газета, создав разветвленную корреспондентскую сеть, включавшую штатных и великое множество внештатных сотрудников, поставляла западным разведкам «шпионскую информацию» со всех уголков Советского Союза. Еще более тяжелый удар нанесло по культуре советского еврейства закрытие издательства «Дер эмес», существовавшего с начала 1920-х годов и выпускавшего разнообразную литературу, преимущественно художественную, на языке идиш, а также переводы с идиша на русский. Вскоре после разгона издательства его директор Л.И. Стронгин и главный редактор М.С. Беленький были арестованы, впрочем как и часть рядовых сотрудников.

24.XI.1873

135 лет назад в Константинополе (с 1928 года Стамбул) в состоятельной и многолетней еврейской семье Осипа Александровича Цедербаума, просвещенного служащего Русского общества пароходства и торговли и одновременно корреспондента консервативных столичных газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время», родился Юлий Осипович Цедербаум. Революционер, более известный под псевдонимом Л. Мартов, основоположник меньшевизма, он стал одним из виднейших деятелей российского социал-демократического движения. В 1877 году в связи с началом русско-турецкой войны Цедербаумы вернулись в Петербург, где Юлий в 1891 году поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета. Однако уже вскоре за революционную деятельность из студентов его отчислили, арестовали и после полугодового заключения сослали под гласный надзор полиции в Вильну (ныне Вильнюс). Там он принял активное участие в создании первой в России социал-демократической организации «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (с 1897 года – Бунд). А в 1895 году он вместе с В.И. Лениным вошел в число

основателей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Поначалу близкие друзья, товарищи по борьбе и созданию печатавшейся в Германии подпольной революционной газеты «Искра», Мартов и Ленин превратились в политических противников, когда последний в 1903 году на II съезде Российской социал-демократической партии (РСДРП) провозгласил курс на превращение ее в некую лево-экстремистскую авторитарную структуру, каковой в конце концов и стала его большевистская партия. И именно Мартов для обозначения подобной идеологии в 1905 году первым ввел в оборот термин «ленинизм». В дальнейшем, за исключением кратких эпизодических сближений, меньшевики Мартова оставались непримиримыми врагами большевиков. К Октябрьскому перевороту Мартов отнесся крайне отрицательно, энергично выступал против ограничения большевиками свободы слова, протестовал против арестов видных политических деятелей, не только меньшевиков и эсеров, но также и представителей буржуазных партий и беспартийных. Резко осудил разгон Учредительного собрания, а затем и «похабный» мир с Германией. В конце 1918 года он все же пришел к выводу о необходимости принять «советский строй как факт действительности», но по-прежнему требовал его демократизации. В 1920 году Ленин разрешил другу молодости выехать за границу. Умер Мартов от туберкулеза 4 апреля 1923 года в одном из санаториев Шварцвальда. После кремирования его прах был захоронен в Берлине в присутствии М. Горького, тогда также эмигранта.

Авторы номера:

Роман Арбитман (р. 1962) литературный критик, пишущий о проблемах массовой культуры. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р.С. Каца) и нескольких детективных романов (под маской Льва Гурского).

Максим Василенко (р. 1977) журналист, филолог-русист.

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий (1871–1957) историк еврейского мистицизма и хасидизма («Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» [1931–1958]).

Хаим Граде (1919–1982) один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт в 1932 году. Был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор нескольких сборников стихотворений, циклов рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Игорь Губерман (р. 1936) поэт, прозаик. Автор легендарных «гариков» – коротких стихотворений философско-юмористического содержания, книг «Гарики на каждый день», «Прогулки вокруг барака», «Штрихи к портрету» и др.

Симон Джекобсон (р. 1956) основатель «Центра жизни, полной смысла», автор книг «К жизни, полной смысла» и «60 дней: духовное руководство к праздникам». Тесно сотрудничал с Любавичским Ребе. После его смерти координирует публикацию бесед Ребе. Возглавлял группу исследователей «Сефер а-Ликутим» – энциклопедии хасидской мысли (26 томов, 1977–1982).

Марк Зайчик (р. 1947) прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]). Печатался в журналах «Континент», «Эхо», «22», «Звезда».

Галина Зеленина историк, литератор, переводчик. Доцент РГГУ и ИСАА при МГУ, редактор сайта «Booknik.ru: Еврейские тексты и темы». Автор монографии «От скипетра Иуды к жезлу шута. Придворные евреи в средневековой Испании», переводов и статей по средневековой еврейской истории, истории Испании, гендерной проблематике.

Анна Исакова журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин (р. 1969) журналист. Печатается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Илья Карпенко (р. 1961) филолог, литературовед, журналист.

Леонид Кацис (р. 1958) филолог (Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000, 2004; Осип Манделштам: мускус иудейства. М., 2002; Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое

исследование дела Бейлиса. М., 2006 и др.). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Борис Кли́н (р. 1970) журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года» – 2006. Работал спецкором газеты «Коммерсантъ», журнала «Профиль», телевизионной программы «Время».

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Афанасий Мамедов (р. 1960) прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Финалист Букера-2003. Лауреат премии им. Казакова (2007).

Давид Маркиш (р. 1938) писатель, сценарист, журналист. Автор романов «Стать Лютовым», «Белый круг» и других, сборников рассказов. Лауреат израильских и международных литературных премий.

Эдуард Нитобург (р. 1918) историк, этнограф-американист. Заслуженный деятель науки РФ. Автор около 300 публикаций, 20 книг и монографий: «Африканцы в странах Америки: Негритянский компонент в формировании наций Западного полушария» (1987), «Евреи в Америке на исходе XX века» (1997) и др.

Михаил Носоновский (р. 1969) семитолог, автор публикаций по проблемам иудаики и научно-популярных статей о еврейской истории и культуре.

Леонид Радзиховский (р. 1953) журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЕЖ»), радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Александр Рапопорт (р. 1960) поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Григорий Ревзин (р. 1964) историк архитектуры («Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века» [1992], «Очерки по философии архитектурной формы» [2002]). Архитектурный критик, журналист ИД «Коммерсантъ», главный редактор журнала «Проект Классика». Публикуется в журналах AD, GQ и др.

Клайв Синклер (р. 1948) английский прозаик. За сборник рассказов «Золотые сердца» (1979) получил премию им. Сомерсета Моэма. В 1983 году опубликовал книгу «Братья Зингеры» об Исааке Башевисе Зингере и Исроэле-Иеошуа Зингере.

Борис Фрезинский (р. 1941) историк литературы, специалист по биографии и творчеству Ильи Эренбурга. Автор семи книг, посвященных истории советской литературы.

Михаил Эдельштейн (р. 1972) филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире», «Знамени», «НЛО» и др.

Борис Явелов (р. 1940) автор научных и научно-исторических статей и книг.